

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Институт гуманитарных наук

СЫКТЫВКАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени Питирима Сорокина

ЧЕЛОВЕК КАК ИДЕЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Всероссийская научно-практическая конференция
10–11 декабря 2021 года
г. Сыктывкар

Сборник научных статей

Текстовое научное электронное издание на компакт-диске

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2022

ISBN 978-5-87661-740-8

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2022
© Оформление. Издательство СГУ им. Питирима
Сорокина, 2022

Титул

Об издании

Производственно-технические сведения

Содержание

УДК 130.2
ББК 87.216
Ч-39

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за организацией-разработчиком.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Издается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина» (протокол № 6 от 23.06.2022)*

Ответственный редактор

Борис Михайлович Завьялов, канд. филос. наук, доцент, доцент каф.
философии и социально-политических наук

Редакционная коллегия:

Афанасьева Юлия Сергеевна, канд. ист. наук;

Дудар Татьяна Евгеньевна, канд. филос. наук, доцент;

Максимова Ольга Леонидовна, канд. филол. наук, доцент;

Максимова Наталья Леонидовна, ст. преподаватель, технический редактор;

Ткаченко Мария Рейсовна, канд. соц. наук;

Тонкова Елена Германовна, канд. филос. наук, доцент.

Ч-39 **Человек как Идея: концептуальные проекции человека в современных социальных исследованиях** [Электронный ресурс] : Всероссийская научно-практическая конференция (10-11 декабря 2021 года, г. Сыктывкар) : сборник научных статей : текстовое научное электронное издание на компакт-диске / отв. ред. Б. М. Завьялов ; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». – Электрон. текстовые дан. (1,5 Мб). – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. – 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium III ; 256 Мб RAM ; не менее 1,5 Гб на винчестере ; Windows XP с па-кетом обновления 2 (SP2) ; видеокарта с памятью не менее 32 Мб ; экран с разрешением не менее 1024 × 768 точек ; 4-скоростной дисковод (CD-ROM) и выше; мышь ; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с титул. экрана. – ISBN 978-5-87661-740-8

В сборнике представлены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Человек как Идея: концептуальные проекции человека в современных социальных исследованиях», очно-заочно проходившей в Институте гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина 10–11 декабря 2021 г.

Работы охватывают широкий спектр социально-гуманитарных исследований, связанных с прояснением и использованием концепта «идея человека» при анализе культурно-исторических, коммуникативных, знаково-символических пространств человеческого существования.

При публикации по возможности сохранен авторский стиль работ.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

УДК 130.2
ББК 87.216

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	6
--------------------------------	---

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ И КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Завьялов Б. М. Антропологическая оптика Варлама Шаламова	7
Ильин В. И. Капитализация человеческого ресурса как стратегия самореализации	11
Асташов В. Н. Идентичность как отражение власти социальной ситуации над индивидуальным Я (Опыт исследования проблемы на материалах Колымских рассказов В. Шаламова)	13
Баширова Я. М. Новая идентичность человека постмодерна	18
Белых Р. Н. Человек и общество в условиях пандемии коронавируса: опыт осмысления в современной философии	22
Вишняков А. В., Михайлов А. Е. Философия психоделической революции	25
Гордиенко Д. Д. Свобода воли и современная нейронаука: новый контекст старой проблемы	29
Ершов А. А. Концепция человека в процессе становления новой цивилизации	32
Иванов С. В. Прогностический потенциал мозга в русле когнитивных исследований	35
Круткин В. Л. Homo pictor: рисование как культурная практика	39
Кувакина А. О. Концепция людей как «сообщающихся сосудов»	43
Максимова О. Л. Концепция человека в философии лимитизма К. Ф. Жакова	46
Мартысюк П. Г. Свобода в контексте возвращения человека к самому себе	49
Михайлов А. Е., Михайлова М. В. Мировоззренческие трансформации под влиянием биомедицинских инноваций	52
Шамаева В. В. Модусы бытия телесности: философский анализ	56
Шурыгина М. А. Сравнительный анализ идеи сверхчеловека в философии Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше	59

РАЗДЕЛ II. ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Вьюнов П. Н. К вопросу о популярности фильмов ужасов	64
Гольцова Е. В. Человекообразность медийной среды как предмет медиаэкологии	66
Кузнецов В. А. Влияние сетей фастфуда на развитие городов на примере Архангельска	70

Кныш П. В. Кураторские проекты как особая форма коммуникации посетителя с произведениями искусства.....	73
Мамедов А. А. Университет как коммуникативное пространство и его влияние на социализацию студентов.....	77
Рабкин В. С. Коммуникативные технологии и практики в реализации концепции цифровизации образовательной сферы	80
Ткаченко М. Р. Сетевое поведение и сетевое взаимодействие молодежи в российских регионах	82
Уляшева Л. Г., Свиренкова О. В. Трансформация педагогического взаимодействия при профессиональном обучении в условиях новой коммуникативной реальности	86
Холопов Д. А. Дискурсы в современном коммуникативном пространстве (на примере трагедии Айлана Курди).....	89
Шестацкая М. Д. Теории социализации в учебно-методических комплексах по обществознанию	93
Яковлева Л. С. Персональная идентичность в пространстве современной интернет-коммуникации	96

РАЗДЕЛ III. АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Афанасьева Т. А. Похоронная обрядность в новгородской деревне конца XX века – начала XXI в. (по записям 2000–2010 годов УНЛ этнологических и современных социокультурных исследований НовГУ)	99
Ермилова А. А. Гриновский герой: Человек Блистающего мира	104
Кащей Н. А. Аксиологическое измерение деловой оценки человеческого ресурса	108
Кокарева Ю. В. Духовная безопасность личности в системе социальной и национальной безопасности	113
Кочерган Л. И. Идея человека в русском и советском изобразительном искусстве (на примере выставок «Золотой век русского искусства. Живопись и скульптура XVIII – первой половины XIX вв. из собрания Третьяковской галереи» и новой экспозиции изобразительного искусства Республики Коми «Коми: Человек. Ландшафт. Миф»).....	117
Максимова Н. Л. Паркур как практика освоения человеком социокультурного пространства.....	121
Маленко С. А., Некита А. Г. Игровые стратегии власти в современных постапокалиптических и антиутопических голливудских кинопроектах	124
Малинина К. О., Блынская Т. А. Аксиологические ориентации различных поколений в социокультурном пространстве Арктики (на примере Архангельской области)	126
Некита А. Г., Маленко С. А. Нейтрализация биотических и социальных рисков в голливудских постапокалиптических и антиутопических сценариях	129

Ненашева М. В. Жизненный мир локальных сообществ и его социально-гуманитарное измерение	132
Стрельченко А. Н., Лянцевич А. В. Формирование образа Р. И. Пименова средствами экспозиционного и графического дизайна (по итогам экспозиции «Три времени и девять пространств»)	134
Денисова А. В, Сердитова Т. Н. Человек как Идея: трансформация образа человека средствами изобразительного искусства	137
Тонкова Е. Г. Парадоксы толерантности	139
Фильштинская А. Г. Структура дискурсивного поля российской оперы	143
Худяев А. С. Священное пространство: опыт концептуализации феномена с учетом сущностных тезисов о человеке	148

РАЗДЕЛ IV. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Останина Е. М. Антропологическое измерение истории в философии истории школы праксиса	154
Мананникова А. Г. Человек и История: проблема «дефатализации прошлого» в философии Поля Рикёра.....	157
Зезегова О.И. Цивилизационный выбор князя Владимира: макроисторические и микроисторические факторы в работах историков.....	161
Афанасьева Ю. С. «Загадки русского сфинкса» в научном творчестве А. М. Ону	164
Коровина Н. Е. Государственная служба в имперской России в оценке министра внутренних дел П. А. Валуева (1861–1868 гг.).....	167
Гаврилова Л. С. Механизмы и принципы формирования имиджа регионального политика.....	170
Горбунов А. В. Деструктивное поведение человека в переходные периоды мирового политического процесса (на примере терроризма).....	173
Ломакина М. И. Влияние экологических протестов в Коми 2018–2019 годов на электоральную ситуацию в регионе и на результаты выборов в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва	176
Морохин Д. Р. Этнополитическая ситуация в восприятии жителей региона (на примере Республики Коми)	179
Тлишева В. Р. Факторы, влияющие на политическую активность и пассивность молодежи (на примере Республики Коми).....	183
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	188

От редакционной коллегии

Изучение человека и мира человеческого, знаково-символических, коммуникативных, культурно-исторических пространств его существования – задача всего комплекса гуманитарных и социальных наук. Интегративную роль в современных исследованиях человека, безусловно, играет философия. Поэтому именно кафедра философии и социально-политических наук Сыктывкарского государственного университета стала инициатором и организатором всероссийской научно-практической конференции «Человек как Идея: концептуальные проекции человека в современных социальных исследованиях», по материалам которой подготовлен данный сборник научных работ её участников.

Представленный здесь материал можно рассматривать как продолжение целого ряда научных проектов, связанных с комплексным исследованием человека, человеческого существования. Следует вспомнить исследование проблемы духовного производства в современном обществе в 80–х годах XX века, Всероссийскую научную конференцию «Человек: социокультурные практики, модели и языки описания», проходившую 8–9 декабря 1998 г., круглый стол с международным участием «Философско-гуманитарное сообщество: архаизм или практики будущего» в рамках XXVII Февральских чтений 2020 года, реализованных под эгидой сыктывкарских философов и гуманитариев.

Результатами своих исследований о смысле и значении концепта «идея человека», его встроенности в широкий спектр социально-гуманитарных, исторических исследований в сборнике делятся не только философы, но и политологи, социологи, культурологи, филологи, историки, этнографы, искусствоведы, специалисты в области образования из разных городов Российской Федерации (Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Вологды, Воронежа, Кирова, Сыктывкара, Великого Новгорода, Томска, Читы, Иркутска, Феодосии и др.).

Среди участников сборника много молодых авторов (магистрантов и аспирантов), что не может не радовать. Значит, будущее у современной социально-гуманитарной науки и философии есть.

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ И КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 141.319.8

https://doi.org/10.34130/9785876617408_7

Антропологическая оптика Варлама Шаламова

*Б. М. Завьялов, канд. философ. наук, доцент
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье на примере творчества Варлама Шаламова раскрывается возможность обнаружения и философского анализа антропологических установок и предпосылок в построении ориентированного на изображение человеческого существования художественного дискурса. В этой связи вводится и раскрывается понятие «антропологическая оптика».

Ключевые слова: идея человека, В. Т. Шаламов, антропологическая оптика, фотографичность, тело и телесное действие, поступок

Сфера, в которой работает философское мышление, – это предельные основания культуры, их прояснение, экспликация и категориальное развертывание. В этой связи идея человека предстает в философии в качестве компонента таких предельных оснований.

В философском мышлении задаются способы и формы осмысления места человека в универсуме, в пересечении природных, культурных, исторических размерностей. Идея человека в таком контексте не представляет собой некоторую «картинку», собирательный образ или исчерпывающее определение сущности человека и человеческого, а представляет собой, прежде всего, набор концептов, благодаря которым устанавливается возможность человеческого, его мыслимость применительно к определенному культурно-историческому контексту. Идея человека представлена, в явном или скрытом виде, в многообразном, изменчивом пространстве культуры, её типов, видов и форм. Обнаружение этой идеи, её повторяемости и смыслового наполнения – задача философской работы.

Осмысление идеи человека в философии исторично, сопряжено с культурно-историческими трансформациями его социального бытия. Постклассическая эпоха и постклассическая философия задали новый горизонт построения дискурса о человеке и человеческом. Важнейшими траекториями этого дискурса становятся представления о конечности, вариативности и обратимости того, что мы относим к особенностям человеческого существования. Эти представления зреют и обретают отчетливые контуры в различных дискурсивных практиках

(массовых и профессиональных) в качестве осознанных (или неосознанных) антропологических предпосылок или установок. Именно в этой связи мы можем говорить об антропологиях художественных и иных типах дискурсов. Философский анализ таких антропологий (антропологических установок, предпосылок), их образное, символическое, инструментальное выражение позволяет вести философский разговор об идее человека на основе соответствующего дискурсивного материала. В нашем случае это будут тексты В. Т. Шаламова. Философскими примерами для нас здесь могут быть работы ряда авторов [1].

Совокупность текстов Варлама Шаламова можно разделить на три группы: художественные (проза и поэзия), эпистолярные и дневниковые [3–8]. Если обратиться к двум последним, то в них представлена отрефлексирующая позиция писателя в отношении понимания человека и соответствующих эпохе способов его изображения. Что касается художественных текстов, то в них через образно-символические средства раскрывается человек, человеческое существование в запредельных обстоятельствах или, как говорил сам В. Т. Шаламов, в условиях «зачеловечности» [8, с. 487].

Чтобы выявить контуры или триангуляции антропологии автора Колымской эпопеи, необходимо удерживать в поле анализа три момента: а) авторское, выстраданное личной судьбой представление о человеке; б) антропологическую оптику писателя, то есть избранный и реализованный им в творческой работе инструментарий изображения человека; в) собственно художественный дискурс Варлама Шаламова. Говоря о художественном дискурсе, следует иметь в виду, что он не только репрезентирует (а) и (б), но и – как результат творческой работы – начинает жить своей жизнью, выговаривает то, что больше, богаче, многограннее мировоззренческих позиций автора.

За точку отсчета в понимании антропологии В. Шаламова нами здесь берется второй момент – (б), что позволяет, не отказываясь от антропологических и писательских рефлексий автора, обогатить их прозрениями и художественными интуициями в раскрытии человека и человеческого существования, представленных в целостности художественного дискурса бывшего узника Колымских лагерей. Каковы же главные особенности антропологической оптики В. Т. Шаламова?

Во-первых, это фотографичность. Главная особенность фотографии – референтность («это так и там было»), удержание мига, констатация факта существования – ведут на путь достоверности, которая заключена в остановке интерпретации [2, с. 114–159]. Именно к этому стремится в своём описании человека В. Шаламов (о фотографии не говорят, её рассматривают).

Фотографичность в данном случае означает отказ от всевидящего писательского глаза, выбор точной дистанции в изображении человека. Это, с одной сто-

роны, отказ от метафизической, исторической или религиозной высоты в рассмотрении человека, а с другой – запрет на такое приближение к нему, когда безосновательно начинают разговор о «внутреннем человеке», то есть о мотивах, эмоциональных состояниях, душевных страданиях «другого». Перед нами только то, что происходит здесь и сейчас. Данная дистанция позволяет отказаться от каких-либо прямолинейных поучений в отношении человека, претензий на создание идеальных образцов его действий и поступков.

Так достигается фотографическая достоверность свидетельствования о Колыме – *фактография* В. Шаламова. Следует заметить, что если в визуальной социологии или антропологии изображение рассматривается как текст [9; 10], то в нашем случае наоборот, текст (нарратив) рассматривается как приближение к фотографическому изображению.

Во-вторых, в фокусе изображения человека у В. Шаламова становится тело, телесное действие. Это как раз та конкретная единичность, на которую нацелен фотографический взгляд писателя. «Мы не исследуем души, – писал В. Т. Шаламов, – мы измеряем тело» [7, с. 341]. Писательское «измерение тела» показывает его трансформацию, потерю человеческой идентичности. Перед нами происходит зримое превращение здорового тела (тела-нормы) в тело «доходяги» в условиях изнурительного труда, холода и голода. Тело «доходяги» – это больное, деградирующее тело: с кровоточащими дёснами, населённое вшами, покрытое пятнами обморожений, язвами и шелушащейся кожей. Это тело снабжено скрюченными пальцами рук, оно несёт себя шаркающей походкой. Оно почти невесомо. Оно распространяет запахи пота, гноя и часто мочи. Оно практически лишено дефекаций. Это бесполое или асексуальное тело. Его обоняние и зрение сфокусировано на то, что может быть съедено. Его слух настроен на минимальное число сигналов: подъём на работу, построение, обед, завершение работы, отбой. И это не говорящее, а скорее мычащее, воющее тело.

Рабский труд и арестантский способ существования конструирует тело-жертву, тело-машину, которое утрачивает свою самость, статус «моего тела». Соприкасаясь с орудиями труда, это послушное тело превращается то в тело-тачку, то в тело-кайло, то в тело-лопату. Оно срастается с арестантской одеждой (ватными бушлатом и бурками, полотенцем вместо шарфа) и арестантским бытом (промозглым, полутёмным бараком, нарами, слабо греющей печуркой, парашей). Это тело ещё не мертво, но его уже нельзя назвать живым. Это тело на границе между живым и мёртвым. «Не жизнью была смерть замещена, а полусознанием, существованием, которому нет формул и которое не может называться жизнью» [4, с. 400]. Воссоздание картины существования «лагерного человека» предполагает работу с памятью. И здесь опорой для вспоминающего (писателя В. Шаламова) становится память тела, запечатлённый в нём колымский опыт. Образы де-

талей лагерного быта, ощущения холода, голода и физического изнурения от многочасовой работы запускаются следами отморожений и цинги, привыкших к ручкам тачки и кайла кистей рук, последствиями алиментарной дистрофии, привычками телесных действий и поведения – всем биодинамическим слоем сознания. Телесные рубцы, «тавро Колымы» воскрешают психоэмоциональные состояния пережитого опыта. Но на этой границе писатель В. Шаламов останавливается. Он предлагает читателю пережить самому лагерный опыт «другого» как свой возможный опыт, примерить этот опыт к себе.

Наконец, в-третьих, телесное действие является у В. Шаламова горизонтом поступка, а значит удержанием человеческой субъектности.

В письме к Н. П. Сиротинской, где В. Т. Шаламов формулирует основные принципы своей прозы, читаем: «В моих рассказах нет сюжета, нет так называемых характеров. На чем они держатся?» [8, с. 491]. Главный ответ на этот вопрос дан в записных книжках писателя: «Люди и поступки. Поступки вместо людей» [7, с. 348]. И действительно, если обратиться ко всему корпусу или отдельным сборникам колымских рассказов писателя, то их несущим стержнем является отношение *человек-поступок*.

По мысли В. Шаламова, *поступок – это деяние добра и зла*. Читая колымские рассказы писателя через призму отношения человек-поступок, можно увидеть и разные уровни человеческих падений, и разные степени его возвышения к добру.

Зачин первого сборника Колымской эпопеи (рассказ «По снегу») показывает необходимость или неизбежность своего, индивидуально неповторимого усилия, без которого невозможен человеческий жизненный путь. И здесь следует иметь в виду, что зло, как правило, не выбирают, для него не требуется самодеятельного усилия, достаточно отказаться от творения добра. Ситуация «зачеловечности» ведёт к разрушению почвы для доброго деяния, расширяя тем самым зону конформистского торжества зла. Возможности сопротивления этому торжеству, возможности для неконформистского поступка неумолимо сужаются под воздействием физического изнурения и душевного, нравственного растления – результата работы системы насилия над человеком (государственно освященной и введенной блатным миром).

Но и в «ситуации зачеловечности», как показывает В. Т. Шаламов, есть, хоть и ничтожные, возможности свободной воли и самодеятельного поступка. Андреев, герой рассказа «Тифозный карантин», осознаёт, что он выиграл битву за жизнь, не переступив при этом предельной (запретной) черты. «...Понял Андреев, что он кое-что стоит, что он может уважать себя. Вот он здесь ещё живой и никого не предал и не продал ни на следствии, ни в лагере. Ему удалось много сказать правды, ему удалось подавить в себе страх» [3, с. 208]. Вроде бы это всего лишь траектория выживания в запредельных, зачеловеческих обстоятельствах. Но это такая траектория, которая направлена на удержание деградации человека,

превращения его в зверя. Траектория, которая прослеживается в художественном дискурсе писателя, являясь, по сути дела, фокусом его антропологической оптики.

Список источников

1. *Голосовкер Я. Э.* Достоевский и Кант. М., 1963; *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути; *Пруст М.* В поисках утраченного времени. СПб.: Изд. РХГА, 1997; *Евлатиев И. И.* Антропология Достоевского // Вече. Альманах русской философии и культуры. 1997. Вып. 8; Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Изд. РХГА, 2012; *Подорога В. А.* Дерево мертвых: Варлам Шаламов и время ГУЛАГа (Опыт отрицательной антропологии) // Новое литературное обозрение. 2013. № 120 (2).
2. Барт Р. *Camera lucida*. М.: Ad Marginem, 1997. 223 с.
3. *Шаламов В. Т.* Колымские рассказы // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7., доп. Т. 1. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 672 с.
4. Шаламов В. Т. Воскрешение лиственницы // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7., доп. Т. 2. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 512 с.
5. Шаламов В. Т. Стихотворения // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. Т. 3. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 512 с.
6. Шаламов В. Т. Автобиографическая проза // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 4. 640 с.
7. Шаламов В. Т. Эссе и заметки // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7., доп. Т. 5. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 384 с.
8. Шаламов В. Т. Переписка // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 6. 608 с.
9. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007.
10. Захарова Н. Ю. Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 1. С. 147–161.

УДК 316

https://doi.org/10.34130/9785876617408_11

Капитализация человеческого ресурса как стратегия самореализации

*В. И. Ильин, д-р социол. наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Категория человеческого капитала сформировалась в рамках экономической науки. Для нее характерна адаптация к потребностям количественного исследования и игнорирование субъектности индивида. К индикаторам человеческого капитала относятся все фиксируемые статистикой или массовыми опросами характеристики населения. Особое значение придается здоровью и образованию. Целью данной статьи является концептуализация категорий «человеческий ресурс»

и «человеческий капитал» применительно к качественным методам экзистенциальной социологии. Это предполагает анализ физических и культурных характеристики индивида через призму его субъектности. Ресурс – это не то, что объективно есть, а то, что реально используется. Объективные возможности – это лишь шансы, которые могут быть использованы или игнорированы по объективным (нет возможности) и субъективным причинам (нет личного потенциала использования, желания, характера и т. д.). Субъектность индивида играет решающую роль в превращении шансов в реальность, т. е. в ресурс самореализации. Самореализация как использование ресурсов идет по двум самостоятельным направлениям. Во-первых, это использование своего здоровья, навыков и знаний как потребительского ресурса личного воспроизводства и развития. Во-вторых, это капитализация ресурса, который пускается в оборот на рынке труда и становится источником дохода. Во втором случае возможны два варианта реализации человеческого ресурса: в качестве продаваемой рабочей силы и в качестве покупаемой и эксплуатируемой рабочей силы. Только в последнем случае рабочая сила превращается в капитал как форму самовозрастающей стоимости.

Ключевые слова: человеческий капитал, ресурс, экзистенциальная социология, субъектность

Категория человеческого капитала сформировалась в рамках экономической науки как сугубо экономическая концепция [1; 2]. Однако она обладает большим эвристическим потенциалом также в социальных науках и дала толчок развитию «социологии человеческого капитала» [3]. Однако ее механическое заимствование чревато их экономической вульгаризацией. Для данной категории характерна адаптация к потребностям количественного исследования и игнорирование субъектности индивида (он только объект наблюдения). К индикаторам человеческого капитала относятся все фиксируемые статистикой или массовыми опросами характеристики населения. Особое значение придается здоровью и образованию. Отбор индикаторов в существенной мере осуществляется из принципа удобства сбора данных.

В объективистской традиции социальных и экономических исследований ресурсом считается все, что объективно существует. Такой подход выводит за скобки принципиальный вопрос: почему обладатели одинаковых «ресурсов» часто достигают совершенно разных результатов? В этой традиции человек растворяется в «населении».

Экзистенциализм предлагает взгляд на человека как на его собственный проект. Человек не существует как некая объективная сущность. Он только то, что сам из себя сделал. Из этой логики вытекает и соответствующее переопределение категории ресурса.

Ресурс – это не то, что объективно есть, а то, что реально используется. Объективные возможности – это лишь шансы, которые могут быть использованы или игнорированы по объективным (нет возможности) и субъективным причинам (нет личного потенциала использования, желания, характера и т. д.). Субъектность индивида играет решающую роль в превращении шансов в реальность, т.е. в ресурс самореализации. Объективные характеристики индивида пропускаются через фильтр: «хочу / не хочу», «могу / не могу», «знаю / не знаю» и т. д.

Самореализация как использование ресурсов идет по двум самостоятельным направлениям. Во-первых, это использование своего здоровья, навыков и знаний как потребительского ресурса личного воспроизводства и развития. Диплом может повышать самооценку, образование позволит глубже понимать книги и фильмы. Во-вторых, это капитализация ресурса, который пускается в оборот на рынке труда и становится источником дохода. Во втором случае возможны два варианта реализации человеческого ресурса: в качестве продаваемой рабочей силы и в качестве покупаемой и эксплуатируемой рабочей силы. Во втором случае условием капитализации своего и чужого человеческого ресурса является наличие предпринимательских способностей и мотивации. Только в последнем случае рабочая сила превращается в капитал как форму самовозрастающей стоимости.

Список источников

1. Becker G. S. Human Capital. N. Y.: Columbia University Press, 1964.
2. Schultz T. W. Human Resources. N. Y.: National Bureau of Economic Research, 1972.
3. Sawyer D.O. (1978) Review Essay: Social Roles and Economic Firms: The Sociology of Human Capital. In: American Journal of Sociology. Vol. 83. P. 1259–1270.

УДК 316.4

https://doi.org/10.34130/9785876617408_13

Идентичность как отражение власти социальной ситуации над индивидуальным Я (Опыт исследования проблемы на материалах Колымских рассказов В. Шаламова)

***В. Н. Асташов**, канд. филос. наук, доцент
Вологодский государственный университет,
г. Вологда*

Аннотация. Цель статьи состоит в том, чтобы, опираясь на классическое понятие «идентичность», созданное в рамках психоаналитической теории Э. Эриксона и развитое в работах современных западных и российских исследователей, про-

анализировать на материалах «Колымских рассказов» В. Т. Шаламова особенности поведения человека, переживающего глубокую кризисную трансформацию своей идентичности под влиянием власти социальной ситуации.

Ключевые слова: идентичность, идентификационный кризис, идентификационный выбор, социальная роль, социальная ситуация

Проблема идентичности вызывает особый интерес у учёных, представляющих различные области социально-гуманитарного знания [1].

Закрепление в научной среде понятия «идентичность» произошло благодаря работам американского психолога Э. Эриксона, автора теории стадий психосоциального развития личности. По его мнению, идентичность – это осознание индивидом себя в своей телесности и в окружении другими людьми. Идентичность есть «длящееся внутреннее равенство с собой», «непрерывность самопереживания» личности [2]. Анализируя этапы психосоциального развития личности, он указывал, что на каждом из них возникают определенные вызовы-проблемы, которые требуют от человека принятия решения, связанного с идентификационным выбором, трансформацией текущей идентичности, её кризисом. «Кризис... понимается как неизбежный поворотный пункт, критический момент, после которого развитие повернет в ту или иную сторону, используя возможности роста, способность к выздоровлению и дальнейшей дифференциации» [2, с. 25]. Кризисные явления могут происходить на разных этапах жизни человека, вынужденного делать новые идентификационные выборы под влиянием власти социальной ситуации над его индивидуальным Я.

Яркие примеры глубочайших кризисов идентичности, утраты собственной эго-идентичности, как способности индивида оставаться самим собой в изменяющихся социальных условиях, можно видеть у героев «Колымских рассказов» В. Т. Шаламова.

Для социологического анализа общественной жизни понятие идентичности одним из первых использовал Дейвид Рисмен в книге «Одинокая толпа: Исследование изменений американского характера», опубликованной в 1950 г. [3]. Понятие «идентичность» (от лат. *identi-cus* – тот же, одинаковый) сегодня определяют и как свойство индивида оставаться самим собой в изменяющихся социальных ситуациях, и как результат осознания индивидом самого себя в качестве человеческой личности, отличающейся от других [4].

В современном обществе каждый человек имеет некое множество идентичностей, связанных с теми социальными ролями, которые ему приходится выполнять в процессе взаимодействия с другими людьми. Идея множественной идентичности достаточно убедительно раскрывается в работе Г. Тэджфела и Дж. Тернера [5]. Они

показали, что, учитывая контекст социальной деятельности, индивид осознаёт поливариативность своей идентификационной матрицы и останавливается на той идентичности, которая отвечает ситуации.

Поиск человеком ответа на вопрос о своей идентичности есть в то же время и поиск им смысла существования. О важности поиска индивидом смысла своего существования в суровых, бесчеловечных условиях концентрационного лагеря писал австрийский психолог и психотерапевт Виктор Франкл, который находился в заключении в немецких концлагерях с 1942 по 1945 г. Чтобы помочь заключённым отказаться от мыслей о самоубийстве, он использовал методы психотерапии: «Любая попытка вновь поднять дух людей в концлагере предполагала, что нам удастся направить их на какую-то цель в будущем. Тот же, кто уже не мог больше верить в будущее, в свое будущее, был потерян» Что же такое человек? – спрашивает В. Франкл и отвечает: «Это существо, постоянно принимающее решения, что оно такое» [6].

Но всегда ли человек может выбрать для себя ту идентичность, которая позволяет ему адекватно отражать существующую реальность, те требования социальной ситуации, что оказывают на него решающее влияние? Нет, не всегда, как показывает В. Шаламов.

Чтобы выживать в условиях, в которых оказались герои его рассказов, необходимо было не просто за предельно короткое время освоить новые социальные позиции, заданные жесткими требованиями лагерной среды, но и осознать тот факт, что опыт прошлой жизни, те социальные практики, статусы и роли здесь неуместны, они никого здесь не интересуют и не признаются теми людьми, которые рядом. Нужно от них дистанцироваться, как и от новых, предписанных администрацией лагеря и окружающими людьми, социальных ролей, чтобы поддерживать и сохранять в памяти угасающие следы своей подлинной индивидуальности (эго-идентичности), а значит, и своей личности.

Этот феномен кризисной трансформации идентичности индивида показан В. Т. Шаламовым в целом ряде рассказов. Например, в рассказе «Ночью» он пишет: «Он оцарапал палец, текла кровь. Он присыпал рану песком, вырвал клочок ваты из телогрейки, прижал – кровь не останавливалась. – Плохая свёртываемость, – равнодушно сказал Глебов. – Ты врач, что-ли, – спросил Багрецов, отсасывая кровь. Глебов молчал. Время, когда он был врачом, казалось очень далёким. Да и было ли такое время? Слишком часто тот мир за горами, за морями казался ему каким-то сном, выдумкой. Реальной была минута, час, день от подъёма до отбоя – дальше он не загадывал и не находил в себе сил загадывать. Как и все. Он не знал прошлого тех людей, которые его окружали, и не интересовался им... Был ли он сам когда-нибудь врачом? Утрачен был не только автоматизм суждений, но и автоматизм наблюдений...» [7].

В рассказе «Татарский мулла и чистый воздух» писатель показывает, что человек до последнего верит в лучшее, надеясь сохранить себя (свою идентичность), свои прежние социальные связи с миром. Но оказалось, что лагерь способен очень быстро лишить их всех иллюзий. «В лагере для того, чтобы здоровый молодой человек, начав свою карьеру в золотом забое на чистом зимнем воздухе, превратился в доходягу, нужен срок по меньшей мере от двадцати до тридцати дней при шестнадцатичасовом рабочем дне, без выходных, при систематическом голоде, рваной одежде и ночёвке в шестидесятиградусный мороз в дырявой брезентовой палатке, побоях десятников, старост из блатарей, конвоя. Это сроки многократно проверены».

Что происходит с человеком в таких условиях? Став заключённым, он может полностью утратить самого себя в качестве целостной личности, т. е. перестать быть нравственным существом, отказавшись от тех моральных норм и принципов, опираясь на которые, он осознавал себя человеком в прежней жизни и проявлял свои уникальные личностные качества в отношениях с окружающим социальным миром. Главным для человека становится утолить голод, выжить любой ценой. «Все человеческие чувства – любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность – ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания...» («Сухим пайком»). В. Шаламов показывает, как меняется человек в условиях лагерной жизни, отказываясь от всего того, что сформировало его как личность, что связывало его с прошлой жизнью, в которой он был врачом, инженером, военным, ученым, хозяйственным руководителем или партийным работником.

У большинства людей в таких условиях происходит идентификационный кризис, коренная ломка нравственных ориентиров, и не только у заключенных. Растлевающее и развращающее влияние лагеря обнаруживает себя в изменении сознания всех людей – и заключенных, и администрации, и конвойных, и тех, кто по своей воле приехал на Колыму работать «по договорам». «Молодой крестьянин, попавший в заключение, видит, что в этом аду только урки живут сравнительно хорошо, с ними считаются, их побаивается всемогущее начальство. Они всегда одеты, сыты, поддерживают друг друга. Крестьянин задумывается. Ему начинает казаться, что правда лагерной жизни у блатарей, что только подражая им в своём поведении, он встанет на путь реального спасения жизни. Есть, оказывается, люди, которые могут жить и на самом дне. И крестьянин начинает подражать блатарям в своём поведении, в своих поступках» («Красный крест»).

Имеется ли предел человеческой жестокости и подлости? Оказывается, такого предела не существует. Когда В. Шаламова в очередной раз судили в июне 1943 года, то в ревтрибунале на суде была представлена справка, подготовленная врачом лагерного медпункта, которая отрицала действительные факты. «Эту справку читали вслух на моём суде, к вящей славе уполномоченного Фёдорова,

который вёл моё дело. Всё было ложью в моём процессе, и обвинение, и свидетели, и экспертиза. Истинной была только человеческая подлость». («Перчатка»). Что толкает человека на совершение подлых поступков в условиях жесточайшего идентификационного кризиса? Бесчеловечные обстоятельства колымской жизни или это уже было заложено в нем, а лагерь только подтолкнул его к совершению безнравственных поступков, убрав все моральные табу?

В. Франкл, находясь длительное время в заключении в немецких концлагерях, имел возможность, как и В. Шаламов, наблюдать за изменениями в поведении людей в лагере. Выводы, к которым он пришел, во многом совпадают с теми, что можно видеть и у В. Шаламова. «...Никогда нельзя сказать, что сделает лагерь с человеком: превратится ли человек в типичного лагерника или даже в таком стеснённом положении, в этой экстремальной пограничной ситуации останется человеком. Каждый раз он решает сам» [6, с. 143].

Что помогало человеку сохранить свою идентичность и свою убежденность в правильности моральных принципов, которых он придерживался в прежней жизни? Наверно, надежда, что он останется жив и рано или поздно вернется с Колымы. Ещё важнее наличие у таких людей духовной установки, о которой писал В. Франкл [Там же]. В. Шаламов к таким людям относил фронтовиков, способных оказать активное сопротивление («Последний бой майора Пугачева»), «религиозников», остающихся верными себе («Апостол Павел»), неуступчивого инженера Киселева («Инженер Киселев»).

Как в условиях лагерной жизни не погибнуть, но и не потерять себя, своё индивидуальное Я, свою глубинную эго-идентичность? Этот вопрос – один из главных для писателя, он мучительно ищет на него ответ. В рассказе «Сухим пайком» определяется этот рубеж, за который нельзя отступать, не предав себя. Эту линию поведения в лагере и выбрал для себя В. Шаламов: «...Я не буду доносить на такого же заключенного, как я сам, чем бы он ни занимался. Я не буду добиваться должности бригадира, дающей возможность остаться в живых, ибо худшее в лагере – это навязывание своей (или чьей-то чужой) воли другому человеку, арестанту, как я. Я не буду искать полезных знакомств, давать взятки». Сам В. Шаламов находит выход для себя на пути медицинского служения.

Анализ поведения человека в экстремальных условиях колымских лагерей позволил В. Шаламову показать, что человек может коренным образом измениться под влиянием социальной ситуации – лагерной среды. Он может просто нравственно «сломаться», потерять ощущение себя как целостной личности, утратить способность быть тождественным самому себе. И причиной этого идентификационного кризиса выступает не только ситуация, в которой оказывается человек, но, как показывает писатель, и отсутствие духовного стержня, или духовной установки, как писал В. Франкл, без которого происходит распад личности, деградация индивидуального Я. Что способствует развитию и укреплению

такого духовного стержня? Прежде всего, это нравственные и религиозные ценности, которые сформировали данную личность, но, как считает В. Шаламов, не политические. Носители политико-идеологических ценностей в условиях Колымы, люди партийные, как правило, быстро теряли свою эго-идентичность и нравственно деградировали.

Список источников

1. См. например: Маслова Е. С. Идентичность личности в контексте междисциплинарной интеграции // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 1. С. 87–94. doi: 10.23683/2227-8656.2019.1.6; Полякова Н. Л. «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2017. Т. 22. № 4. С. 22–42. doi: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-22-42; Соловьева С. Л. Идентичность как ресурс выживания // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1. С. 5. doi: 10.24411/2219-8245-2018-11050
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М., 2006. 352 с.
3. Riesman D, Denney R & Glazer N. The lonely crowd: a study of the changing American character. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1950. 386 p.
4. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. Г. В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1998. С. 94.
5. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / ed. by S. Worchel, W. Austin. Chicago, 1986. P. 7–24.
6. Франкл В. Психолог в концентрационном лагере // «Человек в поисках смысла: сборник: пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. С. 150–151, 155.
7. Здесь и далее в тексте приводятся цитаты по: Шаламов В. Т. Рассказы 30-х годов; Колымские рассказы; Левый берег; Артист лопаты // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 1. 672 с.

УДК 140.8

https://doi.org/10.34130/9785876617408_18

Новая идентичность человека постмодерна

*Я. М. Баширова, студент-бакалавр, бизнес-аналитик
ООО «А2Софт», г. Казань*

Аннотация. В статье анализируются представления о человеке в рамках дискурса постмодернизма. Рассматриваются такие явления, как децентрация субъекта, дивидуум, ризома, влияние технологий на жизнь человека.

Ключевые слова: человек, постмодернизм, «смерть субъекта», дивидуум, ризома, М. Фуко, Ж. Делёз

Осмысление понятия «человек» в разрезе социально-гуманитарных исследований позволяет прийти к более глубокому пониманию места и действий человека в быстроменяющемся и противоречивом современном мире.

Целостно рассмотреть человека возможно только в контексте эпохи, в рамках которой он представлен. Условия общественной жизни и состояние культуры формируют каждого члена социума и накладывают отпечаток на все аспекты его жизни. Придерживаясь позиции, что общество совершило переход между стадиями развития «модерн» и «постмодерн» (или «постмодернизм»), мы будем анализировать бытие человека XXI века с точки зрения постмодернизма.

Возникший в 1960-х гг. постмодернизм выступает в качестве формы философии, которая подчеркивает нестабильность общественных институтов в постиндустриальном обществе, распространяющуюся секуляризацию, неопределенность, утрату ценностных ориентиров, онтологическую эрозию жизненных оснований человека. Постмодернисты видят «мир как хаос, лишенный причинно-следственных связей и ценностных ориентиров», «мир децентрированный», представляющий сознанию лишь в виде иерархически неупорядоченных фрагментов» [5, с. 205], как «текущую современность» [1, с. 178], где нет жестких ограничений социальной мобильности и единых нерушимых авторитетов.

Феномен человека в постмодерне претерпевает кардинальные изменения по сравнению с модерном, в рамках которого «Бог умер», мир людей был «расколдован» и взял за свою основу гуманизм и рационализм, а разум человека стал сакральным. Постмодернизм же ставит под сомнение гуманистический идеал человека, который находится в плену своих экономических желаний и наслаждений. Пришедшая на смену модерну философия пытается «преодолеть» человека и говорит о новой идентичности современного *Homo sapiens*.

Радикально подходя к пересмотру человека, постмодернисты отказываются от априорной формы субъекта и провозглашают «смерть субъекта», «смерть автора» и даже «смерть человека».

Мишель Фуко констатирует смерть картезианского субъекта как рационально и самостоятельно мыслящего индивида. М. Фуко утверждает, что субъект становится субъектом, сопротивляясь властным воздействиям извне, без которых он так и не сможет «сойти с ума» и проявить иррациональность, чувственность и подверженность историческим изменениям [7, с. 406]. Классический «субъект», являясь органичным продуктом своей эпохи, сейчас мыслится архаичным.

«Автор» как «субъект текста» также переживает смерть, так как выступает не суверенным производителем смыслов, а транслирует в своем произведении факты личной биографии, культурный бэкграунд и уже готовый язык. Но сопротивляясь собственной «смерти» в тексте, автор рождает то, что можно назвать

стилем, и именно в этой точке сопротивления сам автор и возникает. Таким образом, мы возвращаемся к тому, что процесс субъективизации происходит в рамках сопротивления «другому» и без «другого» невозможен.

Разделяя мысль Жюль Делёза о том, что «в самой глубине субъективности нет никакого “я”, зато есть необычное сочетание, некая идиосинкразия, тайный шифр...» [2, с. 162], М. Фуко отказывается от веры в существование «Я» как центра человеческой личности и предлагает рассматривать субъективность как виртуальное пространство, в котором могут сходиться перспективные линии смыслов. Субъект постмодерна децентрирован, а также всегда находится в процессе становления. Остановка этого процесса означает смерть, что и произошло с картезианским субъектом.

Метафора «смерти человека» у М. Фуко выражает идею того, что человек выступает не самоопределяющейся личностью, а продуктом политической, социально-экономической и культурной сфер общества, а также формируется за счет дисциплины и сопротивления ей.

Децентрированный субъект постмодернизма постоянно находится в процессе становления, не имеющего магистрального направления. Это обусловлено современной реальностью, которая, согласно концепту Ж. Делёза и Феликса Гваттари, представляет собой ризому (заимствованное из ботаники понятие, обозначающее корневище без главного корня).

У ризомы «не может быть ни начала, ни конца, а есть только вечная середина, из которой она растёт и переливается через край» [3, с. 37]. Подобные характеристики не дают зафиксировать целостность ризомы, делают её фрагментарной и непредсказуемой в каждый момент её «вечного настоящего» [4, с. 470–478].

В условиях утраты единой направленности движения, постоянного становления и невнятных смыслов сложно говорить о человеке как о некоем монолитном индивидууме. Ж. Делёз вводит понятие дивидуума – «делимого человека», который лишен единой идентичности и идентичности как таковой, так как он по сути своей является местом пересечения встречающихся смыслов и импульсов «ризомной реальности». Дивидуум утрачивает целостность ввиду своей многоликости и отсутствия тождественности со своим Я.

В отличие от стабильности эпохи модерна в обществе постмодерна идентификационные основания человека размыты или находятся в процессе серьезной трансформации (например, такие социальные институты, как семья или религия). Нестабильность и неопределенность в свою очередь делают личную историю человека эпизодической, а восприятие времени сжимается до текущего момента. Быстротечность и бесконечная сменяемость моментов жизни приводят к

тому, что человек перестает ощущать себя хозяином своей жизни и творцом внешних условий своего существования.

Дискретность общества постмодерна, размывание социальных институтов и утрата контроля над значимыми сферами жизни заставляют человека постоянно находиться в состоянии самоопределения и формулировать для себя новые смыслы. В такой среде человек вынужден исполнять множество разнородных социальных ролей и играть в специфические игры с быстроменяющимися правилами, которые Жан-Франсуа Лиотар называл «языковые игры» [6, с. 60]. Можно утверждать, что успех и стабильность современного человека зависят от гибкости и адаптивности его моделей поведения к правилам «языковых игр».

Помимо «ризомности» значимым фактором эпохи постмодерна является всепроникающая и самофункционирующая система по производству и передаче информации, которая не только формирует общественное сознание и модели поведения людей, но и предоставляет иллюзорные феномены «общественного мнения», которые часто бывают «симмулятивными» (Жан Бодрийяр) и относятся ко «второй» искусственной медийной реальности (Энтони Гидденс).

Технологии до такой степени влияют на человека, что, как утверждает социолог Н. Гаин, можно говорить о возникновении «цифрового человека», который более не является полновластным субъектом и целиком зависит от информации, которую он потребляет [8, с. 87].

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что мир эпохи постмодерна является куда более сложным, чем модерн. В связи с чем жизненный путь человека наполнен противоречиями, личностными неопределенностями и сложностями в самоидентификации. Философско-антропологические вопросы начинают переплетаться, а местами и заменяться технологическими, так как технологии формируют новую реальность, в которой нужно учиться существовать современному человеку.

Чтобы не представлять собой хаос жизненных условий, ускоренное социальное время, новейшие технологии, институты в процессе преобразования должны подвергнуться оценке и анализу современного человека, который стремится сохранить себя в окружающем мире.

Список источников

1. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
2. Делёз Ж. Критика и клиника / пер. О. Е. Волчек и С. Л. Фокина. СПб., 2002.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010.
4. Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009.

5. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
6. Лиотар Ж. Состояние постмодерна: пер. с фр. Н. А. Шматко. М.; СПб.: Алетейя, 1998.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
8. Чистякова О. В. Образы человека в культуре модерна и постмодерна // Культурное наследие мира. № 2. С. 85–93.

УДК 130.2

https://doi.org/10.34130/9785876617408_22

Человек и общество в условиях пандемии коронавируса: опыт осмысления в современной философии

*Р. Н. Белых, студент 4-го курса бакалавриата
Научный руководитель: Т. Е. Дудар, канд. филос. наук, доцент
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды современных отечественных и зарубежных философов о том, как влияет пандемия коронавируса на взаимоотношения человека с человеком и обществом.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, человек, общество, постмодерн, философия

В последние десятилетия мир стремительно меняется, вследствие этого представления о человеке и его месте в мире также претерпевают существенные изменения. Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 остро поставила вопрос о человеке в современном обществе.

Мир постмодерна в целом сложнее для человека, чем мир модерна. Философско-антропологические вопросы заменяются технологическими в связи со стремительным развитием технологий. Неустойчивость человеческой жизни обусловливается индивидуализированным обществом [6, с. 85]. И всё же в любой ситуации человек должен оставаться человеком.

Чрезвычайная ситуация в мире, вызванная пандемией COVID-19, заставила человека серьёзно задуматься о себе самом. Состояние подвешенности, неопределённости, невидимой, но ощущаемой ежедневно опасности наложили отпечаток на восприятие человеком окружающего мира. Иллюзия всемогущества человека и технологий разрушается [4, с. 32; 5, с. 47]. Он чувствует себя беспомощным перед мельчайшей, но смертоносной частицей вируса. Не человек господствует над жизнью, а жизнь господствует над человеком – таковы новые реалии миропонимания в настоящий момент. Люди почувствовали дефицит своего присутствия в собственной жизни [4, с. 29]. Человек остро ощутил наличие своего биологического начала, о котором, казалось, забыла культура Нового времени [4, с. 31]. В то же время дала о себе знать и социальная часть человеческой личности:

вынужденное отчуждение (социальное, культурное, экономическое) в условиях самоизоляции повлияло на судьбы всех членов общества.

Изменение представлений о человеке не могло не повлиять и на переоценку его взаимоотношений с обществом. Профессор Калифорнийского университета Бенджамин Браттон анализирует новый, «эпидемиологический» взгляд на общество [2]. Сосредоточенность на паре «индивид-общество», по его мнению, уменьшится, общество будет рассматриваться как совокупное целое, потому что «риск заражения вирусом – не индивидуальный, а коллективный». Ощущение субъективности должно измениться и перейти «от индивидуального к всеобщему», то есть понимание того, что мы все – это глубоко связанное единое целое должно остаться в нашем сознании и в будущем, даже после завершения кризиса [2]. Эпидемиологический взгляд на общество подразумевает смещение акцентов: «с индивидуального опыта на сферы ответственности, объединяющими нас реалиями биологии и химии».

Процесс принятия «новой нормальности» довольно сложен [3]. По мнению словенского философа Славоя Жижека, на смену страху пришла депрессия, поскольку ясной перспективы дальнейшего развития событий нет до сих пор. Появляется множество различных гипотез о том, почему в одних регионах ситуация ухудшается, в то время как в других, напротив, дела начинают идти на лад. Это способствует психологическому кризису, который, очевидно, продолжится даже после прекращения острой фазы пандемии [3].

С. Жижек пишет, что наши наиболее важные представления о человеческой жизни поставлены на карту в данный момент. Философ убеждён, что единственная надежда человечества – это построение «новой нормальности», которая создаёт пространство для новых свобод. Попытки удержать старую организацию жизни человеческого общества, по словам философа, «приведут к новому варварству». Варварством он считает протест против профилактических мер для предотвращения распространения вируса во имя борьбы за личную свободу и достоинство. Человечество должно изобрести новую общественную жизнь, отвечающую требованиям современных реалий [3].

Противоположную позицию занимает итальянский философ Джорджо Агамбен. Он протестует против вводимых ограничений, обвиняет СМИ в необоснованном нагнетании ситуации и распространении паники. По его мнению, люди «жаждут коллективной паники», и это умело используется правительством в целях распространения своей власти [1]. Общество, которое постоянно живёт в условиях чрезвычайной ситуации, не может быть свободным. Джорджо Агамбен полагает, что мы живем в обществе, «которое пожертвовало свободой ради “соображений

безопасности» и поэтому обрекло себя жить в постоянном состоянии страха и незащищенности». Опасность потерять свою жизнь – это не то, что объединяет людей, напротив, это ослепляет и разделяет их. Враг не снаружи, он внутри нас [8]. Общество должно набраться мужества и жить обычной жизнью [1].

Американский лингвист и философ Ноам Чомски и израильский историк Юваль Ной Харари считают, что выход из кризиса – в глобальной солидарности [7; 9]. Харари пишет, что разобщенность не только продлит кризис, но и приведёт к более серьёзным катастрофам [9]. Следовательно, из пандемии мы должны вынести уроки, чтобы избежать проблем в будущем.

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 окончательно изменила привычный нам мир, став глобальной проблемой для всего человечества. Она доказала, что перед вирусом все равны, и это касается каждого. В современной философии были сформулированы проблемы, с которыми столкнулись человек и общество в условиях пандемии COVID-19: «новая нормальность» или стратегия выживания человека и общества оказались в центре внимания философов. Часть из них видит в её принятии путь выхода из кризиса, другая часть – начало более серьёзных глобальных проблем. Однако философы сходятся в одном: от того, насколько общество готово принять «новую нормальность» и выработать новые законы своего функционирования, зависит выживание всего человечества.

Список источников

1. Агамбен Джорджо. Изобретение эпидемии // Центр политического анализа. 2020. 26 февраля. URL: <https://www.centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/izobretenie-epidemii>. (дата обращения: 10.10. 2021).
2. Браттон Бенджамин. 18 уроков карантинного урбанизма / пер. А. Басовой. // Strelka mag. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/18-urokov-karantinnogo-urbanizma> (дата обращения: 10.10. 2021).
3. Жижек Славой. Время строить новую нормальность // Центр политического анализа. 2020. 10 декабря. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/vremja-stroit-novuju-normalnost> (дата обращения: 15.10. 2021).
4. Соловьева С. В., Конев В. А. Социальное дистанцирование и дефицит присутствия (Опыт философской рефлексии пандемии COVID-19) // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 2. С. 29–43. URL: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-29-43>. (дата обращения: 15.10. 2021).
5. Тищенко П. Д. «Время убивать и время врачевать»: человек в ситуации пандемии COVID-19 // Человек. 2020. Т. 31. № 6. С. 31–49. URL: <https://chelovek.iphras.ru/article/view/5297> (дата обращения: 29.09. 2021).
6. Чистякова О. В. Образы человека в культуре модерна и постмодерна // Культурное наследие России. 2016. № 4. С. 85–93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-cheloveka-v-kulture-moderna-i-postmoderna> (дата обращения: 16.10. 2021).

7. Чомски А. Н. Мы на пороге катастрофы, худшей в истории человечества: интервью Н. Чомского Юрию Чекалину // Fitzroy Magazine. 2020. 1 Мая. URL: <https://fitzroymag.com/mir/intervju-s-noamom-homskim/> (дата обращения: 12.10. 2021).

8. Agamben Giorgio. Clarifications. – 2020. – 17 March / Adam Kostko. URL: <https://itself.blog/2020/03/17/giorgio-agamben-clarifications/> (дата обращения: 16.10. 2021).

9. Harari Y. N. Lessons from a year of Covid // Financial Times – 2020. 26 Feb. URL: <https://www.ft.com/content/f1b30f2c-84aa-4595-84f2-7816796d6841>. (дата обращения: 12.10. 2021).

УДК 141.33

https://doi.org/10.34130/9785876617408_25

Философия психоделической революции

А. Е. Михайлов, канд. филос. наук, доцент

А. В. Вишняков, студент 5-го курса

*Кировский государственный медицинский университет,
г. Киров*

Аннотация. В статье дается анализ контркультурного осмысления научных исследований в области биохимии психоактивных веществ, а также формулируется подход к решению проблемы рациональной интерпретации феномена психоделического опыта.

Ключевые слова: психоделики, Нью Эйдж, контркультура, неомифология

Контркультура второй половины XX века объединила различные субкультуры, противопоставившие себя общепринятым ценностям и нормам. Наибольшее влияние в контркультурной среде имели синкретические учения Нью Эйдж (религии «нового века») [1]. Использование адептами данных учений психоактивных веществ для получения духовного опыта обусловило формирование своеобразного «неомифологического» мировоззрения, в котором научным данным дается мистическая интерпретация. Неомифология благодаря трудам лидеров контркультурного движения XX века получила широкое распространение и стала составляющей постмодернистской культуры, пропагандирующей отказ от рациональности и размывающей границы между наукой, религией и мифологией [2]. В эпоху постмодерна в 60-х годах XX века вступила и психиатрия, ответственная за исследования экзогенных и эндогенных психоактивных веществ. Ученые и медицинские работники столкнулись с проблемой диагностики психических расстройств в таком социокультурном пространстве, где «все есть интерпретация и все точки зрения на какой-либо предмет относительно и, следовательно, имеют равное право на существование» (главный принцип постмодернизма) [3]. Работы исследователей психоделической революции и используемых

её творцами психоактивных веществ сегодня зачастую относят к эзотерической литературе.

Предпосылками формирования контркультуры второй половины XX века стали некоторые направления западноевропейской философии, которые переосмысливались в условиях идеологического кризиса (настроения в американском обществе после Первой мировой, а затем после Вьетнамской войны; крах идей нацизма в Германии) [4]. Важное место в философии контркультуры XX века на Западе занимает концепция сверхчеловека Фридриха Ницше. Представители большинства субкультур считали, что революционные изменения общества вторичны по отношению к качественным изменениям личности. Контркультурные идеи экзистенциально ориентированы. Присутствующий в них иррациональный протест против ценностей общества потребления и ощущение абсурдности окружающей действительности свидетельствует о влиянии Альбера Камю и Жана-Поля Сартра [5].

Указанные особенности контркультурного движения восходят также к декадентской культуре XIX века, развитие которой во Франции во многом связано с общественным кризисом на фоне поражения во Франко-прусской войне. Значимым для контркультуры XX века и учений Нью Эйдж стал сборник эссе поэта-декадента Шарля Бодлера «Искусственный рай» (1860), где было представлено подробное описание эффектов гашиша и опиума, которые автор сравнивал с религиозно-мистическим опытом [6]. Этот труд предвосхитил работу писателя и философа Олдоса Хаксли «Двери восприятия» (1954) и многочисленные научные публикации, объединенные термином «психоделическая революция» в 1950–1970-х годах.

Психоделическая революция стала одной из основ контркультурного движения, где мистическую интерпретацию получили научные данные А. Хофмана (первооткрыватель ЛСД), Т. Лири, А. Шульгина (в частности, труд «Триптамины, которые я изучил и полюбил»), Р. Страссмана («ДМТ – молекула Духа»). Примечательно, что и сами ученые в контркультурной среде приобрели культовый статус, стали носителями личных мифов. Так, психолог Т. Лири удостоился звания «кислотного гуру», химик А. Шульгин стал «папой» для психофармакологов-дилетантов, а материалы клинического исследования диметилтриптамина (гормон эпифиза) Р. Страссмана читались как религиозная литература представителями неоязыческого учения Викка [7]. Психоделики в контркультурном контексте позиционируются как средство получения духовного опыта и инструмент магических практик, что отсылает к шаманизму и отражено в трудах лидеров контркультурного движения на Западе.

Во взглядах основателей движения Нью Эйдж мистицизм сочетается с пониманием магического опыта как изменения восприятия в результате нейрофизиологически опосредованного действия психоделиков (галлюциногенов). «Черный маг» А. Кроули рассматривал наркотические вещества применительно к магической трансформации реальности [8]; антрополог и мистик К. Кастанеда видел в психоделиках возможность преодоления «границ восприятия» [5]; идеолог современного сатанизма А. Лавей описывал свою философскую систему как «серую область между религией и психиатрией» [10].

С психоделической революцией в контркультурном контексте связана и сексуальная революция, также получившая иррациональную интерпретацию в учениях Нью Эйдж. Утверждение личной свободы через сексуальные практики среди представителей субкультур второй половины XX века связано с увлечением психоаналитической философией Зигмунда Фрейда, а также работами неофрейдистов Эриха Фромма и Вильгельма Райха. А. Кроули открыто использовал идеи Фрейда и Юнга в своих эзотерических текстах: «Мы должны поблагодарить Фрейда и в особенности Юнга за откровенное изложение Магической Доктрины... Они, конечно, абсолютно игнорируют магические феномены ... однако, в пределах своих возможностей сделали великолепную работу» («Книга Закона») [10]. Для Кроули главным божеством было солнце. Однако на земле солнце было представлено фаллосом, мужским половым органом – «вице-регентом солнца», «великим дарителем жизни». Нередко магические ритуалы, проводимые Кроули, включали гомосексуальные половые акты, что обосновывалось ассоциированным с сексуальным возбуждением изменением биохимии мозга [11]. В литературе высказывается мнение о необходимости противопоставить «рациональность традиционной науки и теистических религий» мифомагической иррациональности, унаследованной от мистиков XX века современной постмодернистской культурой [2].

Мистическая интерпретация психоделического опыта характерна и для теистических религий. Так, предметом дискуссии в теологической среде является сексуальный аспект религиозно-мистического опыта христианских святых. Известный американский психолог Вильям Джеймс, оценивая мистический опыт Терезы Авильской, писал: «Ее представления о религии сводились, если можно так выразиться, к бесконечному любовному флирту между поклонником и его божеством». В биографии Катарина Сиенской (XIV в.) сообщается, что в возрасте около двадцати лет ей было видение, когда «Божественный Жених, обнимая, привлекал её к Себе». Решительные слова «я хочу» Катарина в состоянии экстаза обращала даже ко Христу. Профессор богословия А. И. Осипов считает эти и другие свидетельства религиозного опыта искажением христианского по-

нимания любви [12]. Современная наука позволяет действием диметилтриптамина рационально объяснить не только мистицизм, но и сексуальный аспект мистических практик как в христианстве, так и религиях Нью Эйдж.

Иррациональная интерпретация действия психоактивных веществ как магического явления в контркультуре и учениях Нью Эйдж имеет эстетическую и художественную ценность, но такая интеграция становится источником противоречий в мировоззрении человека. Для рационального осмысления достижений психоделической революции необходима опора на клинические исследования экзогенных и эндогенных веществ, обладающих психоделическими свойствами, а также демаркация между мистическими и рациональными толкованиями феномена религиозно-мистического опыта.

Список источников

1. Агапов Е. П., Пендюрина Л. П. Движение «Нью Эйдж» и трансформация общественного сознания // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-nyu-eydzh-i-transformatsiya-obschestvennogo-soznaniya> (дата обращения: 14.11.2021).
2. Лебедев В. Ю., Федоров А. В. Культура Нью Эйдж в контексте научной рациональности и теологической религиозности // РЦО. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-nyu-eydzh-v-kontekste-nauchnoy-ratsionalnosti-i-teologicheskoy-religioznosti> (дата обращения: 14.11.2021).
3. Юрьева Л. Н. Историогенез шизофрении: от классической эпохи к эпохе постмодернизма. URL: <http://www.mif-ua.com/archive/article/40645> (дата обращения: 14.11.2021).
4. Косорукова Ю., Бедненко Г. Идеология и современная культура Нью Эйдж как кризис пост-христианской цивилизации // Журнал практического психолога. 2013. № 2. С. 132–161.
5. Ежова О. А. Парафилософия Карлоса Кастанеды в контексте психоделического мистицизма контркультуры XX века: дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2012. 167 с.
6. Шарль Бодлер «Искусственный рай». URL: http://bodlers.ru/iskustveniy_ray.html (дата обращения: 14.11.2021).
7. Страссман Рик. ДМТ – Молекула духа. URL: <https://esoterics.wikireading.ru/132207> (дата обращения: 14.11.2021).
8. Кроули А. "Дневник наркомана" (пер. Г. Осипова). URL: <http://www.kulichki.com/moshkow/INPROZ/KROULI/ak3.txt> (дата обращения: 14.11.2021).
9. Ла-Вей А. III. Сатанинская библия = The Satanic Bible. М.: Unholy Words, Inc., 1996. С. 65.
10. Эгил Аспрем. Научный Эон: Магия, Наука и Психология в Научном Иллюминизме Кроули. URL: <https://thelema.ru/library/telema/egil-asprem-nauchnyy-eon-magiya-nauka-i-psihologiya-v-nauchnom-illyuminizme-krouli/#sthash.RpErmZFdpuf> (дата обращения: 14.11.2021).
11. Baddeley, Gavin. Dissecting Marilyn Manson. London: Plexus, 2000.
12. Осипов А. И. Зачем человеку Бог? Самые наивные вопросы и самые нужные ответы. М.: АСТ, 2018. 416 с. (Лекции Интернета).

**Свобода воли и современная нейронаука:
новый контекст старой проблемы**

*Д. Д. Гордиенко, студент 2-го курса бакалавриата
Научные руководители: Б. М. Завьялов, канд. филос. наук,
Я. Э. Азаров, д-р биол. наук
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье предлагается общий обзор философской темы свободы воли в контексте современных биомедицинских экспериментов, в ходе которых устанавливается, что принятие решения происходит до самого факта осознания выбора.

Ключевые слова: свобода воли, Эксперимент Либета

Свобода воли – понятие европейской моральной философии, которое задаётся вопросом: человек выполняет свои действия исходя из своих побуждений или же он просто наблюдатель? «Свободу воли» можно рассматривать как историко-философскую метафору: ее содержание значительно шире возможного нормативного значения термина, в котором акцентируется смысл «свобода», а «воля» легко заменяется «решением», «выбором» и т. п. эквивалентами.

Ещё с античности люди рассуждали о свободе воли, так, например, Аристотель и Фома Аквинский придерживались аналитической дедукции, понятия о свободе воли из самого понятия воли как способности разума к самоопределению и порождению особой причинности. Другой способ прослеживается от Платона через Августина – постулирование свободы воли как независимости от внешней (природной или божественной) причинности и в силу этого как способности к самоопределению.

В новое время над этой проблемой размышляли и писали труды такие философы, как Спиноза, Юм, Кант, Шопенгауэр, Ницше. Достаточно лаконичную точку зрения имел Дэвид Юм: «способность действовать или не действовать сообразно решениям воли» [1, с. 81]. Иммануил Кант определял свободу воли через долг. Кант считал, что самое первое чувство, возникающее у человека, – это чувство долга. Долг в понимании Канта – не принуждает, он, напротив, придает достоинство человеку, ведь в следовании долгу исчезают эгоистические интересы и выгоды. Для немецкого философа быть свободной личностью означает быть в согласии с самим собой, своим долгом и «всеобщим законодательством» [2, с. 101]. Таким образом, люди получают бесконечную и практически ничем не ограниченную свободу воли.

Свобода воли в наше время. Но и сегодня ведутся разговоры по этой теме. Так, в диалоге двух философов Дмитрий Борисович Волков приводит мысленный эксперимент: «Девочка очень хотела завести собаку. Как-то раз папа принес ей двух щенков, белого и черного, и говорит: выбирай. Девочка выбрала белого, так как у неё был удивительный психологический дефект: она в принципе не любит чёрный. Можно ли в таком случае сказать, что классический компатибилизм тем не менее верен и что даже с учетом этой особенности здесь можно говорить, что девочка совершила свободный поступок?» На что собеседник Вадим Васильевич Васильев приводит контраргумент. «Действительно, если у человека непреодолимое желание, это может снимать или, по крайней мере, снижать ответственность. В таком случае нельзя сказать, что выбор сделан свободно, но классические компатибилисты тоже не будут это утверждать. Но с их точки зрения в этой ситуации свободой действия девочка все равно обладает – опять же в техническом смысле: если бы она хотела, она бы взяла черного щенка. То, что она не может этого хотеть, – это уже другая история» [3].

В 2007 году Бенджамин Либет решил подойти к проблеме свободы воли с научной точки зрения [4]. Он организовал эксперимент, в котором испытуемым предлагалось согнуть указательный палец в любой момент времени, когда им этого захочется. Мышечные сокращения фиксировались с помощью электромиографа, возбудимые потенциалы головного мозга фиксировались электроэнцефалографом. Перед ним стояли часы, на которых стрелка делала полный оборот примерно за 2,5 секунды, на которых он мог фиксировать точное время. Задача испытуемого была зафиксировать примерное положение стрелки, когда им было принято решение поднять палец. По завершении эксперимента выяснилось, что потенциал готовности был примерно за 350 миллисекунд до поднятия пальца, а после наступало уже осознанное решение. После широкой огласки данный эксперимент получил резонансный отклик среди научного сообщества. Так, учёные критиковали опыт из-за устаревшего оборудования и отмечали, что достоверность опыта лежала на самих испытуемых. Среди философов критически высказался Альфред Меле за то, что понятия «побуждение», «решение» и «желание» Либет позиционировал как синонимы, коими они не являлись, по мнению философа. Он считал, что решение – это свободный выбор, сознательно сформированное намерение, оно не может быть принято на бессознательном уровне, что доказывает невозможность взаимозаменяемости вышеперечисленных терминов.

Точки над «i» расставил эксперимент группы Джона Дилана Хайнеса в 2007 году, суть которого состояла в следующем [5]. Испытуемым предлагалось две кнопки. Они должны были выбрать одну из них – левую или правую, а затем нажать на выбранную кнопку. Во время эксперимента испытуемым демонстрировался экран, на котором показывались поочередно буквы. Задачей испытуе-

мого было запомнить букву, на которой было принято решение, на какую из кнопок нажимать. Для того чтобы регистрировать активность мозга во время принятия решения, использовался метод функционального магниторезонансного имиджинга, или фМРИ. Этот метод позволяет регистрировать даже небольшие локальные изменения кровотока мозга в ответ на нейронную активность. Сканирование производилось с интервалом в 2 секунды и пространственным разрешением 3 мм. Таким образом, легко вычислялся момент сознательного принятия по тому, какую букву в этот момент видел испытуемый.

Так же экспериментаторы попросили написать специалистов программу, которая могла бы основываться на данных сенсоров и предсказывать, какую кнопку нажмёт человек. В большинстве случаев программе удавалось предсказывать принятие решения за 6–10 секунд до того, как человек подумал и сделал выбор.

Результаты опыта показали, что принятие решения предшествовало нажатию кнопки более чем на 1,5 секунды лишь в 1,4 % случаев. Однако, судя по наблюдениям за активностью мозга, момент, когда уже можно было точно судить о принятии решения, отставал от нажатия кнопки на целых 7 секунд. С поправкой на некоторую инерционность метода, ученые сделали вывод, что решение принимается мозгом еще раньше – за 10 секунд до того, как испытуемым казалось, что они приняли решение. Этот процесс принятия решения А. А. Ухтомский называл формированием доминанты.

Беря оба эксперимента во внимание, Данил Разеев высказал по этому поводу следующее⁷. Он считает, что учёные используют подмену понятий («свобода воли» и «свобода действий») и выдают желаемое за действительное, полагаясь на градацию желаний американского философа Гарри Франфурта, который выделяет желания первого и второго порядка. Желания первого порядка – это желания о чём-то конкретном, например желание курить (сигарету, сигариллу, сигару, самокрутку). Желания второго порядка – это желания о желаниях (бросить курить или наоборот начать курить). Свобода действий связана с желаниями первого порядка, а свобода воли связана с реализацией желаний второго порядка. Когда курил – был свободен в своём действии (что курить, какие сигареты). Таким образом, по мнению философа, чтобы стать свободным, надо хотеть быть свободным, использовать рефлекссию, руководствоваться желаниями второго порядка, анализировать мотивы, думать о понятиях, которыми мы пользуемся, мыслить ясно и тогда больше шансов жить в мире, где есть не только свобода действий, но и свобода воли.

Список источников

1. Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. I / пер. с англ. С. И. Церетели и др.; вступ. ст. А. Ф. Грязнова; примеч. И. С. Нарского. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1996. 733 с.
2. Кант И. Критика практического разума. М.: Изд-во «Э», 2017. 224 с.

3. Московский Центр Исследования сознания / научно-исследовательское подразделение МГУ. URL: <https://www.hardproblem.ru/posts/sobytiya/diskussiya-o-svobode-voli-v-tsentre-issledovaniya-soznaniya/> (дата обращения: 10.11.2021)

4. Би-би-си ньюс / русская служба новостей: Би-би-си ньюс. URL: https://www.bbc.com/russian/science/2015/08/150817_vert_fut_intuitions_about_the_brain_are_wrong (дата обращения 17.10.2021)

5. Научно-популярный журнал Психопоиск. URL: <https://psychosearch.ru/napravleniya/social/819-john-dylans-research-on-decision-making> (дата обращения 25.10.2021)

УДК 316.37

https://doi.org/10.34130/9785876617408_32

Концепция человека в процессе становления новой цивилизации

*А. А. Ершов, канд. филос. наук, доцент
Ухтинский государственный технический университет,
г. Ухта*

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения человека, то есть идеи человека, его сущности, которую он заключает в себе в постоянно меняющемся социальном пространстве и времени. Делается попытка представить человека как самоорганизующуюся систему и её основную направленность в современном информационном обществе.

Ключевые слова: человек, виртуальная реальность, потребитель образов, антиномии бытия.

Становление новой цивилизации в первой половине XXI века потребовало нового подхода к современному человеку, который расширил границы своего бытия до глобальных размеров и уже подумывает о том, чтобы покинуть Землю как свою колыбель, о чем предупреждал Константин Циолковский еще в начале двадцатого века. Это способствовало углублению анализа идеального начала в человеке, к его не только рациональной, но и иррациональной стороне. Мы можем уже наблюдать изменения в общественном производстве и новом способе производства, который приходит на смену капиталистическому, завоевывая приоритет в экономике и духовной сфере, но которому ещё нет названия. Возможно и прав Маркс, который считал, что на смену капиталистическому придет коммунистический способ производства, но вряд ли современные общественные отношения можно назвать коммунистическими, как бы мы этого ни хотели. Наоборот, многие исследователи акцентируют внимание на отчужденности, отстраненности человека от общества, его «атомизации», стремлению обрести себя в виртуальной реальности. Социальные силы, в которых человек черпал энергию для созидания мировой гармонии, становятся все более обезличенными.

Но следует ли считать образ «человека одинокого», как его пытались представить зарубежные и отечественные исследователи в двадцать первом веке, оторванным от общества и неспособным ему противостоять? Изменения, которые мы наблюдаем в жизни современного общества неизбежно приводят нас к новой интерпретации Идеи Человека. В то же время, исследуя смысловую составляющую человека, В. В. Налимов констатирует тот факт, что «...незнание человека – это, может быть, наиболее сильное незнание современной науки».

Если взять историю человечества, которая дошла до нас в письменных источниках и изображениях, то можно наблюдать метаморфозы самоопределения человека. Особенно обращают на себя внимание те факты, которые связаны с его происхождением – первопредками. Источники происхождения в понимании древних людей можно разделить на несколько групп: 1 – создатели, к ним относятся боги (бог), пришельцы из космоса; 2 – родовые предки (тотемы), которые отделили часть себя, но оставили за собой обязанность заботиться об отделенной своей части (покровительствовать и оказывать помощь); 3 – автохтоны – независимые ни от кого животные, обладающие разумом. Таким образом, человек получил из внешнего источника тело и разум, которые он мог использовать в различных видах деятельности.

В истории мир людей осваивал мир природный, наделяя его теми свойствами и качествами, которые наблюдал и выделял у себя, и в то же время природные свойства и качества присваивал себе. Впоследствии они образовали пространство метафор, создавая тем самым многогранность человека, что впоследствии обусловило и трудности самоопределения человека, его сущности.

Любовь к абстрагированию привела древних греков к идее человека (Сократ, Платон, Диоген) и его определению как политического животного (Аристотель). Но и эти абстракции человека не были лишены образности, а просто выделяли человека из ряда вещей, наделяя его отличными от других вещей внешними признаками.

Средневековый человек представлял себя в проявлении чуда или «царствия небесного» на фоне реального бытия, обнаружения себя в «стране несходства» Аврелием Августином (Исповедь, VI, 11.17) подтверждает мысль о том, что человек дуален и в этой дуальности он становится антиномичным, правда, пока в идеях интерпретации дилеммы: материальное – идеальное. Уже Плотин (Энеида VI, 9.10) признавал, что «...мы не видим его (объект созерцания. – А. Е.) отделенным от нас, но только единым с нами».

В эпоху Возрождения человек не отрывается от Бога, но становится частью его (Бога) творчества, пытаясь постичь свою сущность через сотворенный Богом мир, явленный человеку в природных вещах. И бесконечное множество миров, о которых говорил Джордано Бруно, не могло остановить человека в познании их и поисках «подобия божьего» в актах своего творчества.

В Новое время Спиноза обращается к природе, сотворенной (Богом) и природе творящей (через человека), выделяя два модуса, позволявшие соединить материальное и идеальное – материю и мышление и обнаружить их через человека, в котором проявлены его креативные и познавательные способности.

Парадокс человека заключается в том, что концепции человека невозможно применить на практике и это остается главной проблемой. Его сущность ускользает от нас, а желание применить прежние концепции, разработанные мыслителями прошлых веков и даже десятилетий, в наше время заканчивались неудачей. Например, в Советском Союзе была сделана попытка реализовать идею человека: ученые-обществоведы уже создали концепцию нового «советского человека», как представителя новой общности, появились многочисленные публикации, в которых указывались пути его становления, одним из которых являлось гармоничное формирование личности. Но Советский Союз рухнул и под его обломками осталась так и не реализованной идея нового человека.

В этом смысле прав К. Маркс, видевший сущность человека в совокупности всех общественных отношений, в которых человек следует за изменением исторической ситуации, оставаясь, тем не менее существом многогранным, вобравшим опыт всей истории человечества и отвечающим на вызов эпохи той или иной гранью. Поэтому определение человека как идеи является лишь его реконструкцией в историческом пространстве-времени.

На наш взгляд, всякая попытка построения абстрактной модели человека, воспроизводящая его типичные черты, обречена на поражение. Как правило, исследователи концентрировали внимание на так называемом духовном начале человека. Сейчас, в процессе становления новой цивилизации мы вновь обращаемся к проблеме человека, которую И. Кант выразил в известных вопросах: что я могу знать, что я должен делать, на что смею надеяться? Ответы на эти вопросы должны были привести к ответу – что есть человек. Но вся беда заключается в том, что ответ ускользает вместе с человеком, постоянно меняющимся миром и является нам таким, каким мы видим его в конкретном социальном пространстве.

Если в настоящее время «атомизация» общества неуклонно возрастает, то это значит, что человек или одинок, как это виделось Р. Мертону или А. Камю, или он обрел новую социальную среду. Современный человек, получивший такую мощную поддержку, как виртуальная реальность, не только чувствует одиночество, но и не представляет свою жизнь без этой новой социальной среды, которую, как ему кажется, он творит сам. И в этом творчестве он становится все более самоорганизующейся системой (не моделью), отчуждающей себя в идеальной (виртуальной) форме, которая обретает себя благодаря иллюзиям бытия – фиксации мозга, запутавшегося в его, бытии, антиномиях, и где исчезает различие между реальной вещью и её абстракцией, между образом и символом. Человек

становится потребителем образов и их созерцателем; наступила эра событий без последствий. Как бы предчувствуя, чем грозит человеку будущее, Платон предостерегал, что люди станут ненавидеть себя и вызывать ненависть к себе, «питая злые умыслы и их опасаясь», и будут жить они постоянно в большом страхе.

В заключение повторю слова В. Налимова: «Философ – это мыслитель, свободный от парадигмы своего времени. И бессмысленно упрекать его за то, что ему не удалось что-то осветить».

Список источников

1. Августин Аврелий. Исповедь. <http://www.philosophy.ru/library/catalog/html> (дата обращения: 12.11.2021)
2. Боровинская Д. Н. Динамика концептуальных представлений о человеке как выражение социальных изменений // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 30–34.
3. Кант И. Пролегомены. Собр. соч. Т. 4. Ч. 1. М., 1965.
4. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1952.
5. Налимов В. В. Спонтанность сознания. ЛитМир – Электронная Библиотека. URL: <https://www.litmir.me> (дата обращения: 12.11.2021)
6. Платон. Диалоги. URL: <http://www.ufacom.ru/~ihtik/> (дата обращения: 12.11.2021)
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек: пер. на рус. яз. М. Б. Левина. М., 2004 // Центр гуманитарных технологий. 01.10.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6341/6369> (дата обращения: 12.11.2021)

УДК 001.18

https://doi.org/10.34130/9785876617408_35

Прогностический потенциал мозга в русле когнитивных исследований

С. В. Иванов, канд. мед. наук, доцент
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар

Аннотация. Диагностированы причины и следствия феномена прогностического потенциала мозга. Акцентируется «принцип свободной энергии» Карла Фристана в контексте ведущей роли предикативных инструментов «когнитивного процессора». Обсуждается приоритетность понимания механизмов работы естественного интеллекта для индустрии «искусственного интеллекта».

Ключевые слова: когнитивные процессы, прогностический потенциал мозга, Карл Фристон, искусственный интеллект

В основе прогностического потенциала науки лежит «визионерский» потенциал мозга и живой материи в целом. Раскрытие и развертывание этого импли-

цитного (свернутого) потенциала в кинетический формат на всех уровнях организации материи реализуется по эволюционной спирали. Метафора эволюционной спирали конкретизируется естественно-научными «диалектами» (тезаурусами) и *in silico* (моделирование). В частности, моделями автоволновых ревербераторов (вихрей) [2], серпантинных [4] с опцией «бифуркационной памяти» [5]. Эти биофизические модели органично погружены, минимум, в аритмологию (раздел прикладной кардиологии).

Прогностический фундамент адаптивной эволюции живой материи, основанный на опережающем отражении повторяющейся, цикличной изменчивости среды обитания в «криптограммах» электрохимических алгоритмов, сформулировал П. К. Анохин [1]. Действительно, любая живая система – «продвинутый визионер». Визионер – поскольку воспринимает, шифрует и фиксирует (оперативная память) в алгоритмах электрохимических знаков/сем (семиотика) события внешней среды (объективную реальность, которая есть действительность). А действительность «по умолчанию» циклична и мультиосцилляторна. Действительность относительно повторяема. Земля-то вращается! Потому и предсказуема, с оговорками о стохастическом (вероятностном) формате прогноза.

Живая система, благодаря контурам обратной связи и афферентному синтезу в «акцепторе результатов действия» [1], – еще и продвинутый визионер. Субстратом являются многочисленные коллатерали аксонов, образующие аксосоматические и аксодендритические синапсы, в том числе и на «собственном» нейроне. В результате – управляющий сигнал на выходе системы многократно корректируется до «целевого показателя» – «полезного результата действия» [1]. И в анналы опыта архивируются сугубо полезные «поведенческие» электрохимические паттерны. А потому живые системы весьма «проницательно» руководствуются исключительно качественным наследием. «Бытийствуют» они в унисон мультиосцилляторной (полифония) мелодике Природы. Причем – на «автопилоте», отшлифованном эволюционным императивом. И благодаря, и вопреки (реципрокность) деликатному и всепроникающему гравитационному «партнеру по танцу» [3]. Что проявляется на всех уровнях организации живого инверсивным феноменом структурно-функционального палиндрома [6].

Наша индивидуальная «высшая нервная деятельность» выстраивается и неустанно корректируется на основе прогностической «рутины». Нет, не в силу «дежа вю», а по причине многократно «уже сделанного». Биологически и/или социально значимый (адаптивный) условно-рефлекторный двигательный акт обретает безусловный статус (автоматизм) на основе прогноза. А прогноз зиждется на усвоении и закреплении (память) многократно повторённых элементарных двигательных актов. Включая ментальные (внутренняя речь). Каждый двига-

тельный акт – работа против вектора «силы тяжести». Акты эти стратифицируются во времени и выстраиваются в алгоритмы – двигательные (моторные) стереотипы, и далее – в поведенческие шаблоны. Стереотипы и шаблоны составляют индивидуальный арсенал профессионального и бытового опыта. Наши умения, навыки и компетенции.

Приоритетность прогностической опции церебрального ментально-когнитивного процессора еще в 1866 г. акцентировал Герман фон Гельмгольц в концепции «мозга, как машины предсказаний» [10]. Он отмечал, что мозг должен делать выводы о возможных причинах сигналов, которые мы получаем через органы чувств. Гельмгольц обратил внимание на то, что на основе одной и той же сенсорной информации можно воспринимать совершенно разные объекты. И поскольку сенсорная информация при этом одна и та же, он предположил, что воспринимаемое нами должно основываться на предсказании мозга о том, что ему предъявляют органы чувств. И эти предсказания должны строиться на основе неких предварительных знаний.

В начале XXI века Карл Фристон [7; 8 и др.] переосмыслил концепцию прогнозирующего мозга, формализовав её в виде общей математической структуры для многомасштабных поведенческих процессов. Полученный фреймворк он назвал «Принцип свободной энергии (ПСЭ)». ПСЭ – есть математическая формализация того, как адаптивные системы (в т. ч. мозг) сопротивляются естественной тенденции к беспорядку (росту энтропии). Энтропия в ПСЭ есть долгосрочное среднее значение неожиданности, которую минимизирует мозг, тем самым наращивая обоснованность своей модели мира. Этим минимаксным процессом, устанавливающим верхнюю границу энтропии, мозг противостоит естественной тенденции мира к беспорядку, поддерживая непрерывный гомеостатический обмен организма с окружающей средой. ПСЭ утверждает, что любая неравновесная стационарная система самоорганизуется путем минимизации вариационной свободной энергии (максимизации доказательств байесовской модели) в процессе ее обмена с окружающей средой. Ключевой тезис ПСЭ заключается в том, что этот принцип может быть аккуратно переведен в основанный на теории многоагентных процессов – «активный вывод», представляющий собой приближение байесовского вывода, применительно к любой самоорганизующейся биологической системе любого масштаба.

Слегка утрируя весьма лапидарный слог гениального коллеги, – мозг неукротимо работает против энтропии (негэнтропийный эффект). Причем вопреки термодинамической энтропии (Рудольфа Клаузиуса) и против информационной энтропии (Людвига Больцмана). Наш ментально-когнитивный процессор (мозг) «хронически» снижает, минимизирует неопределенность (неполноту) постоянно

им прогнозируемой модели мира, неизменно вносит коррективы, методично сверяя ее с весьма текучим «оригиналом». Не забывая при этом учитывать и ресурсы «биографической» памяти.

Сегодня концепция «прогнозирующего мозга» (The Predictive Brain) в контексте ПСЭ обрела черты мейнстрима и стала доминирующей теорией когнитивной нейробиологии. Причина – в колоссальной объяснительной силе. За что ее называют «теорией относительности когнитивных наук». Согласно актуальной трактовке ПСЭ, все «активности» мозга (восприятие, мышление, чувства, действия и т. д.) объясняются единым механизмом – минимизацией ошибок прогнозирования. В результате мозг нон-стоп конструирует собственную «текучую» реальность, под которую и адаптирует «картинку» на сенсорном входе.

Согласно нетривиальному мнению Николаса Хамфри [12], основным свойством сознания является способность к предсказанию поведения других индивидов. И да, здесь ощутим вклад «зеркальных нейронов» и феномена эмпатии [14]. Этот потенциал вполне бесцеремонно эксплуатируют «медиа» и маркетологи, опираясь на феномен «самоисполняющихся пророчеств», введенный в научный обиход Робертом Мертоном [13]. Декларируется и продвигается имплементация интуитивного потенциала мозга в индустрии «искусственного интеллекта» (ИИ). Например, GLOM-теория «отца ИИ» Джеффри Хинтона [11], свежесть которой в том, что мозг обрабатывает не символы или пиксели, но «большие вектора нейронной активности».

Специальный отчет IEEE [16] – крупнейшей ассоциации технических специалистов (423 тыс. членов из 160 стран) и вердикт авторитетной профильной ассоциации AI 100 [9] констатируют ограничения ИИ, в том числе связанные с непониманием принципов работы «естественного» интеллекта. И потому, что разум – исключительно коллективный феномен, что зафиксировано в недавнем меморандуме [15]. И поскольку в «формулах успеха» разработчиков алгоритмов ИИ не принимаются в расчет принципиально важные «переменные» и «константы». Такие как электрохимический, но не электрический формат коннектома (совокупность межнейронных связей мозга). Причем ассортимент нейромедиаторов и нейромодуляторов (тонкая настройка) исчисляется сотнями. Не учитывается вклад глиальных клеток, которых в мозгу порядка 90 %. Наконец, есть публикации, аргументирующие фотонный сигналинг аксона с участием шванновской глии [17]. Т.е. наши нервы похожи не только на электропровода, но и на оптоволоконные кабели.

Список источников

1. Анохин П. К. Опережающее отражение действительности // Вопросы философии. 1962. № 6. С. 97–109.
2. Васильев В. А., Романовский Ю. М., Яхно В. Г. Автоволновые процессы. М.: Наука, 1987. 240 с.

3. Иванов С. В. Гравитационные корреляты пинеальной функции // Световой режим, старение и рак: сб. научных трудов 2-го Рос. Симпоз. с междунар. участием. Петрозаводск: ИД «Петропресс», 2013. С. 124–137.
4. Moskalenko A. V., Elkin Yu. E. The lacet: a new type of the spiral wave behavior // Chaos, Solitons and Fractals. 2009. Т. 40. № 1. С. 426–431.
5. Москаленко А. В., Тетуев Р. К., Махортых С. А. О состоянии исследований бифуркационных феноменов памяти и запаздывания // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2019. № 109. С. 1–44.
6. Шноль С. Э. Космофизические факторы в случайных процессах. Stockholm: Svenska fysikarkivet, 2009. 388 с.
7. Brown H., Friston K. J. Free-energy and illusions: the Cornsweet effect // Front. Psychology. 2012. Vol. 3:43. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00043>
8. Friston K. The free-energy principle: a unified brain theory? // Nat. Rev. Neurosci. 2010. Vol.11. P. 127–138. <https://doi.org/10.1038/nrn2787>
9. Gathering Strength, Gathering Storms: In the five years since we released the first AI100 report. Sep. 2021. 82 p. https://ai100.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj18871/files/media/file/AI100Report_MT_10.pdf
10. Helmholtz H. Treatise on Physiological Optics, Vol. III, 3rd Edn (trans. by J.P.C. Southall. 1925 Opt. Soc. Am. Section 26). NY: Dover: <https://ru.scribd.com/book/271553502/Treatise-on-Physiological-Optics-Volume-III>
11. Hinton G. How to represent part-whole hierarchies in a neural network. 21 Feb. 2021. arXiv:2102.12627 [cs.CV]
12. Humphrey N. Natures psychologists// New Sci. 29 June 1978. P. 900–904.
13. Merton R.K. Social theory and social structure. NY: Free Press, 1949. 423 p.
14. Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания / пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.
15. Sloman S. A., Patterson R. and Barbey A. K. Cognitive Neuroscience Meets the Community of Knowledge// Front. Syst. Neurosci. 2021. Vol. 15:675127. <https://doi.org/10.3389/fnsys.2021.675127>
16. The Great AI Reckoning: Deep learning has built a brave new world - but now the cracks are showing. Special report IEEE Spectrum. 30 SEP 2021. <https://spectrum.ieee.org/special-reports/the-great-ai-reckoning/>
17. Zangari A., Micheli D., Galeazzi R. et al. Node of Ranvier as an Array of Bio-Nanoantennas for Infrared Communication in Nerve Tissue// Sci. Rep. 2018. Vol. 8. № 539. <https://doi.org/10.1038/s41598-017-18866-x>

УДК 130.2

https://doi.org/10.34130/9785876617408_39

Номо pictor: рисование как культурная практика

*В. Л. Круткин, д-р филос. наук, профессор
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск*

Аннотация. Рассматриваются создание и восприятие изображений в культуре, жест как техника тела в разделении формы и реальности, эйдос и материальность изображения в феноменологии Ганса Йонаса.

Ключевые слова: тело, зрение, жест, изображение

Йонас Мари-Жозе Мондзен считает, что фигура *Homo pictor* берет начало от времен палеолита. Преобразованию подлежало тело, которое станет не только более подвижным, но и самым хрупким и наименее интегрированным телом в своей естественной среде обитания. Жесты прежнего существа окажутся абсолютно непригодными «с того самого момента, как рука и рот начинают служить другому голоду, голоду символов и знаков» [15, с. 308]. Человек вписывается в мир, – считает она, – не по законам природы, ... операции по созданию образов делают это вписывание возможным» [там же]. Пещерные росписи превращали людей в зрителей с новой ролью говорящих и желающих субъектов. Изображения, по замечанию М. Ямпольского, являются посредником между человеком и его миром, это необычное образование, в котором линии и пятна, с одной стороны, способны имитировать формы мира, а с другой стороны, могут превращаться в знаки [7, с. 6].

Зрение способно удерживать одновременно события мира, в контрасте с изменениями между временем и вечностью. Способность зрения призвана отображать причинно-следственные связи мира, это задача гомеостаза для всего живого. В случае человека в зримом опыте вдруг оказывается возможным освобождение от всех следов причинно-следственных связей. Это происходит при переходе от природного к картинному зрению [5, с. 505–506].

Такое освобождение является одной из главных функций зрения на пути создания изображения. Форма или эйдос обособляется от материи. Пересечение эйдетики восприятия и эйдетики жеста рисующей руки – вот место и время осуществления изображения. Идея формы, эйдоса как образца, включающего в себя все возможные преобразования внешнего вида объекта, передается воображению, которое может иметь с ним дело в полном отрыве от присутствия исходного объекта [2, с. 121–136].

Изображение можно рассматривать по-разному: как отражение какого-то объекта или как подобие какому-то объекту. В первом случае оно будет выступать в роли знака, во втором случае – это уже особый тип реальности. По словам Д. Элкинса, необходимо держаться второго пути. «Думать о живописи нужно вместе с такими видами деятельности, как чистописание, танец, мышление, молитва или колдовство» [6, с. 233]. Рассматривать изображения только как знаки

– это брать их в неполном объеме, подчинять лингвистическому пониманию. Сегодня актуально философское изучение рисунка и живописи именно как материальной практики [8; 16].

А. Леруа-Гуран отмечал, что особенность человека состоит не столько в создании инструментов, сколько в одомашнивании времени и пространства [14, с. 313]. Ближайшим средством здесь выступают его движения и жесты. Древнейшее изображение – отпечаток ладони человека на стене пещеры – это продукт знакового жеста, который представляет нового субъекта. Такая стена – это не отражающее зеркало, это первый молчаливый автопортрет человека, который стал субъектом, знающим о себе и о мире только через след, который оставила о нем его рука.

Инструмент в руке не превращается во внешний протез – это «истечение» или «секреция» антропоидного тела и мозга [14, с. 90], инструмент берет начало внутри нейронных сетей. Там складываются карты, схемы, паттерны, связующие мозг и тело [3]. Карты и схемы нейронных сетей, лежащие в основе телесных движений, создают базу эмоций и чувств, образуют основу нашей души и духа, считает А. Домасио. Его нейробиология черпает вдохновение в философии, об этом говорят названия его книг [9; 10].

Движение, а не сознание должно быть стартовой точкой изучения восприятия [11, с. 40]. Схемы или паттерны вне рисования остаются на уровне нервной ткани, в форме химических и электрических процессов. Но паттерны могут быть объективированы. В форме движений, в жестах, линиях и следах, если под рукой окажется карандаш и бумага.

Инструмент это не только карандаш, но и проведенная им линия, изображения – это не просто объект для рассматривания, это средство видения. Нужно не просто открыть глаза перед изображением, нужно, чтобы изображение стало открыванием глаз (откровением, если повезет). Как красноречиво писал об опыте созерцания живописи М. Мерло-Понти: вижу скорее не ее, но сообразно ей или с ее участием [4, с. 17].

Характеристики изображения по работам феноменолога Ганса Йонаса (1903–1993).

1. «Изображение – это объект, который имеет явно узнаваемое или, по желанию, различимое сходство с другим объектом» [13, с. 203].

2. Изображения созданы с намерением. Внешнее намерение создателя продолжает жить как внутренняя «интенциональность» продукта.

3. Сходство или подобие не является полным. В изображении нужно представлять, а не имитировать объект [13, с. 205].

4. Эта неполнота означает пропуск, выбор наиболее репрезентативных признаков объекта, здесь включается аналитика.

5. Изображение включает в себя репрезентативную функцию, основанную на символическом подобии. В изображении становится доступной эмансипация от «буквальности» [13, с. 206].

6. Целью этой функции является визуальная форма объекта. «В визуальных образах большое может быть представлено малым, малое – большим, сплошное – плоскостью, цветное – черно-белым, непрерывное – дискретным и наоборот».

7. «Изображение неактивно и находится в состоянии покоя, хотя оно может изображать движение и действие. Изображаемая вещь, изображение, физический объект изображения являются разными слоями в онтологической структуре изображения» [13, с. 207].

8. В изображении происходит самоуничтожение изображаемой вещи, хотя остается различие между изображением и физическим объектом изображения.

Создатель изображения выступает как создатель вещей, он потенциально является создателем новых вещей, и эти роли равноправны. «Свобода, которая решает изобразить подобие, может с таким же успехом отказаться от этого».

В основе импульса нарисовать что-то лежит стремление приблизиться, считает Джон Бёрджер. «Смотреть – означает сближаться» [1, с. 113].

К чему же в реальности может приближаться Номо pictor? Приблизиться к вещи физического пространства как таковой. Приблизиться к традиции рисования и стилю всех тех предшественников, кто будет воспринят как близкий. Приблизиться к «Я» вещи, которая в ландшафте живет собственной активной жизнью. Приблизиться к своему собственному «Я», которое делается наблюдаемым в рисованных следах, тем более, что собственная идентичность человека в переплетениях актуального и виртуального выступает как незавершенная, открытая. Эти искусственно разделенные виды «близости» сливаются в один опыт Номо pictor'a, направленного на доместикацию пространства культурного ландшафта.

Список источников

1. Бёрджер Д. Блокнот Бенто: Как зарождается импульс что-нибудь нарисовать? М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
2. Вульф К. Номо pictor или возникновение человека из воображения // Вестник Самарской Гуманитарной академии. 2008. № 1.
3. Дамасио А. Я. Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. 384 с.
4. Мерло-Понти М. Око и дух. Искусство. М., 1992.
5. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: сборник. М.: Радуга, 1991. 639 с.
6. Элкинс Дж. Исследуя визуальный мир. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 534 с.
7. Ямпольский М. Изображение: курс лекций. М.: НЛЮ, 2019.
8. Crowther P. What Drawing and Painting Really Mean_A Phenomenology of the Image NY, 2017.
9. Damasio A. Looking for Spinoza. Joy, Sorrow, and the Feeling Brain. William Heinemann: L., 2003. 445 p.
10. Damasio A. Descartes' error: emotion, reason, and the human brain. N. Y., 1995. 314 p.

11. Ingold T. The life of lines. London; New York: Routledge, 2015, 188 p.
12. Jonas H. The Nobility of Sight // Philosophy and Phenomenological Research, Vol. 14, No. 4 (Jun., 1954). Pp. 507–519.
13. Jonas H. Homo pictor and differentia of man // Social Research, Vol. 29, No. 2 (SUMMER 1962). Pp. 201–220.
14. Leroi-Gourhan, A. Gesture and Speech. Cambridge, MA: October, 1993.
15. Mondzain Marie-José. What Does Seeing an Image Mean? // journal of visual culture, 2010. Vol 9(3). Pp. 307–315.
16. Wentworth N. The Phenomenology of Painting. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 268 p.

УДК 159.922.27

https://doi.org/10.34130/9785876617408_43

Концепция людей как «сообщающихся сосудов»

*А. О. Кувакина, студент 1 курса магистратуры
Научный руководитель: А. А. Ершов, канд. филос. наук, доцент
Ухтинский государственный технический университет,
г. Ухта*

Аннотация. В данной статье представлена концепция людей как «сообщающихся сосудов». Она показывает, что человек – это существо биосоциальное, которое может нормально жить и функционировать только во взаимодействии с другими членами общества.

Ключевые слова: человек, идея, сообщающиеся сосуды, общение

В философской теории существует большое количество разнообразных вариантов трактовки понятия «человек» [3].

Каждая идея «человека» по-своему оригинальна и характеризует его с точки зрения различных предметных областей. Одна из них представляет людей как «сообщающиеся сосуды».

Основа данной идеи исходит из такого биологического процесса, как внутриутробное развитие человека. Еще не рожденный ребенок, находясь в организме матери, берет от нее все самое необходимое для своего формирования или разрушения. От того, чем будущая мама кормит себя: полезной пищей или наркотическими веществами – алкоголем и сигаретами, тем питается и ребенок в её утробе. Развитие его психики зависит от того, положительные или отрицательные эмоции получает его мать, их она и передает малышу сначала в утробе, а после рождения – в жизни. Уже на перинатальной стадии развития мать и ребенок представляют собой «сообщающиеся сосуды», «уровень жидкости из полезных веществ и положительных эмоций» в которых постоянно изменяется. Когда

мама поглощает питательные вещества, уровень «жидкости» ее сосуда велик, через пуповину она передает данные компоненты своему малышу, выравнивая таким образом уровень «жидкости» в большом и малом сосудах. Затем, когда ребенок получает все необходимые ему питательные вещества, уровень «жидкости» его сосуда становится велик, а матери – совсем мал. Поэтому женщине необходимо постоянно правильно питаться, набираться сил и энергии, чтобы снова производить обмен питательными веществами и положительными эмоциями с малым сообщающимся с ней сосудом.

При рождении ребенка модель «сообщающихся сосудов» становится более очевидной. Мама – это емкость большого объема, ребенок – маленького, а пуповина – элемент, соединяющий данные сосуды и позволяющий им общаться.

После перерезания пуповины система «сообщающихся сосудов» не разделяется на отдельные элементы, как это может показаться с первого взгляда, она переходит на качественно более высокий уровень развития: мама вновь остается большим, а малыш – пока еще маленьким сосудом, но предмет их общения трансформируется из материального в духовный. Теперь мама передает малышу свое знание и понимание мира, любовь, доброту и ласку через общение и прикосновения, создавая тем самым канал духовной связи с ним.

Маленький сосудик отличается от больших сосудов мамы и папы пока лишь своим возрастом и размером, а его внутреннее и внешнее содержимое близко по своему составу и свойствам к содержимому родителей, ведь именно они наделяют младенца определенными физико-биологическими (умственными способностями, внешностью, силой) и психоэмоциональными качествами (крепкой или более слабой нервной системой, темпераментом), большое влияние на формирование и развитие которых оказывают гены [1, с. 78].

Стоит отметить, что после рождения ребенка, до которого число сообщающихся сосудов было равно 2 (мама + малыш), их количество начинает стремительно увеличиваться прямо пропорционально количеству людей, ждавших и любящих этого ребенка. Таким образом, к сосуду малыша присоединяются сосуды отца, бабушек, дедушек, братьев и сестер и вообще всех любящих его людей. Это свидетельствует о том, что за начало отсчета для эволюции и появления многоветвевой системы сообщающихся сосудов необходимо принять момент рождения человека.

Следом за младенчеством наступает этап формирования личностных качеств ребенка, в процессе которого им осваиваются различные социальные роли (к ролям ребенка, внука или внучки добавляются теперь роли друга, школьника, члена спортивной секции и т. п.). Особое влияние на процесс формирования духовно-нравственных качеств детей оказывают 4 основных фактора:

1. Родители

2. Образовательные институты

3. Друзья и сверстники

4. СМИ

Именно перечисленные выше группы людей и объектов в наибольшей мере воздействуют на процесс трансформации физических и психических качества человека, что связано с появлением еще большего количества общающихся сосудов, с которыми он теперь взаимодействует.

Родители направляют свою деятельность в первую очередь на воспитание ребенка и привитие ему морально-нравственных качеств с самого детства, применяя позитивные санкции за достойное поведение (одобрение и похвала за совершение добрых) и негативные (наказание и разъяснительные беседы) за совершение дурных поступков.

Образовательные институты в большей степени ориентированы на интеллектуальное развитие детей, на мотивацию получения ими глубоких знаний в различных областях науки и техники, которые в будущем помогут им стать высококвалифицированными специалистами и найти свое профессиональное призвание. Но помимо образовательной школы и лицеи выполняют также и воспитательную функцию, прививая детям знание этикета, хороших манер, развивая их дисциплинированность в процессе обучения [2, с. 6].

Друзья и СМИ выполняют функцию социализации человека. Общение с друзьями позволяет ребенку научиться работать в команде, прислушиваться к чужому мнению (которое иногда становится важнее своего), развивает в нем дух взаимовыручки и взаимопомощи, позволяет весело проводить свободное время.

Средства массовой информации следуют за нами повсеместно, поэтому их влияние на поведение и духовно-нравственное развитие детей очень велико. Если ребенок смотрит жестокие видео, играет в злые игры, то он будет настроен повторять данные действия в реальности, а если же ему по душе добрые, научные, познавательные каналы и фильмы, то он будет формировать в себе черты аналогичного типа.

В процессе взросления в жизни ребенка появляются новые люди, многие из которых не задумываются над тем, что их слова или поступки могут кого-то ранить. Поэтому помимо положительных эмоций в сосуд человека могут проникать и негативные составляющие, складывающиеся из чьей-то отрицательной оценки, плохого отзыва о нас и т. п.

В период формирования личности каждая негативная эмоция очень остро воспринимается человеком, а их большое количество может либо балансироваться положительными эмоциями, переданными другими сосудами (сосудами родных и друзей), либо послужить причиной эмоциональной трещины сосуда (каждый сосуд по своему крепок и каким бы толстокожим и бездушным он ни

выглядел снаружи, внутри он может быть очень хрупким и ранимым), развить в человеке комплексы или чувство неполноценности.

В период личностной зрелости и обретения самого себя, который приходится на возраст примерно 25 лет, внутренний каркас сосуда человека уже становится крепким. Человек на основе развитых в нем еще в детстве качеств находит себя, понимает, кто он такой, уже осознает свои цели и задачи в жизни, опирается на выбранные им нравственные ценности и начинает жить своим умом, не обращая внимания на то, что о нем скажут другие, ставя свое мнение в приоритет [2, с. 7].

Таким образом, концепция людей как «сообщающихся сосудов» близка по своему содержанию к определению человека, даваемого в курсе обществознания. Оно гласит, что человек – это «биосоциальное существо», обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе общественного производства [4, с. 4].

А исходя из анализа теории человека как «сообщающегося сосуда», следует, что человек, каким бы умным, добрым или образованным он ни был, не может существовать обособленно. Это, действительно, биосоциальное существо, которое может нормально жить и функционировать только в группе. Одни сообщающиеся сосуды уходят из жизни человека, но взамен их появляются другие. Человек живет полноценно, пока есть хотя бы один сосуд, взаимодействующий с ним. Если оставить человека одного (лишить его всякого общения), то по истечении нескольких лет он разучится говорить, общаться и работать в группе, то есть превратится в своего рода Маугли, пройдя ступени эволюции в обратном направлении.

Список источников

1. Шипелик О. В. Философия: планы семинарских занятий, методические указания. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 78.
2. Коновалова Н. П., Кузубова Т. С., Алашеева Р. В. [и др.]. Философия: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 6–7.
3. Философские концепции человека. URL: https://studopedia.ru/3_26899_filosofskie-kontseptsii-cheloveka.html (дата обращения: 25.10.2021).
4. Ерушкина Л. В. Человек и общество. Конспект лекций: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2014. С. 4.

УДК 008+130.2

https://doi.org/10.34130/9785876617408_46

Концепция человека в философии лимитизма К. Ф. Жакова

*О. Л. Максимова, канд. филос. наук, доцент
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье рассматривается проблема человека в философии лимитизма К. Ф. Жакова. Концепция человека в философии К. Жакова представлена в контексте онтологических, гносеологических и аксиологических принципов картины мира лимитизма. Сущность и предназначение человека раскрываются через свойственный лимитизму синтез религиозного, философского и научного знания.

Ключевые слова: русская философия, философская антропология, лимитизм, К. Ф. Жаков

Философия лимитизма К. Ф. Жакова, появившаяся как реакция на социальные и политические преобразования начала XX века, представляет собой оригинальную систему взаимоотношений «человек – мир». Этим обуславливается актуальность научной темы статьи и ее цель – определить роль и место человека в лимитической системе К. Ф. Жакова.

Понимание человека вытекает из онтологических установок лимитизма. Во-первых, К. Ф. Жаков наряду с реальным бытием выделяет потенциальное, таким образом в философии лимитизма отсутствует понятие «небытие». Во-вторых, по Жакову, мир семигранен. Грани образуют пространство, время, материя, душа, разум, эстетическое, добро. Семь граней К. Ф. Жаков выделяет в соответствии с существующими семью основными науками, каждая из которых изучает свой аспект бытия: определенная грань мира представляет определенную науку (математика, физика, психология, биология, этика и эстетика). В-третьих, в потенциальной реальности граням реального бытия соответствуют семь потенциалов: бесконечность, вечность, первоматерия, мировая душа, космический разум, космическая жажда творчества, мировая любовь. В-четвертых, грани Реального и Потенциального состоят из тенденций, развивающихся по определенным законам. Грани не переходят друг в друга ни в реальном, ни в потенциальном, подобно тому, как материальное не сводится к духу и наоборот. В-пятых, в основании всего – Первопричина (Бог). Таким образом, мир, по Жакову, троичен: Реальное – Потенциальное – Первовозможное (Первопотенциал, Единое, Бог).

Онтологический принцип семигранности мира характерен и для понимания человека: сущность семигранного лимитического человека проявляется в двойственности его существования и бессмертии (вечности потенциального человека). Границей такой двойственности является материя, лежащая в основании реального человека. Материя – связь двух человеческих жизней. Грани человека раскрываются по всеобщему закону: в потенциальном – от высших к низшим, в реальном – от низших к высшим. Так, в реальном мире после материализации проявляется душевное, разумное, прекрасное и доброе, завершает богочеловече-

ское (первопотенциальное). В загробной жизни все происходит в обратном порядке – сначала Первопотенциал, затем проявляются нравственное, прекрасное, разумное и душевное.

Двойственное существование человека напрямую связано с извечным философским вопросом о соотношении души и тела (психического и физического). К. Ф. Жаков, отвергая существующие в истории философии подходы, представляет гипотезу существования Первовозможного как первопотенциала, примиряющего тело (материю) и душу (внутреннюю самопознающую энергию). Так как лимитизм – гносеологическая теория, познающая отношения в их эволюционном развитии, то «функциональное отношение между ними [душой и телом] познаваемо» [1, с. 105].

Философия лимитизма, представляющая синтез всех видов знания, обращается к религии как к возможности постичь первоисточник – Первопотенциал и Первовозможное. Однако существование религии невозможно без человека, его душевной природы и духовного развития. В соответствии с эволюцией религиозного сознания, представленного в лимитизме, цель человечества – в поиске богочеловека. В связи с этим философия К. Жакова представляется одним из вариантов богоискательства начала XX века (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Розанов и др.). Лимитизм утверждает, что состояния богочеловека может достичь каждый при условии раскрытия всех семи граней мира, в особенности нравственной. Человек в лимитизме – это особая ступень эволюционного раскрытия мира: логическое, этическое и эстетическое как грани мира осуществляют переход из потенциального в реальное только благодаря человеку.

В лимитической системе К. Ф. Жакова человек рассматривается не только с точки зрения религиозных систем, но и с опорой на передовые научные знания, раскрывающие физическую сущность человека. Открытия из области физиологии человека философ связывает с психологическими, моральными, логическими и др. аспектами. В связи с этим выстраивается целостная картина системы ценностей жизнедеятельности человека и решается вопрос о смысле жизни, о целесообразности действий, о воспитании и образовании.

Таким образом, осмысление роли и места человека в лимитической картине мира позволяет сделать следующие выводы: во-первых, человек, подобно миру, семигранен. Семигранный лимитический человек проявляется в двух сущностях: земной и загробной. Земная жизнь человека представляет собой процесс инволюции, символизирующий переход от Первовозможного к материальному своему воплощению, а загробная жизнь человека представляет собой эволюционное восхождение к Первовозможному. Во-вторых, человек объединяет в себе и реальное, и потенциальное (тело – душа, физическое – психическое, мозг – дух), граница между ними – материя. Поэтому истинным (комплексным) способом по-

знания природы человека является лимитизм, который объединяет знания из области физиологии и общечеловеческое знание о человеке, вобравшее в себя достижения разного рода наук, философий и мировых религий. В-третьих, человек играет существенную роль в эволюции мира, так как высшие грани бытия (логическое, этическое и эстетическое) раскрываются через человеческое существование. В-четвертых, сущность человека заключается в раскрытии Первопотенциального, основными условиями развертывания его в человеке являются семья, общество и богоискательство. Это предопределяет и цель жизни человека – достижение состояния Богочеловека.

Список источников

1. Жаков К. Ф. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига, 1929.

УДК 1/ И 20

https://doi.org/10.34130/9785876617408_49

Свобода в контексте возвращения человека к самому себе

*П. Г. Мартысюк, д-р филос. наук, д-р культурологии, профессор
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье исследуется проблема свободы человека в контексте философского дискурса. Указывая на множественность интерпретаций феномена свободы, автор статьи предпринимает попытку её исследования, обращаясь к понятию самосознания. В самосознании заложено этическое и метафизическое измерение личности. Благодаря его возможностям открывается перспектива устранения противостояния человека и внешнего мира. В итоге человек возвращается к самому себе.

Ключевые слова: гуманизм, свобода, самосознание, философия, человек.

Известный российский и американский социолог и культуролог Питирим Сорокин решает проблему свободы человека, исходя из следующих соображений. Согласно учёному человеческое существо свободно, если оно способно делать то, что хочет, не принуждается делать то, чего не хочет, и не вынуждено терпеть то, чего терпеть не желает. При этом в процессе исследования особенностей идеационной (духовной) культуры он приходит к мысли, что лучшая жизнь и свобода должны достигаться благодаря духовному самосовершенствованию людей и самоограничению их желаний и потребностей. Тем самым Питирим Сорокин устанавливает критерии свободы, в основу которых положена духовная природа человека.

Философская мысль, в особенности в рамках этического знания, проявляет интерес к проблеме свободы, представляя её решение в ряде возможных вариаций. Начиная со Спинозы, свобода воспринимается в качестве осознанной необходимости. Подобного рода мысль возникает тогда, когда человек, обращаясь к пониманию своей жизни или жизни окружающих, обострённо ощущает, что из-за ограниченности материальных или духовных возможностей её изменить нельзя. Одним из модусов свободы выступает возможность выбора. Наиболее продвинутым вариантом решения проблемы свободы является сотворение новой действительности в отличие от реализации возможностей прежней.

В настоящем исследовании автор не ставит перед собой задачу усомниться в концепции о свободе Питирима Сорокина, а также вступить в полемику с иными философскими учениями. Не делая упор на возможные концептуальные разногласия, автор статьи задаётся целью рассмотреть проблему свободы философствующего субъекта, который в процессе спекулятивного постижения общечеловеческих и индивидуальных духовных ценностей приходит к самому себе, реализуя исходную гносеологическую установку в рамках собственного самосознания.

Под самосознанием мы понимаем осознание человеком себя как личности и своего места в общественной деятельности людей. С одной стороны, оно указывает на проникновение в глубь реальности, называемой «самостью», означает нечто глубинное и важное в субъекте. С другой стороны, означает замкнутость сознания на себя, понимаемую не в смысле его отъединённости от мира, а, напротив, в смысле максимальной меры его постижения, возможной для сознания как такового [3, с. 29]. По сути, самосознание не ограничивает свободу замкнутостью на себе, а демонстрирует открытость приятия мира.

Свобода в контексте обретения человеком самого себя в определённой мере связана с гуманизмом как попыткой возвышения человека. Антропоцентристская парадигма Возрождения абсолютизирует гуманизм, в силу чего человек в полном смысле слова становится мерой всех вещей. При этом следует указать на присутствие идеи гуманизма в более ранних слоях культуры, детерминированных мифологической традицией. Её обнаружение в мифе сопряжено с рядом трудностей, обусловленных его синкретичной природой, устанавливающей генетическую связь человека с миром природы. Это приводит к тому, что миф, с одной стороны, аннигилирует бытие человека, сводя его до чего-то второстепенного, а с другой стороны, не допуская представления о неживой природе, определяет пути его спасения, тем самым открывая перспективу вечной жизни.

При всём этом миф не лишён и конструктивной направленности, позволяющей обнаружить человеческое начало в мифологической картине мира. При внимательном всматривании в неё становится заметным её антропоморфный харак-

тер, т. е. моделирование по образу человеческого тела. На основе антропоморфного принципа взаимодействия человеческое деяние и космическое (природное) становление соединяются воедино. «Не случайно, – по мнению М. Мамардашвили, – одной из первых моделей мира – и в познании и искусстве – была модель человеческого тела, в которой космическими аналогиями и гомологиями мир как целое и разные его части проецировались на целое и части человеческого тела» [2, с. 87].

Человек, будучи встроенным в мифологическую картину мира, в полной мере не принадлежит самому себе. Являясь сегментом гомологического ряда мифологического сущего, он не способен стяжать искомую свободу, восходящую к внутреннему миру человека, его самосознанию. Только лишь укоренившись в мире и сделав из мира устойчивую реальность, человек может обрести в ней путь к свободе.

Миф ограничивает познавательные возможности человека, тем самым минимизирует гуманистическую сферу его бытия. В связи с этим переход от мифа к логосу – это переход от мировоззрения, основанного на универсальном общепринятом в мифе человеческом присутствии, к философским размышлениям о месте человека во вселенной. Именно философия способна претендовать на роль онтологии или учения о бытии как таковом, а философская онтология призвана установить фундаментальные значения реальности на все времена, выявить возможный для человека максимум её значения.

Философия открывает новые перспективы, расширяющие горизонты знания до постижения мира самого по себе, как чистого объекта, уже не окрашенного и не искаженного человеческой субъективностью. В этом плане философия рассматривается как преддверие европейской науки, как изначальная концентрация её основных смыслов. Если в мифе, кроме человеческого (даже сверхчеловеческое присутствует в нем как максимум человеческого) ничего нет, и значит, истина есть сам человек, представленный в его ограниченных познавательных возможностях, то в философии круг истинного гораздо шире. Притом увеличение его пространства имеет принципиальный характер. Человек узнает нечто сверх себя и помимо себя. Тем самым расширяются и возможности человека. Перенося центр мировосприятия за пределы только человеческого, в область сущего как такового, человек вовсе не теряет, а выигрывает, так как раздвигаются пределы пространства его реализации, возникают новые цели, виды деятельности и т. д. Истина вне человека оказывается в этом плане более «человеческой», чем истина по масштабам человека.

Обучая философии, мы, таким образом, возвращаем человека к его подлинной сущности из безличностных форм существования, где он, человек, выносит суждения о мире, нисколько не подозревая об отсутствии необходимого основания, которое, собственно, и делает его таковым. Дефицит личности, конечно, может иметь

разные степени в реальных обстоятельствах, но так или иначе, как в любой науке, требуется вывести Я к его чистой форме, абсолютному значению.

В связи с этим определённый интерес в рамках предложенного исследования представляет высказывание Н. Аббаньяно о том, что «свобода человека состоит в её совпадении с Абсолютным духом, в её полном отнесении себя к нему, устраняя всякую случайность и всякую эмпирическую черту. Свобода человека будет совпадать с необходимостью Абсолютного субъекта. Порядок моментов и фундаментальных определений, посредством которых развивается жизнь Абсолюта, будет условием человеческой свободы. Человек будет свободным лишь постольку, поскольку его жизнь будет свободным лишь постольку, поскольку его жизнь будет тождественна жизни Абсолюта и необходимому порядку его моментов» [1, с. 182–183].

Истинная свобода, на наш взгляд, может быть реализована благодаря соотносённости субъективного начала в человеке с установленным в мире объективным порядком. В этой связи конечное в природе человека преодолевается вечным началом, сокрытым в Абсолюте.

Мы обострённо ощущает проблему индивидуальной свободы в случае привязки к изменчивому миру. В этой связи обретение свободы открывается в перспективе обретения человеком самого себя. Человек непрерывно возвращается к самому себе, к своему подлинному Я, именуемому самостью. И в этом безудержном порыве раскрывается извечная тяга к постижению самого себя.

Список источников

1. Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм. СПб.: Алетейя, 1998. 506 с.
2. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. 415 с.
3. Мартысюк П. Г. Правовая этика: учеб. пособие / П. Г. Мартысюк. Минск: Веды, 1999. 70 с

УДК 140.8:61:378

https://doi.org/10.34130/9785876617408_52

Мировоззренческие трансформации под влиянием биомедицинских инноваций

А. Е. Михайлов, канд. филос. наук, доцент

М. В. Михайлова, канд. филос. наук, доцент

*Кировский государственный медицинский университет,
г. Киров*

Аннотация. В статье рассматриваются изменения различных сфер жизни общества и трансформации современного мировоззрения под влиянием развивающихся биомедицинских наук и технологий.

Ключевые слова: биомедицинские инновации, мировоззрение, модификация человеческой природы, ценности

В последние несколько десятилетий открытия в биомедицине и основанные на них технологические инновации трансформируют различные области общественной жизни, включая сложившиеся в культурах мира мировоззренческие ценности и идеалы. К иницилирующим такие изменения детерминантам относятся проводимые в настоящее время фундаментальные научные исследования в протеомике, геномике, биоинформатике и др. Развиваются бионанотехнологии на основе новых материалов, аналитической техники, средств диагностики (секвенаторы нуклеиновых кислот, биосенсоры, микрофлюидные и наночиповые устройства). Совершенствуется генодиагностика заболеваний, формируются технологии персонализированной медицины и регенеративной медицины, раскрываются молекулярные основы иммунитета и онкогенеза. Развиваются различные направления биоинженерии. Появляются новые подходы в совершенствовании терапевтических препаратов. Ожидания кардинальных изменений в перспективах развития медицины и здравоохранения связаны с использованием (внедрением) наноустройств, способных на клеточном уровне контролировать функционирование человеческого организма, а при отклонении от заданных значений корректировать его жизнедеятельность. Успехи в этих областях позволят избавить человека от многих болезней и содействовать продлению и повышению качества жизни, поддерживая надежду на осуществление в более отдаленной перспективе мечты о физическом бессмертии.

Достижения в биомедицине, открывающие новые горизонты для человечества, стимулируют энтузиазм и сверхоптимистические ожидания транс(пост)гуманистов, связанные возможностью создания обладающего бессмертием «постчеловека». Но «такое существо будет лишено всех принципиально человеческих качеств: любви, сострадания, мужества, заботы о стариках и детях. Ибо бессмертному они не нужны. Исчезнет стимул для творчества, для обновления жизни. Иными словами, исчезновение смерти привело бы к лишению жизни ее смысла. Бессмертный нелюдь выступил бы убийцей человека» [3, с. 176]. Назревающая в перспективе угроза самоуничтожения человека ещё не абсолютна. «Ей предшествует, будет предшествовать человек, который еще мыслит, действует, хотя все больше без рефлексии над тем, для чего, куда и к каким последствиям ведет то, что он делает. Он пока в уме, правда, уже «не в своем». Без (о)сознания и понимания» [1, с. 64]. Но неспособность человека адекватно осознавать различные аспекты и последствия собственной деятельности ведёт в конечном счёте к утрате человеческой идентичности и превращению в зомби.

Идеологию пост(транс)модернистского антигуманного «постчеловеческого трансгуманизма» В. А. Кутырёв характеризует как «наркотическую философию»

и «техномиф». В преодолении этой идеологии он надеется на гуманистическую философскую традицию, способную консолидировать и мобилизовать людей в противоборстве с «танатософией». «Философия, тем более, антропологическая, должна нести ответственность перед людьми за целевые ориентиры, которые она предлагает, за оценки, которые она дает состоянию мира, и если оно трагично, то должна помогать им сохранить достоинство при любом обороте дела» [1, с. 82]. Авторы книги «Человечество и технос: философия коэволюции» выделяют в развитии отношений между традиционным Человеком и создаваемой им Техникой два альтернативных вектора развития: конвергенцию и коэволюцию. В выборе из этих двух вариантов, в поиске возможностей взаимодействия с пост-человеческими формами реальности и их «очеловечивания» авторы видят основной вопрос жизни современного человечества. Конвергентные подходы, прежде всего трансдисциплинарные технологии NBIC (нано, био, инфо, когно) рассматриваются как угроза, поскольку примененные к индивиду превращают его в киборга с последующим вытеснением настоящими роботами. В конечном счёте это «исход (из) человека». Оптимистическую стратегию выживания человечества они видят в коэволюции, которая «предполагает комплексное взаимодействие как функциональное единство входящих в него частей с сохранением их субстратного различия, самостоятельности. Человек продолжает существовать в качестве субъекта, использующего технику в роли средства своего развития» [2, с. 7]. Только модель коэволюции дает надежду на выживание человечества при условии адекватного понимания складывающейся ситуации и активной борьбы людей за свое будущее [2, с. 8].

Современные биомедицинские инновации предполагают выход за рамки сложившейся на этапе становления естествознания ценностно нейтральной классической модели философии науки, его отдельных узкоспециализированных направлений без учета культурно-исторического контекста. «Анализ возможных социальных последствий новых технологий, их влияние на социальную и природную среду человеческого обитания стимулировал возникновение новых и перспективных форм технологического проектирования. В качестве объекта проектирования в них уже выступает не сама по себе технология, а более сложный комплекс – технология плюс экосистема, в которую она будет внедрена, плюс социокультурная среда, принимающая новую технологию, и все это рассматривается как целостная, саморазвивающаяся человекоразмерная система» [4, с. 340]. При выборе научно-исследовательских направлений в биомедицине требуется комплексная оценка целей, средств и возможных последствий внедрения технологий, разработанных на основе полученных знаний. Социальная установка в биомедицине включает глубокую аксиологическую проработку ее критериев и ориентиров.

Возможности, открывающиеся благодаря современным достижениям в биомедицине, ведут к пересмотру сложившихся ориентиров и ценностей, изменяют наши представления о будущем человечества. Но ожидания и надежды, появляющиеся в связи с новыми подходами в решении проблем по многим направлениям биомедицины, могут заслонять от нас риски и угрозы, сопровождающие научные достижения. В предвосхищении будущих ситуаций рассматриваются сценарии, в соответствии с которыми совершенствование человеческого вида с применением генной технологии может осуществляться по различным субкультурным направлениям. Это может привести к разрушению единой основы общечеловеческих моральных и духовных ценностей. Единство человеческой природы может быть разрушено некоторыми биомедицинскими технологиями. Контроль над ними требует глубокого и всестороннего рассмотрения возникающих в этой области проблем через целенаправленное формирование мировоззренческой позиции по их решению на основе философской, духовно-нравственной и правовой культуры. Такой подход в осмыслении и решении порождаемых биомедицинскими инновациями проблем способствует преодолению ограниченности как технократизма, так и правового позитивизма с констатацией уже существующего законодательства в данной сфере.

Заново переосмысливая человеческую природу в условиях расширения игрового пространства нашей свободы, необходимо вести поиск ответов на мировоззренчески значимые вопросы о пределах и последствиях такого вмешательства, его методологических и аксиологических основаниях. Ю. Н. Харари считает «самым главным вопросом для человечества не «Что запретить?», а «Кем (или чем) мы хотим стать?». А поскольку вскоре мы сможем перестраивать также и свои желания, правильнее будет сформулировать: «Что мы хотим хотеть?» [5, с. 492]. В современном мире актуализируется необходимость переосмысления происходящих изменений во взаимодействии биологических и социокультурных факторов в жизни человека. В выборе направлений научных исследований, в оценке целей, средств и возможных последствий решения проблемных ситуаций, в повышении чувства социальной ответственности за последствия инновационных технологий возрастает роль гуманитарных ценностей, которые интегрируются в социальную установку биомедицинских наук.

Список источников

1. Кутырев В. А. Здравствуйтесь, зомби // Вестник Российского философского общества. 2015. № 1(73). С. 63–67
2. Кутырев В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Человечество и технос: философия коэволюции. СПб.: Алетейя, 2020. 330 с.
3. Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М.: Канон+, 2012. 384 с.
4. Степин В. С., Сточик А. М., Затравкин С. Н. История и философия медицины. Научные революции в медицине XVII–XXI вв. М.: Академический проект. 2020. 375 с.

Модусы бытия телесности: философский анализ

В. В. Шамаева, студент 4-го курса бакалавриата
Научный руководитель: *Е. Н. Ищенко*, д-р филос. наук
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж

Аннотация. Анализируется проблема дифференциации таких понятий, как тело и телесность человека. Автором замечается, что когда тело, понимаемое как материальный субстрат, становится посредником, выражающим через себя социальные и духовные отношения, тогда его начинают воспринимать как телесность. В статье разграничиваются и анализируются такие модусы телесного бытия, как схема тела и образ тела. Делается вывод, что каждая эпоха по-своему обозначивает ракурс развития проблемы человека, непременно опираясь на созданные им схему тела и телесный образ.

Ключевые слова: тело, телесность, схема тела, образ тела.

Проблема взаимодействия и взаимосвязи телесного и духовного существует давно и является одним из «вечных» философских вопросов. Однако для понимания современного человека оппозиции душа/тело становится недостаточно, что приводит к необходимости ввести в дискурс «телесность». Тем не менее для четкой ориентации в множественности и поливариантности теорий следует дифференцировать такие понятия, как тело и телесность, а также выделить модусы их существования.

Тело мы понимаем как материальный субстрат, как биологическую составляющую человека. Говоря о теле, мы в первую очередь имеем в виду естественно-научный или эстетический взгляд. Тело осознается посредством ощущений и «...его познание становится для субъекта возможным в силу его проявленности вовне по отношению к другим объектам» [2, с. 19]. Человек не познает тело с помощью «чистой» рефлексии, оно обладает конкретными качествами. В отличие от тела телесность имеет достаточно расплывчатые границы, которые могут отличаться от тела человека как такового. При этом, когда тело становится посредником, выражающим через себя социальные и духовные отношения, когда оно начинает выступать внутренней гранью внешнего проявления, тогда мы начинаем воспринимать его как телесность. Телесность становится символом,

призванным выразить культурные установки, ценности, духовные ориентации человека и общества. Телесность предстает посредником между физическими границами человека и духовными началами. Она есть синтез и взаимодействие между двумя элементами: человеком и культурой. В совокупности общественные ценности и наше собственное тело составляют телесность и служат идентификаторами нашей самости. Под телесностью мы понимаем преобразованное под влиянием социокультурных факторов и наполненное смыслами человеческое тело. «Пространство “между” – пространство переосмысления, возникновения новых смыслов, пространство, соединяющее противоположности, – есть телесность» [4, с. 71].

Но как наше тело напитывается этими смыслами? Как над биологическим организмом появляется эта «надстройка»? Каждый человек является частью целого человечества. Общество умело создает все новые границы и условия существования. Человеку всегда готовы напомнить, как ему следует выглядеть или вести себя. Взаимодействие с социумом и его одобрение дают человеку подтверждение его собственной природы, поэтому человеку необходимо принятие его обществом. На него накладываются паттерны поведения, по которым уже общество определит «свой» он или нет.

Телесность вмещает в себя все то, что можно сказать о теле и даже больше. Мы можем рассуждать о теле не только, например, как об объекте физическом и естественно-научном, где оно предстает наделенным анатомическими и биологическими качествами. Тело наделено различными дискурсами, например, эстетическим, философским и др. Возникают такие категории, как «тело контролируемое», «полифоническое тело», «тело-темница», «тело-механизм» и др., которые не всегда очерчены во времени и пространстве. Телесность включается в систему ценностей, осуждения и одобрения, формирования общественных идеалов, она рефлексивно осмысливается, тем самым становясь полноценной философской категорией.

При этом помимо тела как материального объекта, человек воспринимает тело как образ. В. Н. Никитин определяет образ тела как «...интегрированное психологическое образование, складывающееся из представлений и ощущений и о теле, и о телесности» [2, с. 85]. Соответственно каждому человеку свойственно свое восприятие собственного тела и телесности. Образ формируется и меняется на протяжении жизни человека. Однако человеческое мышление скрывает тело в полном объеме, предоставляя его в «усеченном» или, наоборот, дополненном виде. Д. Г. Трунов замечает, что человек не имел бы образа тела без Другого. Необходимо вставать на его точку зрения, замечать его внимание к себе как объекту. Именно Другой впервые обозначает границы моего тела. Образ тела удваивает субъекта: теперь он одновременно предстает наблюдателем и наблюдаемым. Образ тела не является устойчивым, он гипердинамичен и совершенно

точно слабо соотносится с реальностью и представлениями нашего тела в объективном пространстве и времени. Образ тела включает в себя переживания наличного опыта и меняется под его воздействием, постоянно существуя в потоке интенциональных переживаний. «Некоторые исследователи считают адекватной визуальной репрезентацией образа тела полотна сюрреалистов, “наполненные плавающими и растекающимися образами-символами в виде некоторых реальных предметов и гипертрофированно выделенных органов и частей человеческого тела, причем границы этого видения исчезают за горизонтом увиденного сейчас на этой картине”» [1, с. 100].

Также необходимо затронуть еще одну категорию, предназначенную для описания телесного бытия. Схема тела предстает связующим звеном между самим телом и окружающим его миром. «Благодаря телесной схеме создается феноменальная форма тела, обладающая четкими и неизменными пространственными характеристиками, она трехмерна, имеет вертикально-горизонтальный остов, а также внутреннее и внешнее пространство, обладает известным набором движений, гибкости, плотности, она функционально иерархизирована» [3, с. 23]. Именно схема тела дает нам ощущение внешнего единства нашего тела как физического субъекта, помогает сохранить целостность воспринимаемого телесного опыта.

Учитывая все вышесказанное, мы можем заключить, что телесная схема удерживает человека как каркас в объективном пространстве и времени, образ же тела трансгрессивен по отношению к телу, которое дано человеку, он смещает в его представлении границы тела. Однако в определении человеком «своего тела» возможен разлад. Если телесная схема, образ тела и ощущение собственного тела человеком дают разную информацию, то возникает дезинтегрированная, нетипичная телесность. При этом нельзя говорить о заведомо известной позитивной или негативной окраске подобной ситуации. Отношение к подобному телу определяется дискурсом, преобладающим в обществе. Человеку необходим контакт со своим телом, чтобы осознавать, кто он есть. Если нет осознания себя в своем теле, человек может оказаться в ситуации расщепления собственного Я. Многие люди сталкиваются с отчаянием вследствие несовпадения образа тела с реальностью, когда образ, созданный ими, оказывается пустым и бессмысленным. Пытаясь соответствовать своему образу, человек переживает фрустрацию и обманчивые чувства. Тело попадало в ситуации служения образу.

В заключение стоит заметить, что философские рефлексии на тему телесности, художественные и культурные воплощения тела, социальные его взаимодействия помогают определить специфику понимания человека в том или ином историческом контексте. Каждая эпоха по-своему обозначает ракурс развития проблемы человека, непременно опираясь на созданные им схему тела и телесный образ.

Список литературы

1. Нагорная А. В. Схема и образ тела как релевантные объекты лингвистического описания // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 32(213). С. 97–104.
2. Никитин В. Н. Онтология телесности. М.: Когито-Центр, 2006. 320 с.
3. Трунов Д. Г. Феноменальные модусы телесного бытия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 1. С. 20–24
4. Цветус-Сальхова Т. Э. «Тело» и «телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 70–73.

УДК 141.319.8

https://doi.org/10.34130/9785876617408_59

Сравнительный анализ идеи сверхчеловека в философии Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше

*М. А. Шурыгина, студент 4-го курса бакалавриата
Научный руководитель: А. А. Костюк, канд. филос. наук
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж*

Аннотация. В статье проводится реконструкция и сравнительный анализ идеи сверхчеловека в творчестве Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше. Раскрываются особенности воззрений философов на проблему духовно-нравственных поисков и проблему личности.

Ключевые слова: сверхчеловек, человекобог, Ницше, Достоевский, кризис культуры

Антропологические проблемы не теряют свою актуальность и в XXI веке. Человек вызывал особый интерес у многих мыслителей на протяжении всей истории. Философская антропология стремилась открыть новые грани личности, понять сущность человеческого бытия. В XX веке Ф. Ницше предложил концепт сверхчеловека, обновленного с аксиологической точки зрения. В русской философии антропологическая проблематика также занимала особое место, поэтому рассуждая об идее человекобога, которая отражена в произведениях Ф. М. Достоевского, мы так или иначе обращаемся к ницшеанской мысли. Ф. М. Достоевский и Ф. Ницше рассуждают о кризисе ценностных оснований культуры и христианства. Их человек находится в поиске мировоззренческих ориентиров. В данной статье мы проанализируем модели сверхличностей, которые предлагают Ф. М. Достоевский и Ф. Ницше, а также попытаемся выявить сходства и различия между этими антропологическими концепциями.

В антропологии Ф. М. Достоевского, как впрочем и во всей русской философии, центральной темой является божественное бытие. Писатель анализирует личность не только в метафизической плоскости, но и в психологической. Можно сказать, что русский философ рисует образ бунтаря, который ставит под сомнение существующий социальный порядок, как, впрочем, и сверхчеловек Ницше. Главной проблемой в творчестве Достоевского являются взаимоотношения человека и Абсолюта: «Достоевский предлагает идею человекобога и ставит вопрос о мере самостоятельности человека в деле приобщения к идеалу, соизмеримому с совершенством Бога» [6, с. 116].

В человеке на равных правах существует добро и зло. Герои постоянно стоят перед выбором. В этом и заключается подлинный акт свободы, дарованный Богом. Человек свободен в своем выборе, Бог настолько преисполнен любовью и верой в человека, что дает ему право выбрать Его, но осознанно и без тени сомнения: «Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобой, прельщенный и плененный Тобой» [2, с. 330]. Но способен ли человек выбрать «хлеб небесный» вместо «хлеба земного»? Достоевский в своих произведениях показывает игру страстей, которые отдаляют личность от сферы божественного и склоняют его к выбору «хлеба земного».

Великий инквизитор в произведении «Братья Карамазовы» рассуждает о том, что у человека нет заботы мучительней, чем дар свободы, и он постоянно стремится избавиться от него. Достоевский считает, что трагичность человеческого бытия заключается в том, что личность добровольно соглашается на «рабство», так как этот путь понятен и прост. Человек избавляется от терзающего его дара свободы, ведь так он снимает с себя какую-либо форму ответственности. Великий инквизитор понимает слабость и бессилие человеческого существа. Следовательно, грех в таких условиях становится некой обыденностью. Метанойя не овладевает личностью, а ее жизнь превращается в бесконечную череду грехов, которые в силу человеческой немощи прощаются.

Великий инквизитор выступает в качестве человекобога, который берет на себя право прощать и наказывать. Человекобог эмансипируется от Абсолюта и становится творцом новой системы ценностных координат. Приход человекобога знаменует собой новую антропологическую эпоху. Кириллов, центральный персонаж романа «Бесы», приходит к выводу, что Бог неустраним и необходим, а значит человек должен стать Богом: «Происходит акт парадоксально-нигилистического посюстороннего обожения эмпирического человека и метафизическая трансформация человека, ставшего человекобогом» [1, с. 12]. Кириллов также заявляет: «Для меня нет выше идеи, что бога нет. За меня человеческая

история. Человек только и делал, что выдумывал бога, чтобы жить, не убивая себя» [3, с. 471]. Это напоминает ницшеанскую мысль, которая транслирует свободу от рабской христианской морали и призыв открыть в себе самом новое антропологическое измерение.

Ф. Ницше признавал, что Достоевский – единственный психолог, у которого бы он мог чему-то научиться. Многие ставят под сомнение степень влияния русского писателя на Ницше, но определенное сходство все же наблюдается. Лев Шестов в своем произведении «Достоевский и Ницше» утверждает родство этических взглядов двух философов и пытается доказать, что Достоевский был ницшеанцем, даже не подозревая об этом. Однако у мыслителей разный подход к метафизическому основанию человеческого бытия. Ницше в принципе избавляется от трансцендентного, а его философия известна под лозунгом «Бог умер!» Это бунт против христианской морали, которая закабальет человека и делает его слабым.

Ницше провозглашает смерть Бога как отжившее свой век культурное явление. Сверхчеловек отказывается от божественной сущности как в самом себе, так и вне себя. Ницшеанская антропология базируется на переоценке христианских ценностей. Сверхчеловек находится вне каких-либо иерархических представлений, он выступает в качестве источника морали, иными словами, находится по ту сторону добра и зла. Сам человек является лишь хворостом для огня, это пламя должно сжечь все слабости и пороки, а из этого пепла рождается сверхчеловек: «Надо, чтобы ты сжег себя в своем собственном пламени: как же мог бы ты обновиться, не сделавшись сперва пеплом!» [5, с. 64].

Сверхчеловек наделен волей к власти, свободной волей и сверхиндивидуализмом. Благодаря обладанию этой силой и мощью человек может перейти по ту сторону добра и зла, чтобы создать новый ценностный мир. Ницше рисует образ аскета, который желает преодолеть в себе самом слабого человека: «Но самым опасным врагом, которого ты можешь встретить, будешь всегда ты сам: ты сам подстерегаешь себя в пещерах и лесах» [5, с. 64]. Стоит отметить, что воля к власти присуща любому человеку, это своего рода жизненная энергия, которая выступает в качестве внутреннего двигателя. Но слабый человек не в состоянии распорядиться этой энергией правильно. Человек толпы стремится возвыситься над толпой, а не над самим собой. Он желает стать сверхчеловеком, но не в состоянии искоренить в себе ничтожность человеческого существа. Сверхчеловек же истребляет человека внутри себя, ведь он всего лишь «канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, канат над пропастью» [5, с. 12]. Вспомним

главного героя романа Достоевского «Преступление и наказание». По сути, Раскольников руководствовался той же логикой, он возомнил себя сильным мира сего: «Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею!» [4, с. 493].

Ницше отрицал идею личного спасения, он называл ее самым презренным и несбыточным обещанием, которое транслирует христианство. Он предлагает концепцию о вечном возвращении. Ницше стремится заглянуть по ту сторону смерти и ставит проблему существования человека, который осознал свою вечность. Кириллов готов совершить самоубийство, тем самым желая доказать бессмысленность страха перед смертью: «Эта жертвенность, ориентация на всечеловечность, как и в случае с проектами общественного преобразования, во-первых, выделяет и отличает человекобога Достоевского от сверхчеловека Ницше, а во-вторых, фиксирует национальную самобытность данного варианта концепта сверхчеловека» [1, с. 14]. В классической интерпретации данный сюжет транслирует путь без Бога и дух нигилизма. Но, на наш взгляд, через образ Кириллова Достоевский выражает свою собственную позицию о бессмертии: «В итоге человекобог Достоевского утверждает экзистенциальное тождество жизни и смерти» [1, с. 14].

Итак, мы проанализировали две антропологические концепции XX века. Главной проблемой творчества философов является принятие или отрицание метафизических оснований. Можно констатировать, что существует этическое сходство между двумя философскими воззрениями, однако мы наблюдаем разницу в подходах к человеческому бытию. Писатели поднимали интернациональные и вечные проблемы. В каком-то плане их сверхличности транслируют разочарование существующим порядком. Человек переосмысливает старые метафизические представления и пытается найти для себя новый путь. Сверхчеловек Ницше не нуждается в надчеловеческой сущности, ведь в его духе заключается сила и она выступает в качестве чего-то всемогущего. Достоевский проводит некий интеллектуальный опыт, в котором перед нами предстает человек бунтующий, но как он распорядится дарованной ему свободой, зависит только от него самого.

Список литературы

1. Беляев Д. А. Универсальность и национальная самобытность идеи сверхчеловека в творчестве Ф. М. Достоевского // Аналитика культурологии. 2012. № 4. С. 11–15.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: АСТ, 2020. 992 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений / Ф. М. Достоевский // Сочинения в 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1972–1990. 520 с.

4. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2020. 672 с.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. СПб.: Азбука, 2020. 416 с.
6. Панищева А. Л. Образ человекобога в сознании человека и философско-антропологические воззрения Ф. М. Достоевского // Интеграция образования. 2008. № 2. С. 112–117.

РАЗДЕЛ II. ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 7.011.3

https://doi.org/10.34130/9785876617408_64

К вопросу о популярности фильмов ужасов

*П. Н. Вьюнов, студент 1-го курса магистратуры
Научный руководитель: С. А. Маленко, д-р филос. наук, профессор
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород*

Аннотация. В последние годы популярность фильмов ужасов значительно возросла. Это относится как к зарубежному зрителю, так и к отечественному. Главными причинами большой популярности хоррор-картин являются специфические черты, которые и позволяют назвать ужасы по-настоящему «страшным» кино. К таковым относятся особые звуковые и световые приёмы, а также устойчивая на протяжении многих столетий популярность тем сверхъестественного страха среди людей всех стран и возрастов.

Ключевые слова: вампиры, оборотни, призраки, ужасы, хоррор

С момента своего появления кинематограф неизменно пользовался большой популярностью среди массового зрителя. С течением времени значение кино в жизни людей непрерывно увеличивалось. Особое место среди картин с первых лет существования кинематографа занимали фильмы ужасов, пользующиеся огромным интересом у зрителей. В наши дни жанр «хоррор» не только не потерял, но и колоссально увеличил свою актуальность.

Показательно, что именно фильм ужасов стал второй по времени создания картиной после изобретения кино. Родиной кинематографа в целом и жанра хоррор в частности является западная цивилизация. Колыбелью «киноужастиков» стали США, где были созданы самые яркие фильмы. Именно эта страна захватила пальму первенства и на протяжении более чем столетия задаёт тренды мировой хоррор-индустрии [1, с. 101].

В Америке создана целая культура, посвящённая фильмам ужасов. Среди поклонников этого направления есть представители различных социокультурных групп, но самыми многочисленными являются подростки и молодёжь. Причина столь высокой релевантности заключается в применении разнообразных приёмов и спецэффектов (звуковых, световых, жанровых и т. д.), способных на долгое время приковывать к себе внимание аудитории. В России ужасы тоже пользует-

ются традиционной популярностью, которая постепенно лишь только увеличивается. Ряды почитателей пополняются членами разнообразных субкультур и комьюнити. Российское кино планомерно перенимает у западных новые способы воздействия на массового зрителя [3, с. 54].

В человеческом обществе с незапамятных времён была популярна тема страха, которая способна проникнуть в самые потаенные места людского сознания и бессознательного, вызвать к жизни дремлющие в каждом человеке экстремальные чувства и эмоции. Тот факт, что все современные фильмы ужасов в той или иной степени используют тему страха, во многом обусловил их популярность у самых разных слоёв общества [2, с. 73].

Как правило, тема страха в фильмах ужасов культивируется в нескольких образах: сакральном (страх смерти, нападения, избиения, причинения увечий, убийства и т. д.), мистическом (сверхъестественные силы, существа, монстры, демоны, дьявол и т. д.), символическом (характерные звуки, музыка, свет и т. д.). Все три составляющие нашли широкое применение в мировой хоррор-индустрии, а их совместное использование в одной картине является неотъемлемой частью успеха фильма. Это так называемая классика жанра, которая неизменно пользуется повышенным вниманием зрителей [2, с. 92].

Однако зачастую применяется только один из компонентов, обычно это страх смерти. Подобное обстоятельство связано с традиционным интересом к подобной тематике практически во всех культурах. Страх смерти наиболее востребован как у продюсеров, сценаристов, режиссёров фильмов, так и у самих поклонников. Это наиболее «криминальный» компонент, участие в котором принимают убийцы, маньяки, насильники, хулиганы, психически неуравновешенные люди и другие деклассированные элементы общества [3, с. 130].

Вторым по популярности приёмом является эксплуатация потусторонних сил, к образам которых постоянно прибегают режиссёры фильмов. В данном случае арсенал персоналий ограничен лишь фантазией сценариста. За всю историю жанра использовались самые разнообразные герои. К ним нужно отнести: дьявола, демонов, оборотней, вампиров, призраков, привидений, монстров, чертей, гоблинов, инопланетян, злых духов и др. Чаще других в фильмах ужасов можно встретить разнообразных мистических существ (вампиров, монстров, оборотней и т. д.), не встречающихся в реальной жизни. Причина здесь опять-таки кроется в человеческой природе, которой свойственна тяга ко всему сверхъестественному. Ещё с древности образы духов использовались людьми в отправлении религиозных культов [3, с. 37].

Отдельно стоит упомянуть об использовании символических приёмов (света, музыки, звуков и т. д.). Этот компонент является неотъемлемой частью любого фильма ужасов. Одно лишь только его наличие не позволяет отнести картину к такому жанру, но если присутствует хотя бы один из вышеупомянутых приёмов,

то характерные символы обязательно будут тоже. Идеальным вариантом признаётся сочетание всех трёх компонентов в рамках одной картины. Тогда можно сказать, что фильм будет пользоваться большим спросом у массового зрителя [3, с. 77].

Отдельно необходимо выделить временной компонент: использование какого-либо приёма или нескольких приёмов в определённое время фильма (в начале, в середине, в конце) или вообще на протяжении всей картины. Последний вариант представляется наиболее выигрышным, так как позволяет держать зрителя в напряжении всё время [2, с. 59].

Популярность фильмов ужасов в последние десятилетия заметно выросла. Среди главных причин такого успеха следует отметить техническое и сценарное совершенствование главных особенностей жанра: характерных спецэффектов, использования чувства страха и привлечение сверхъестественных сил, которые всегда вызывали неподдельный интерес у широкой публики, особенно у молодежи.

Список источников

1. Комм Д. Е. Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов. СПб.: ВНУ, 2012.
2. Маркулан Я. К. Киномелодрама. Фильм ужасов. Кино и буржуазная массовая культура. Л., 1978.
3. Познин В. Ф. Жанр хоррор в современном российском кино // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Искусствоведение. 2010. № 2. С. 248–265.

УДК 316.774

https://doi.org/10.34130/9785876617408_66

Человекоразмерность медийной среды как предмет медиаэкологии

*Е. В. Гольцова, канд. филос. наук, доцент
Иркутский государственный университет
г. Иркутск*

Аннотация. Медиаэкология представляет собой междисциплинарную научную область знаний, охватывающую проблемы взаимодействия человека с информационной средой. В рамках медиаэкологии актуально исследование человекоразмерности медийной среды.

Ключевые слова: медиаэкология, медиатекст, медийная среда, медиакультура, человекоразмерность

Понятие медиаэкологии первым сформулировал Маршалл Маклюэн, представлявший медиасреду как самостоятельное образование и как посредника

между внутренним миром человека и его социальной средой, в которой взаимодействуют индивиды, социальные группы и институты [4].

К подходу Маклюэна ближе всего понятие медиакультуры, которая объединяет понятия информационной культуры, видеокультуры, аудиовизуальной культуры [7, с. 28] и выступает как система факторов развития личности человека, способной к восприятию, анализу и оценке медиатекста, медиатворчеству и усвоению новых знаний.

Медиаэкология охватывает всю сферу взаимодействия человека с медиасредой, от артеприродной техногенной части до культурологической, имеющей духовно-нравственное наполнение. В современной социологии существует несколько подходов, определяющих медийную среду:

1) как совокупность технических и программных средств производства, хранения и передачи информации (структурный подход);

2) совокупность медийных текстов, наполняющих «дискурсивное» пространство (текстоцентричный подход);

3) рынок или информационное пространство города, региона или страны (территориальный подход);

4) виртуальную реальность, поддерживаемую с помощью материальных технологий (технологический подход);

5) глобальную среду обитания, пронизывающую все сферы человеческой деятельности (экологический подход) [5].

В то же время, медийная среда – это информационное «поле», в которое погружены люди, находящиеся в контакте с медиа.

Медийная среда, обеспечивающая потребности человека в информации, не всегда носит позитивный характер и нередко может нанести человеку существенный вред. Этим обосновывается актуальность исследования факторов медиасреды как предмета медиаэкологии.

За последнее десятилетие медиасреда сильно изменилась. Главными факторами её влияния на человека является существенное расширение доступа к информации, повышение плотности информационных потоков, а также рост агрессивности медиасреды [2]. Основными тенденциями развития медийной среды в современном мире являются её усложнение и появление внутри медиаэкологии новых направлений. Нередко в медийную среду вносятся такие компоненты, которые входят в противоречие с природной и культурной составляющей и с самим человеком, вызывая деградацию и культуры и человека. Избежать деградации или снизить её опасность возможно, благодаря такой важной характеристике жизнедеятельности индивида, как человекоразмерность. По мнению В. А. Баранова, человекоразмерность является для индивида показателем того, что заложено в нем природой и того, чего он добился, благодаря работе над собой [1, с.

118]. Человекоразмерность социальной среды определяет характеристики её составляющих (городской, жилищной, культурной, правовой и др.) и учитывает все факторы, благоприятные по отношению к человеку, соразмерные с ним [3]. Синонимом термина «человекоразмерность» является взаимная соразмерность, при которой человек соразмерен среде, а среда – человеку. Аналогично человекоразмерность медийной среды должна быть соразмерна человеку медийному. В структуре медийной среды, с точки зрения их человекоразмерности, можно выделить ряд компонентов. Это технические и программные средства производства, хранения, обработки и передачи медиатекстов, предназначенных для выполнения задач информационного обеспечения, а также сами медиатексты.

Человекоразмерная медийная среда содействует повышению медиаграмотности и медийной культуры индивида, формирует умение адаптироваться к медиа, защищает от воздействия на психику и мировоззрение [4]. Не человекоразмерная медиасреда навязывает человеку искусственные основы бытия, такие как конкуренция, стремление к «успешности» и жажда наживы. Поставленные выше всего, эти компоненты обостряют проблему пределов деятельности человека в аспекте его вмешательства в природу, общество и самого себя. Человек перестаёт понимать, что нельзя причинять вред ни другим людям, ни себе, что основой всей жизни должна выступать разумность и духовность как важнейшие человеческие ценности. Человекоразмерность показывает, что индивид не может быть средством достижения чьих-либо целей и в то же время должен быть целью общественного развития [1, с. 120].

Как «работает» человекоразмерность? Рассмотрим на примере любого медийного продукта, например музыки. Одна музыка вызывает положительный эмоциональный отклик. Другая способна вызвать соответствующие негативные, даже разрушительные эмоции. Аналогично действует агрессивная реклама и даже новости, когда они подаются с повышенным тембром и громкостью, а также другие медиапродукты, навязывающие антигуманные ценности и стереотипы.

Основным компонентом и структурной единицей медиасреды является медиатекст. Это сообщение любого жанра: газетная статья, телевизионная передача, видеоролик, репортаж и пр. Между медиасредой и человеком существует постоянное взаимодействие. Медиасреда функционально воздействует на человека через медиатексты, влияет на развитие сознания и ценностей, формирование характера и поведения человека, его взглядов и реакций. Это воздействие производит на человека определённый медийный эффект психологического, этического, эстетического и терапевтического характера. Человек, в свою очередь, воздействует на медиасреду как субъект создания медиатекстов, посредством которых оказывает воздействие на других людей. Положительное влияние обычно оказы-

вают информационная, познавательная, социальная, психологическая и регулятивная функции медиатекста. Примером отрицательного воздействия является манипулятивная функция, навязчивая реклама, а также развлекательный контент сомнительного качества. Медийная манипуляция представляет систему способов влияния на людей с целью навязывания им каких-либо идей или введения в заблуждение.

Современное состояние медиасреды, продолжительное пребывание в информационной среде, а также участие в компьютерных играх приводят к перегрузке индивида информационными потоками повышенной плотности. Информационная перегрузка может быть связана и с интернет-зависимостью, особенно опасной для детей. Отдельной проблемой в последние годы является медийная дезинформация как медиапродукт, содержащий заведомо ложную информацию. Также возможности массмедиа могут использоваться для создания и тиражирования чувств страха и тревоги. Такое влияние медиа, позволяющее целенаправленно манипулировать общественным сознанием, называется медиатерроризмом. [9]. Все перечисленные негативные факторы можно обобщённо назвать факторами медийной токсичности. Формированию «иммунитета» к медийной токсичности может способствовать повышение медийной компетентности граждан, в основе которой лежат категории нравственности и морали, возведённые в свод законов.

Медийная компетентность складывается из совокупности мотивов, знаний и умений, способствующих «выбору, использованию, критическому анализу и оценке, созданию и передаче медиатекстов, анализу процессов функционирования медиа в социуме» [8]. Для формирования медиакомпетентности необходимо определить совокупность качественных показателей человекоразмерности медийной среды, оценка которой может проводиться в рамках медийного мониторинга, включающего отслеживание и сбор социологических данных о состоянии медийной среды на разных уровнях, путём регулярных наблюдений и опросов. В рамках медийного мониторинга можно анализировать медиатексты, отслеживать интенсивность просмотров, выявлять контент с демонстрацией насилия и социальных патологий, специфику коммуникации и виртуального взаимодействия через компьютер.

Главной задачей медиаэкологии должна стать медийная безопасность - способность государства, общества, социальной группы и личности обеспечить защиту медийных ресурсов и потоков, а также способность противостоять негативному воздействию на индивидуальное и общественное сознание и психику людей [10]. Обеспечение личной медийной безопасности человека связано с развитием умения ориентироваться в медийном пространстве, осуществлять нави-

гацию, распознавать манипулятивные технологии и негативный контент. Поэтому в рамках предмета медиаэкологии необходима выработка двух моделей: модели человекоразмерности медийной среды и модели адаптации индивида к медийной среде с помощью программ медиаобразования.

Список источников

1. Баранов В. А. Человекоразмерность как регулятивная основа бытия // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3 (8). С. 116–121.
2. Бондаренко Е. А. Медиаэкология личности, или О необходимости изучения искусства в школе // Медиа. Информация. Коммуникация. 2016. № 16. С. 52–58.
3. Гольцова Е. В. К вопросу о человекоразмерности социальной среды // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность. 2018. С. 239–244.
4. Гольцова Е. В. Современные проблемы человекоразмерности в медиаэкологии // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. 2020. С. 197–202.
5. Ним Е. Г. Медиапространство: основные направления исследований // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 31–41.
6. Смирнов С. А. Человекоразмерность города // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2. С. 13–32.
7. Федоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. М., 2014. 62 с.
8. Федоров А. В., Левицкая А. А., Челышева И. В. и др. Научно-образовательный центр «Медиаобразование и медиакомпетентность». М.: Информация для всех, 2012. 614 с.
9. Цыганов В. В. Медиа терроризм: терроризм и средства массовой информации. Киев: Ника-Центр, 2004. 124 с.
10. Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации. М.: Социальные отношения. Перспектива, 2004. 248 с.

УДК 31

https://doi.org/10.34130/9785876617408_70

Влияние сетей фастфуда на развитие городов на примере Архангельска

*В. А. Кузнецов, студент 2-го курса магистратуры
Научный руководитель: О. Н. Руссова, канд. филос. наук
Северный (Арктический) Федеральный университет
им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск*

Аннотация. В статье рассматривается изменение ритма жизни в современное время, рассмотрены отрицательные и положительные стороны изменения ритма жизни. Сделан вывод, что изменение ритма жизни – скорее положительное явление.

Ключевые слова: ритм жизни, макдональдизация, третье место, фастфуд заведения

Потребительский рынок Архангельской области имеет следующую динамику развития: идет отток посетителей из дорогих ресторанов в средний сегмент и фастфуд, происходит рост оборота общественного питания, используется творческий подход к организации общественного питания (внимание уделяется атмосфере, манере обслуживания, одежде официантов, дизайну меню и т. д.), происходит открытие гибридных ресторанов, а также кафе новых форматов, внедряется инновационный подход к бизнесу. Но чтобы правильно использовать и тем более модернизировать инновационный подход, нужно сначала изучить общество: его поведение в фастфуд заведениях, его привычки, образ жизни и т. д. Мы изучим, как заведения фастфуда трансформируют городскую среду, так как сегодня люди приходят в данные заведения не только поесть, но и провести досуг, поработать, в целом заняться каким-либо делом помимо еды.

Главный исследовательский вопрос состоит в том, что важно понимать, как фастфуд заведения влияют на общество в глобальном плане. Д. Ритцер говорит о макдональдизации общества, он рассматривает это понятие с социологической точки зрения. Он говорит о том, что был ускорен ритм жизни, усилилась предсказуемость, в основе часто стоит количество, а не качество, всё сводится к автоматизации [3, с. 49–50]. Поэтому стоит углубиться в положительное и отрицательное влияние таких предприятий на общество.

Соответственно, социальная проблема заключается во влиянии фастфуда на развитие городской среды. Можно говорить о том, что фастфуд в настоящее время является «третьим местом», так как выполняет важные социальные, экономические и политические функции, связано это с тем, что люди занимаются важными для общества делами, находясь в вышеописанных заведениях. «Третье место» - часть городского пространства, которая не связана с домом («первое место») или с работой («второе место»). Примером такого места может стать кафе, клуб, парк, библиотека и т. д. Можно развивать фастфуд заведения не только со стороны качества еды, но и со стороны удобства для проведения досуга путём создания для этого определённых условий.

Макдональдизация подразумевает под собой изменение темпа жизни, и данный факт часто воспринимается в негативном ключе. Действительно, жизнь складывается из череды событий, они могут сменяться быстрее или медленнее, при этом всегда есть возможность повлиять обстановкой на этот процесс. Фастфуд заведения как раз относятся к факторам, из-за которых меняется темп жизни, ритм жизни.

На наш взгляд, ускорение темпа жизни – скорее положительный фактор, чем отрицательный, так как с течением времени становится все больше приспособлений и механизмов существования, с помощью которых человек с радостью

упрощает себе жизнь, делает возможным выполнение все больших и больших задач за тот же промежуток времени.

В. И. Дунай говорит о том, что в настоящее время не менее 50 % населения страдает от нарушений сна, причем распространенность этих нарушений постоянно увеличивается. Это во многом связано с условиями работы, образом жизни людей в современном обществе. Плохое качество сна и последующая дневная сонливость способствуют возникновению сердечно-сосудистых заболеваний, дорожно-транспортных происшествий, низкой успеваемости и психологическим стрессам [1]. На наш взгляд, это связано с образом жизни, но не с его темпом. Например, студенты, которых выделяет автор, часто могут сидеть за компьютером после учёбы, работы вместо того, чтобы нормально поспать и не сбивать режим. Это не связано с ускорением темпа жизни, хоть свободного времени действительно остаётся мало. Если говорить о зависимости и образе жизни – это скорее психологическая проблема, с которой могут помочь справиться специалисты, к которым, к сожалению, доверия не так много на данный момент, хотя такой подход помог бы решить данную проблему.

К. И. Лемеш пишет, что в спешке, захваченный необходимостью выполнения большого количества дел человек не уделяет достаточного времени на полноценные приемы пищи. В результате этого возникает потребность в быстром перекусе. Как правило, это жирная пища, полная холестерина, за небольшую стоимость. Единичные и редкие приемы пищи такого типа не принесут большого вреда, но злоупотребление и отсутствие контроля могут привести к серьезным последствиям [3]. Мы согласны, что подобные перекусы в связи с отсутствием времени – проблема, но противоречие в том, что здоровая готовая пища зачастую может быть дешевле фастфуда, так как различные бургеры и пиццы перестали быть какой-то дешёвой пищей. Можно без проблем питаться без вреда здоровью, даже если у тебя отсутствует время на самостоятельное приготовление пищи.

А. С. Ромашенко и О. В. Савельева резюмируют, что вышеперечисленные негативные последствия быстрого темпа жизни для здоровья человека являются лишь начальными стадиями при отсутствии внимательного контроля за собственными действиями и здоровьем. Все это может привести к куда более печальным результатам без своевременного информирования и осознания необходимости тех или иных профилактических мер, в зависимости от области поражения [4]. На наш взгляд, без ускорения темпа жизни многие задачи выполнялись бы дольше и проблемы были бы идентичные, хоть и проявлялись бы в других вещах.

Таким образом, процесс ускорения темпа жизни оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на человека, но важно различать, что относится к последствиям изменения темпа жизни, а что нет. По нашему мнению, более

практичное и быстрое выполнение задач, а также многозадачность в целом перевешивают проблемы со здоровьем, питанием, сном, социальным контактом и т. п., так как все эти проблемы, если нельзя полностью решить, то можно снизить их пагубное воздействие.

Список источников

1. Дунай В. И., Аринчина Н. Г., Сидоренко В. Н. Особенности нарушения сна у студентов // Медицинский журнал. 2013. № 3(45). С. 139–143.
2. Лемеш К. И. Правильное питание как ключевой компонент здорового образа жизни студента // Система ценностей современного общества. 2016. № 48. С. 121–125.
3. Ритцер Д. Макдональдизация общества / пер. с англ. А. Лазарева. М.: Праксис, 2011. 592 с.
4. Ромашенко А. С., Савельева О. В. Негативные последствия быстрого темпа жизни для здоровья человека. cyberleninka : [сайт] / Научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/negativnye-posledstviya-bystrogo-tempa-zhizni-dlya-zdorovya-cheloveka> (дата обращения: 24.10.2021). – Загл. с экрана.

УДК 7.067

https://doi.org/10.34130/9785876617408_73

Кураторские проекты как особая форма коммуникации посетителя с произведениями искусства

П. В. Кныш, студент 4-го курса

Научный руководитель: Л. В. Пилецкая, канд. ист. наук

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск*

Аннотация. В статье представлен краткий обзор функций куратора в музейной сфере. Рассматриваются интервью и труды действующих кураторов и исследователей в области культурологии по вопросам построения коммуникации в музейном пространстве.

Ключевые слова: кураторский проект, музеи, коммуникация, арт-медиация

Исторические преобразования глобального характера в XX веке проявились в разных аспектах общественной жизни, в том числе и культуре. Знаточество, сохранение и реставрация искусства, принципиальные для новоевропейской модели музея, сменились в конце XIX века задачами актуальной интерпретации и презентации искусства массовому зрителю. Художественно-эстетическая система XX века с её нацеленностью на проектное мышление, эксперимент, постоянные формальные и концептуальные поиски оказала существенное влияние на художественные и организационные основы функционирования искусства. Влияние этих преобразований испытал и музей, что проявилось в формировании новых структур, таких как кураторство.

Для начала нужно разобраться с определением термина «куратор». Термин «куратор» имеет значительное количество определений. Во-первых, это связано со спецификой разных исторических парадигм Европы и России, в частности с развитием европейского и российского институтов кураторства. Во-вторых, большую роль в значении куратора играет разница языков и отсутствие русскоязычных эквивалентов для англоязычных слов. Наиболее ярко эта проблемная область представлена в работе стокгольмского куратора Марии Линд. По мнению исследовательницы, «curating» – это «техническая модальность» работы куратора, сосредоточенная во многом лишь на экспозиционной работе, в то время как «the curatorial» включает рефлексии самого куратора, его собственные смыслы [1, с. 20]. Так, в европейской практике определены две функции куратора: куратор-экспозиционер и куратор-менеджер. В русском языке термины «the curatorial» и «curating» переводятся почти одинаково – кураторская работа, кураторский проект, без существенных отличий, что не даёт понимание различий функций.

Потому можно дать два определения данному термину. Так, в узком смысле «куратор» – это человек, занимающийся организацией выставок и оформлением экспозиционного пространства. Упоминание специалистов с подобным функционалом есть ещё в истории Лувра XVIII века. В широком смысле «куратор» – человек, чья деятельность направлена на осмысление и представление неких идей в виде художественных проектов, существующих и качественно новых. Такое понимание идей стало складываться лишь в XX веке.

Так, в 1960-х годах формируется новый тип – «куратора-творца», вкладывающего новые смыслы при создании выставок и способствовавшего зарождению индустрии знаний. Брюс Альтшулер, директор программы музейных исследований Нью-Йоркского университета, считает, что куратора выставки в конечном итоге будут рассматривать именно как автора. Это позволяет поставить вопрос о том, какую позицию занимает куратор, порождая новые смыслы при создании выставок. По мнению художника Грейсона Перри, даже если кураторы и не создают искусство, они создают из искусства зрелище. Таким образом, в музее однозначно растёт роль кураторов, они становятся создателями зрелищ из искусства, регулируя идеи и заданные рамки искусства.

Разноплановая деятельность куратора стала переломным моментом существующей музейной деятельности. Музеям в XX веке стало важно иметь «комментатора музейного текста» [3, с. 164]. Их появление было необходимо для преодоления барьера, возникающего при интерпретации музейных ценностей. В этом веке модель представления искусства приобретает форму треугольника, где вершина – музейный сотрудник, а основание – посетители. Между ними – пространство формируемых идей.

Проанализировав работу кураторов, можно выделить пять основных функций: отбор, систематизация, упрощение, объяснение, контекстуализация. Рассмотрим каждую более подробно.

1. Отбор. В исследовании «Когда выбор демотивирует» Шина Айенгар и Марк Леппер из Стэнфорда поставили под сомнение экономическую идею о выборе. Исследователи пришли к выводу, что посетитель будет более увлечён меньшим количеством экспонатов в условиях ограниченности времени.

2. Систематизация. Онлайн-куратор Мария Попова пишет, что искусство курирования заключается в том, чтобы определять, насколько важную информацию отдельные единицы контента несут о культуре и мире. Так, в собрании Британского музея насчитывается около 8 миллионов предметов, из которых одновременно выставлены не более 80 тысяч. Куратору нужно понимать, по какому принципу он будет систематизировать выбранный экспозиционный ряд. Он выбирает ограниченное число экспонатов и обращается к их качественной значимости, а не количеству.

3. Упрощение. Куратор делает работу художника, зрителя и музея проще. Он позволяет художнику показать свою идею, а зрителю понять интенции автора. Куратор музея «Гараж» Александра Обухова в одном из своих интервью подтвердила данный пункт: «Если задача – сделать художественное высказывание прозрачным и доступным, то это может осуществить только куратор» [5].

4. Объяснение. Кураторы разрабатывают и проводят выставки, которые ведут к лучшему пониманию конкретных работ, художников, культур или социокультурных факторов. Расширение общественного понимания предмета и повышение качества обслуживания – основные цели любой выставки.

5. Контекстуализация. Художественные галереи и музеи позволяют посетителям активно строить свою собственную интерпретацию того, что они переживают, на основе своих собственных знаний и жизненного опыта. Исследование диалогового процесса посещения художественной галереи, музея имеет важное значение для улучшения доступности и инклюзивности, для развития более широкого понимания приобретаемых знаний.

Следующий этап – понять, как именно куратор, используя эти принципы, выстраивает диалог между музейным предметом и посетителем. Он выступает в роли мультимедийного редактора. Ведь куратор – фигура, принадлежащая не художественному, где царствует автор, и не культмассовому, откуда происходит зритель, миру, а миру арт-медиа. Этим местоположением куратор сближается с фигурой текстового редактора (под текстом подразумевается любое высказывание), который расположен между автором и читателем. Куратор Наталья Смолянская сравнивает куратора с оператором, который фокусирует взгляд зрителя на каком-то конкретном предмете. «В истории кураторства вопрос «что вы видите?» можно представить, по крайней мере, в двух формах: что вы видите на

выставке? Или: что вы видите внутри выбранного куратором кадра?» [6]. Такой «диалогический процесс» нарушает традиционное представление доминирующего повествования художника.

Образовательная, просветительская функция куратора выводит его на уровень редактора дискурса выставочного творческого процесса. Это человек, который создает высказывание на основе своего видения, своего представления об актуальных процессах, проходящих в современном искусстве, если речь идет об актуальной выставке, или свой ретроспективный взгляд на историю.

Таким образом, можно утверждать, что основной инструмент куратора в музее – коммуникация с художником, посетителем, институцией. Всё это делается через грамотное умение задать вопрос не только вербально в процессе включённого присутствия, но и в момент непосредственного отсутствия куратора. Построение пространства выставки таким образом, чтобы зрители сами начали задавать вопросы, но что ещё важнее – сразу же попытались дать свой собственный ответ. Основная цель – понимание публикой интенции художника, куратора и своих собственных эмоций, чувств и переживаний. Это актуально при экономике впечатлений, затрагивающей музеи как медиа-коммуникационные инструменты взаимодействия с обществом. За этой целью стоит огромное количество задач по систематизации и отбору материала, что ставит куратора всегда в положение необходимости использования критического, структурного и аналитического мышления.

Используемые кураторами приемы – элементы театрализации, окраска стен, свободное расположение экспонатов, создание «посторонних» экспозиционных объектов, обнажение самого экспозиционного языка обеспечивают зрелищную выразительность выставки и позволяют выйти далеко за рамки простой необходимости, предвещая будущий «культурологический дизайн» и инсталляционную практику.

Создавая концепцию экспозиции, автор формирует для зрителя сценарий, по которому тот должен двигаться по музею, воспринимать произведения, расставляя визуальные и эмоциональные акценты. Дополнительные элементы, такие как звуковое сопровождение, освещение, интерактивные элементы экспозиции помогают зрителю лучше воспринимать современное искусство и оказаться не просто в музее, а попасть в определенную среду, где игра ведется по своим правилам и результатом этой игры является продуктивная музейная коммуникация, выстроенная в рамках кураторского проекта.

Список источников

1. Maria Lind. «Performing the Curatorial: An Introduction» Performing the Curatorial. NewYork: SternbergPress (2012): 20 p.
2. Бирюкова М. В. Эволюция кураторских проектов второй половины XX века в контексте теории и философии культуры. СПб.: СПбГУ, 2017. 304 с.

3. Никонова А. А. Модернизация каналов осмысления музейного предмета // Философия музея: учебное пособие / под ред. М. Б. Пиотровского. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 164–169.
4. Обрист Х. У. Краткая история кураторства. М.: АРТГИД, 2012. 254 с.
5. Саша Обухова: «Главным все равно всегда будет художник». Интервью portalу ART УЗЕЛ. URL: <http://artuzel.com/ru/content/саша-обухова-главным-все-равно-всегда-будет-художник> (дата обращения: 09.11.2021.)
6. Смолянская Н. Эстетика после искусства: куратор как оператор // Художественный журнал. 2017. № 101. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/55/article/1118> (дата обращения: 09.11.2021.).

УДК 316.77

https://doi.org/10.34130/9785876617408_77

Университет как коммуникативное пространство и его влияние на социализацию студентов

*А. А. Мамедов, студент 2-го курса магистратуры
Научный руководитель: В. А. Ковалев, д-р полит. наук
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье рассматривается система высшего образования в качестве коммуникативного пространства, анализируется его роль в социализации студентов.

Ключевые слова: высшее образование, коммуникативное пространство, социализация

Система высшего образования является очень важной частью современной жизни, выполняющей множество социально-экономических функций. Для анализа высшего образования традиционным считается институциональный подход, который позволяет рассматривать высшее образование как оказывающее значительное влияние на другие социальные структуры и отношения, одновременно являясь объектом их влияния. Как социальный институт оно обладает определённой функциональностью, которая обусловливается его ролью в развитии общества и отдельных личностей. Так директор Центра социологических исследований Минобрнауки РФ Ф. Э. Шереги определяет высшее образование как структуру, выполняющую две основные функции – интегративную (формирование социальной общности через приобщение к конвенциональным идеалам культуры нравственности) и дифференцирующую (пирамидальное замещение поколений) [8, с. 2–3]. Е. Н. Гоголева отмечает, что такой подход, сочетающий институционализм со структурным функционализмом и подчёркивающий роль уни-

верситетов как средства для обеспечения социальной динамики общества, регуляции и воспроизводства системы социальных отношений, является характерным для отечественных исследователей высшей школы [2, с. 37].

Современные информационно-коммуникационные процессы принимают различные формы и во многих случаях создают т.н. «информационное пространство», которое может представлять собой как мыслительную, так смешанную материальную и идейную среду по передаче идей. По мнению некоторых исследователей, «информационность» «отсылает нас к одностороннему процессу», т.е. подразумевает отсутствие обратной связи, которая, в свою очередь, возможна в коммуникативном пространстве [1, с. 90]. В коммуникативном пространстве активность проявляют все акторы коммуникации, в нём нет строгого деления на получающих и передающих информацию.

В таком же ключе следует рассматривать педагогическую деятельность и в том числе среду, формируемую высшим учебным заведением, так как основным содержанием образования является общение между преподавателем и студентом. Кроме того, университетская среда обладает ключевыми признаками коммуникативного пространства: способностью к самоорганизации, гетерогенностью, многомерностью (наличие разноразмерных элементов в структуре), многослойностью (наличие нескольких подпространств) и сетевой формой организации [4, с. 3].

Высшее учебное заведение формирует комплексное коммуникативное пространство, в котором присутствуют как формальный, так и неформальный уровни коммуникации: это и лекции, и студенческие сообщества по интересам, и административное управление и т. д. Присутствуют как вертикальные каналы коммуникации, например приказы и распоряжения ректора, так и горизонтальные, которые выражаются в форме обмена информацией внутри или между отделами, общением в студенческой среде. Другие характеристики процессов коммуникации включают, но не ограничиваются формой коммуникации: устной или письменной формой; непосредственной или виртуальной коммуникацией.

О социализации внутри университета пишет д. пед. наук Р. А. Литвак. В своём исследовании она отмечает, что закреплённые современными образовательными стандартами компетенции «ориентируют на осмысление новой парадигмы, в которой процесс социализации личности студентов занимает одну из ведущих позиций в образовании». Кроме того, она выделяет 4 основных вида деятельности, которые позволяют студенту «осознавать себя субъектом социализации в рамках субъект-объект-субъектного взаимодействия в социуме»: познание, досуг, социосфера и творчество [6, с. 43].

О важности академической этики и роли вуза в воспитании и социализации пишет И. Е. Лапшин. Учёный отмечает неизбежность связи институтов социализации и ценностных ориентаций, устанавливаемых ими. Особенно выделяет со

ссылкой на Л. В. Мосиенко важность молодёжной университетской субкультуры и образ педагога как оказывающие сильное воздействие на студентов [5, с. 90–91]. Также исследователем был точно подмечен тот факт, что, несмотря на разнообразие институтов социализации, именно вузу доверяется задача воспитания молодого поколения.

Действительно, такое комплексное коммуникативное пространство как университет воздействует одновременно по формальным и неформальным каналам коммуникации одновременно, оказывая существенное влияние на молодых людей. Одновременно им приходится решать задачи по интеграции в академическую и социальную среду, что приводит к проявлению и развитию их индивидуальных качеств, таких как выносливость и стойкость в новых условиях, что отмечается в классических работах, например, В. Тинто, и в современных исследованиях [3, с. 169].

Особенную сложность представляет интеграция для иностранных студентов, которые вынуждены адаптироваться не только к условиям вуза, но и к культурным реалиям и бытовым условиям проживания в принимающей стране. В связи с положительной динамикой роста числа иностранных студентов в России и действием программы «Экспорт образования» этот вопрос становится крайне актуальным.

По результатам анализа некоторых исследований учёных из вузов-лидеров по числу иностранных студентов были выявлены основные проблемы адаптации иностранных студентов: чувство тоски по дому, различия в педагогических стилях, адаптация к новым условиям быта, акклиматизация и некоторые другие, но наиболее значимым называется языковой барьер [7, с. 117].

Таким образом, университет ясно выделяется как коммуникативное пространство и социальный институт, которому социум доверяет воспитание будущего поколения. Социализация в университете проходит в разных формах, выделяется множество её характеристик. Одним из важнейших механизмов является адаптация к новым академическим и социальным реалиям, которая отличается особой сложностью у иностранных студентов. С высокой актуальностью процесса интернационализации образования приходит необходимость в дальнейшем изучении данного вопроса не только в центральных, но и в региональных вузах.

Список источников

1. Балезина Е. А. Понятие коммуникативного пространства в организации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 4 (20).
2. Гоголева Е. Н. Социально-экономическая функциональность/дисфункциональность института высшего образования: социологический анализ // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (71).

3. Давыдова И. В., Казакова М. А., Шеляхина Н. В. Интеграция как социологический механизм адаптации студентов в образовательном пространстве // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 3 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-kak-sotsiologicheskii-mehanizm-adaptatsii-studentov-v-obrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 12.11.2021).
4. Кривокора Е. И. Проблемы моделирования коммуникативного пространства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2013. № 1 (115). С. 2–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-modelirovaniya-kommunikativnogo-prostranstva> (дата обращения: 11.11.2021).
5. Лапшин И. Е. Высшее образование как фактор социализации современной молодежи: этический аспект // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-kak-faktor-sotsializatsii-sovremennoy-molodezhi-eticheskii-aspekt> (дата обращения: 12.11.2021). С. 90–91.
6. Литвак Р. А. Современная парадигма социализации студентов вуза // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-paradigma-sotsializatsii-studentov-vuza> (дата обращения: 12.11.2021). С. 43.
7. Мамедов А. А. оgly Education Export And Problems Of Adaptation Of Foreign Students // LinguaNet: сборник материалов II Всероссийской молодёжной научно-практической конференции с международным участием «LinguaNet» (г. Севастополь, 22–23 октября 2020 г.). Севастополь: СевГУ, 2020.
8. Шереги Ф. Э. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся. 2015. № 13.

УДК 316.4

https://doi.org/10.34130/9785876617408_80

Коммуникативные технологии и практики в реализации концепции цифровизации образовательной сферы

***В. С. Рабкин**, студент 2-го курса магистратуры
Научный руководитель: С. В. Рабкин, канд. экон. наук
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. Преобразование коммуникативных технологий оказывает влияние на цифровизацию образования, при этом требует переподготовки преподавателей для эффективной адаптации курсов к дистанционному обучению.

Ключевые слова: ЭИОС, коммуникация, образование, цифровизация, обучение.

В современном мире идет процесс серьезного преобразования коммуникативных технологий. Это напрямую связано со всеобщей цифровизацией, что несомненно оказывает значительное влияние на различные сферы жизнедеятельности общества.

Всеобщая глобализация позволяет мировому сообществу переходить к цифровой трансформации, ведь процессы производства, распределения и потребления информации принимают совершенно новую форму [1].

Важно отметить пандемию COVID-19, повлиявшую на изменение подхода к коммуникации. Впоследствии вынужденно ускорившийся процесс цифровизации всех сфер жизнедеятельности постепенно стал более осмысленным и получил определенную структуру своего развития.

Одной из главных проблем современного этапа развития становится не только применение новых информационных технологий как технической данности, но и возможность баланса между ставшими традиционными и новыми коммуникационными ресурсами в различных областях жизнедеятельности человека [2].

Необходимо констатировать факт, что усиление процесса цифровизации оказало серьезное влияние на коммуникацию в образовательной и научной сферах деятельности. Саму цифровизацию образования можно рассматривать как обязательный процесс трансформации содержания, методов и организационных форм учебной работы, происходящий в стремительно развивающейся цифровой образовательной среде [3].

Активное использование системы «Электронной информационно-образовательной среды» (ЭИОС) не только способствует продолжению обучения при сложных эпидемиологических ситуациях, но также дает новые возможности для улучшения программ обучения.

Использование ЭИОС значительно упрощает и оптимизирует процесс коммуникации между сторонами при проведении в этой системе поточных лекций, научных конференций, форумов и прочих мероприятий, где необходимо присутствие множества участников из разных районов, городов или даже стран. Это положительно сказывается на расширении возможностей студентов для занятий научной деятельностью. Примером системы ЭИОС является система управления обучением «Moodle», успешно используемая в российских вузах.

Применение дистанционных технологий в обучении не может исключать проведения личных занятий между преподавателем и обучающимися. Подобный синтез онлайн и оффлайн-обучения получил название «смешанная форма обучения» и на данный момент применяется в вузах не только Российской Федерации, но и всего мира. Такая форма обучения имеет большие дальнейшие перспективы за счет адаптированности к современным реалиям и расширения возможностей нескольких сторон коммуникативного процесса в образовательной и научной сферах.

Дистанционное обучение требует профессиональной переподготовки преподавательского состава, так как адаптация курсов для онлайн-занятий является трудоемким процессом и имеет множество особенностей. Сама коммуникация

между преподавателями и студентами по средствам цифровых технологий серьезно отличается от привычной формы взаимодействия, даже не смотря на возможность проведения занятий в реальном времени.

Исходя из этого, вузам можно первоначально проводить обязательное дополнительное обучение преподавателей по работе в данной системе. После подобного обучения по возможности проводить экзаменационные тесты, позволяющие определить степень подготовки преподавателей для проведения занятий в дистанционном режиме. Такой метод позволит осуществлять качественное обучение в онлайн-формате, повысит уровень подготовки преподавателей и даст возможность осуществлять контроль за качеством их деятельности при работе в системах электронной информационно-образовательной среды.

Инновации в цифровом обучении представляют собой не столько технологический процесс, сколько изменения в содержании и организации образовательного контента, появление совершенно иной формы коммуникации между преподавателями и обучающимися, а новейшие методики анализа данных открывают возможность понимания процесса преподавания в рамках новых подходов к образовательной деятельности [4].

Список источников

1. Степаненко С. Г. Цифровизация образования как этап мировой глобализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 103–106.
2. Рабкин В. С. Развитие коммуникационных процессов в современных условиях информационного общества // Поколение будущего: сб. избранных статей Международной студенческой научной конференции. СПб., 2020. С. 81–84.
3. Ксенофонтова А. Н., Леденева А. В. Цифровизация образования: проблемы, перспективы // Вестник ОГУ. 2020. № 5 (228). С. 86–90
4. Сафуанов Р. М., Лехмус М. Ю., Колганов Е. А. Цифровизация системы образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 2 (28). С. 108–113.

УДК 316.4

https://doi.org/10.34130/9785876617408_82

Сетевое поведение и сетевое взаимодействие молодежи в российских регионах

*М. Р. Ткаченко, канд. социол. наук
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В данной статье описаны результаты социологического исследования сетевого поведения и сетевого взаимодействия молодежи в регионах проживания финно-угорских народов РФ. Целью данного исследования было выяв-

ление особенностей потребления информации в сети «Интернет» и традиционных СМИ, а также субъективной оценки молодежью данных источников информации.

Ключевые слова: молодежь, сетевое поведение, сетевое взаимодействие.

Сегодня говоря о проблемах молодежи и молодежных сообществ, нельзя обойти вниманием интернет-пространство, поскольку это важнейший ресурс, который определяет позиции и настроения молодежи. В сентябре 2021 года в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии и Архангельской области был проведен массовый опрос студентов вузов. При формировании выборки соблюдался принцип, согласно которому опрашивались студенты как минимум двух вузов в каждом регионе, обучающиеся по социально-гуманитарным, естественным и техническим направлениям подготовки. В результате общая выборочная совокупность составила 1383 респондентов. Следует отметить, что в каждом из регионов уже три десятилетия идет процесс сокращения населения, в том числе за счет миграционного оттока молодежи.

Если обратиться к результатам опроса, то в первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что живое общение в системе коммуникативных предпочтений молодежи все еще доминирует, но оно начинает уступать лидерство виртуальному, поскольку более чем у половины респондентов оно является привлекательным только в сочетании с виртуальными контактами, хотя исключительно Интернет и мобильную связь как предпочтительную форму коммуникации избрала весьма небольшая группа опрошенных студентов. Для студентов сегодня Интернет является «естественной средой обитания», а точнее – важнейшим источником информационного и культурного потребления. Для них онлайн-услуги и заполнение различных документов и заказов с использованием сетевых ресурсов стало повседневной нормой.

Молодежь, как следует из результатов опроса, активно интересуется событиями, которые происходят в России, хотя мировые события интересуют современную молодежь в большей мере, чем те, которые имеют место в России. Видимо, это определяется тем, что «сетевая молодежь» ориентирована на широкие культурные пространства и сам Интернет по своей природе трансграничен и космополитичен. Однако важно подчеркнуть, что у современной молодежи в информационном пространстве очень широкий спектр интересов и нет ярко выраженных предпочтений. С одной стороны это может говорить о широте интересов и многообразии тем, которые актуальны для молодого поколения. С другой стороны, можно говорить о том, что у молодежи нет четко очерченных идейных и

культурных позиций, идеалов и ценностей, а потому и информационные предпочтения выглядят размытыми. И то, и другое, конечно, нужно проверять в процессе более глубоких исследований.

Молодежь очень критично относится к тому, как освещается молодежная проблематика в СМИ. Только 12,4 % опрошенных позитивно оценили работу СМИ, предлагающих материалы на названную тематику, 23,3 % вообще затруднились дать ответ на этот вопрос, что означает полное отсутствие в их информационном багаже материалов, которые они могли хоть как-то оценить. Более 60 % респондентов оценили эту сферу деятельности различных средств массовой информации негативно. Это позволяет сделать вывод о том, что и региональные, и федеральные СМИ и интернет-издания до сих пор не повернулись лицом к молодежи и не могут предложить молодым людям такой информации, которая отвечала бы их жизненным интересам.

Во всех изучаемых регионах созданы молодежные парламенты, сфера компетенций которых весьма размыта и слабо освещается СМИ. Не удивительно, что 48 % опрошенных студентов (а именно из них в значительной мере и формируются эти парламенты) ничего не знают о них и только 13 % заявили, что знакомы с их деятельностью. Таким образом, названная форма вовлечения молодежи в политическую деятельность является сугубо формальной и декоративной, поскольку не нацелена на свою основную аудиторию – молодежь. Очень небольшая доля молодежи во всех исследуемых регионах заходила на сайты региональных молодежных организаций и знакомилась с ними (12,9 % респондентов), что говорит и об их непривлекательности, и о слабой работе самих официальных молодежных организаций. Помимо всего это означает, что молодежь не интересуется местными молодежными организациями и местными делами потому, что не намерена связывать свою судьбу, свой карьерный рост с регионами нынешнего проживания.

В противовес формальным сайтам молодежных организаций и официальным молодежным организациям, внимание к которым со стороны молодежи невелико или даже совсем незначительно, неформальные интернет-сообщества и группы являются привлекательными для молодежи и 59,4 % респондентов заявили, что состоят в таких сообществах и группах. Это означает, что именно эти группы являются сегодня главными агентами влияния среди студенческой молодежи. Здесь стоит заметить, что треть тех респондентов, которые состоят в интернет-сообществах и группах, ведут в рамках этих групп активную деятельность, хотя более половины являются пассивными участниками и потребителями информа-

ционных ресурсов, создаваемых активными участниками. Для значительной части респондентов общение в сети есть форма социальной поддержки, о чем они заявили в той или иной форме, но около 10 % заявили, что именно в сети они получают необходимую им информацию.

Существенно важным для определения позиций и предпочтений современной студенческой молодежи является сравнение сетевых ресурсов и официальных средств массовой информации. На первом месте оказался такой довод, как «огромный выбор материалов», на втором – «возможность реального и активного диалога с создателями информационных ресурсов», на третьем – «отсутствие цензуры», на четвертом – «сетевое взаимодействие в играх, обсуждениях, создании информационной среды», на пятом – «доминирование личного выбора и личного интереса при работе в сети и взаимодействии с сетевыми игроками», на шестом – оперативность реагирования на выкладываемые в сети материалы. Столь востребованная, казалось бы, сегодня «возможность хайпануть» оказалась не очень привлекательной и занимает восьмую позицию по степени привлекательности тех или иных сторон сетевого взаимодействия.

Своеобразным индикатором восприятия сетевых ресурсов является их сравнение с официальными средствами массовой информации. По мнению опрошенных, материалы сети принципиально отличаются от официальных СМИ в первую очередь «свободой выбора информации» (24,9 %), «широтой мнений» (21,5 %), «возможностью получения альтернативного мнения по любым вопросам» (18,4 %), «качеством предоставляемых материалов» (6,9 %), «возможностью высказать свою точку зрения и разместить свою информацию» (6,7 %). При оценке региональных СМИ больше трети респондентов затруднились хоть как-то охарактеризовать их содержание, поскольку, видимо, они находятся вне сферы интересов молодежи. Позитивные оценки дали этому информационному сегменту чуть более четверти респондентов (27,1 %), негативно оценили региональные средства массовой информации 37 % опрошенных студентов, которых не устраивает ни актуальность и злободневность информации в СМИ, ни уровень профессионализма журналистов, ни их способность к открытому и активному диалогу с читателями. Вопрос, касающийся доверия респондентов к СМИ, весьма показателен: 21,5 % респондентов затруднились с ответом, поскольку, видимо, традиционные СМИ у них мало востребованы, 35,8 % молодых людей заявили, что не доверяют СМИ в принципе, 9,0 % заявили о своем доверии федеральным средствам массовой информации, 5,6 % – зарубежным, 1,3 % – региональным, 0,1 % – независимым, 15,9 % доверяют всем перечисленным в равной

степени. Это означает, что традиционные СМИ, независимо от их принадлежности или ориентации, не являются информационно привлекательными для молодежной аудитории. Но обосновать, по какой причине молодые люди доверяют тем или иным средствам массовой информации, большинство из них не смогли, скорее всего, потому что руководствуются массовыми пристрастиями, модой, соображениями престижа и молодежной солидарности.

УДК 377, 378

https://doi.org/10.34130/9785876617408_86

Трансформация педагогического взаимодействия при профессиональном обучении в условиях новой коммуникативной реальности

Л. Г. Уляшева, О. В. Свиренкова, студенты магистратуры 2-го курса
Научный руководитель: Т.Е. Дудар, канд. филос. наук, доцент
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар

Аннотация. Данное исследование посвящено обоснованию направления изменений взаимодействия педагога и обучающегося при передаче и получении профессиональных знаний в условиях широкого применения ИКТ.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, профессиональное образование, визуализация, педагогическое взаимодействие, средство общения

Переход человечества в третье тысячелетие благодаря стремительному развитию информационно-коммуникационных технологий обусловил значительную перемену облика современной действительности, делая мир для каждого индивидуума максимально открытым и доступным, но при этом всё больше и глубже погружая людей не в реальное, а в ирреальное пространство. Множество дискуссий происходит по поводу достоинств и недостатков сложившейся для социума описанной ситуации. Однако ни у кого нет сомнений в том, что данное выявленное обстоятельство, стирая многие пространственные и временные барьеры, существовавшие ранее, привело к значительным изменениям условий коммуникации во всех жизненных сферах, в том числе и в профессиональном образовании.

Л. Н. Соловьёва отмечает, что «социальная активность людей в самых различных сферах постепенно смещается в виртуальное пространство», при этом термин «коммуникация» приобретает «новый и ключевой смысловой оттенок» –

«взаимодействие», когда значимая информация передается при помощи быстродействующих технических устройств различным аудиториям людей, которые ее принимают [1, с. 35].

Специалисты и исследователи указывают, что деструктивным влиянием такой коммуникации является низкая познавательную активность сегодняшних студентов. Они не желают тратить время на чтение, разбор и заучивание материала. Получение новых знаний для них ассоциируется с одним «кликом мышки», поставляющим готовый информационный блок, не требующий размышления и анализа.

Тем не менее запросы практики и вызовы действительности таковы, что к подготовленным кадрам (специалистам-выпускникам) предъявляются всё большие и большие требования. Коллектив авторов во главе с Е. Ю. Тарасовой указывает, что «в наше время необходим молодой специалист с широкими общими и специальными знаниями, умеющий быстро реагировать на изменения в науке и технике, способный осваивать новые технологии, обладающий аналитическим мышлением, компетентный в социально-психологической сфере, владеющий интеллектуальной культурой» [2, с. 13].

Сложившееся противоречие актуализирует поиск новых вариантов педагогического взаимодействия для осуществления качественной подготовки будущих профессионалов.

Н. Р. Вакулич утверждает, что современная информационно-коммуникационная система формирует единое социокультурное пространство, кардинально меня условия взаимодействия, в том числе и для образования [4, с. 22].

Л. А. Колмакова и И. А. Корчагина считают: «На современном этапе развития профессионального образования в связи с переходом на компетентностный подход и высокими темпами информатизации во всех сферах деятельности общества, возникает потребность в применении более эффективных методов и средств обучения» [3, с. 403]. Наиболее подходящей, по их мнению, для развития познавательной деятельности является технология визуализации учебной информации, поскольку опытным путем доказано, что новый материал запоминается и усваивается лучше, если он преподнесен визуально.

Кроме того, в рамках компетентностного подхода требуется изменение и самого процесса обучения. Если от обучающейся личности требуется в дальнейшем стать самостоятельным субъектом, способным решать различные профессиональные и жизненные проблемы, а эффекта от обучения, основанного на передаче готовых знаний нет, то необходимо формировать у студентов умения ис-

кать, обрабатывать и применять в своих целях нужную информацию. Причем делать это надо таким способом, который человеку был бы понятен, удобен и интересен. Считаем, что только тогда он будет заинтересован в достижении положительных результатов.

Как было отмечено выше, современные студенты охотнее работают с современными техническими средствами по сравнению с бумажными носителями текстов и другой информации, поскольку виртуальное пространство становится разновидностью их реальности. Они чувствуют себя там более комфортно и внутренне замотивированы осуществлять своё обучение и именно в данной сфере, которую не признают устаревшей.

Поскольку стратегической ориентацией современного образования должна быть сама личность со всеми мотивами, потребностями и интересами, то развивать и совершенствовать познавательную деятельность обучающихся и способы взаимодействия с ними необходимо с помощью современных видов коммуникации, когда знания возможно «быстро найти» и моментально передать в ответ преподавателю для проверки электронным способом.

А. Иоселиани оценивает, что одна из самых важных потребностей человека – коммуникация – в глобальном мире удовлетворяется уже на таком уровне, объеме и скорости, которых не было во время существования цивилизации [5]. Таким образом, сфере профессионального образования для сохранения своих качественных тенденций необходимо успевать конструктивно вписываться в эти организованные внешние потоки современного социального пространства.

В заключение следует отметить, что трансформация педагогического взаимодействия при осуществлении профессионального обучения в новой интерактивной коммуникативной реальности должна обязательно учитывать выявленное настоятельное требование визуализации учебной информации современными техническими средствами, направленной на самостоятельный поиск нужных сведений и предполагающей возможность электронной «обратной связи».

Сформировать «профессионально готовую» личность, обученную не на разрозненных и хаотичных данных, не позволяющих создать целостный образ о выбранном направлении будущей деятельности, а на устойчивой системе взаимосвязанных сведений, поданных в интересном формате и потому активно освоенных, способна такая система образования, которая применяет виртуальную коммуникацию как средство общения, наиболее привычное современному молодому поколению.

Список источников

1. Соловьёва Л. Н. Современный человек как субъект новой коммуникативной реальности // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 34–37.
2. Тарасова Е. Ю., Скрябина О. В., Тарасов С. О. Реализация современных моделей профессионального образования // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2017. № 3. С. 13.
3. Колмакова Л. А, Корчагина И. А. Актуальные проблемы профессионального образования и пути их решения // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 7 (7). С. 392–414.
4. Вакулич Н. Р. Коммуникативные риски современного социокультурного пространства // Образование в современном мире: сборник статей. Саратов, 2011. С. 22–29.
5. Иоселиани А. Д. Антропология глобального мира: человек в современной коммуникативно-информационной сфере // Век глобализации. 2013. № 2 (12). С. 143–154.

УДК 316.77

https://doi.org/10.34130/9785876617408_89

Дискурсы в современном коммуникативном пространстве (на примере трагедии Айлана Курди)

*Д. А. Холопов, студент 2-го курса бакалавриата
Научный руководитель: Н. А. Волокитина, канд. культурологии, доцент
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье рассматривается система дискурса и его связь с культурным текстом. Приводится разбор дискурса на примере серии текстов культуры. В результате анализа сделан вывод о многослойной природе дискурса.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная ризома, текст, карикатура

Рассматривая вопрос влияния на человека интернет-пространства и СМИ, необходимо разобрать понятие «дискурсивной ризомы» как экстралингвистического фактора, для чего необходимо обратиться к проблеме культурного текста. В. Н. Топоров определяет два варианта понимания текста: текст пространственен и пространство есть текст [1, с. 227]. В данной работе уместно остановиться на понимании культурного текста как пространства, которое, дополняя М. Анжено [2], можно обозначить как «дискурсивный метауниверсум». То есть допустимо понимать пространство культурного текста как универсальную семантическую реальность, представленную, во-первых, некой совокупностью «дискурсивной метаматрицы». «Дискурсивная метаматрица» – формально закрепленное семиотическое поле тематических дискурсов в их временной эволюции (в исторической динамике) и в их пространственном сочленении (актуальное переплетение

дискурсов в конкретную историческую эпоху). Во-вторых, пространство культурного текста представлено текстами культуры, которые условно можно разделить на «тексты-артефакты», «тексты-факты», «тексты-события», «тексты-комментаторы».

Пространство культурного текста существует благодаря объединению текстов культуры в единое знаково-символическое пространство, а текст – это любой объект в нем. Человек как «текст-комментатор» имплицитно соединяет экстралингвистические коды с внешними лингвистическими средствами (в данном случае любые средства формализации текста) превращения «текста-факта» в «текст-артефакт». Иначе говоря, «текст-артефакт» – символически наполненный тематический дискурс «текста-факта» и «текста-события». Соответственно, «текст-факт» – реально произошедшее или вымышленное явление, ставшее источником «текста-артефакта», «текст-событие» – это процесс изменения, репликации «текста-артефакта». В-третьих, пространство культурного текста и «дискурсивный метауниверсум» интертекстуальны и полинарративны. Интертекстуальны своим сплетением тематических дискурсов и обращением к разным временным и локальным отрезкам того или иного дискурса. Полинарративны антагонизмом разных нарративов в рамках различных дискурсов с противоположной аргументацией. В-четвертых, «текст-комментатор» является производителем и референтом «дискурсивной ризомы», будучи постоянным скриптором «текстов-событий». Иначе говоря, «дискурсивную ризому» можно обозначить как процесс и конечный результат ретрансляции и реактуализации нарративов и дискурсов через наполнение их новым символическим содержанием посредством репликации «текста-артефакта», запечатлевшего «текст-факт».

Итак, необходимо определить систему «дискурсивной метаматрицы», вычленив ее уровни. Первый уровень – сама «метаматрица» как знаково-символическая система. О чем и как говорится и пишется. Вся совокупность означающего и означаемого. Второй – «метадискурс» как общеисторическая проблема, включающая в себя различные тематические дискурсы в их динамике. Под «метадискурсом», иначе говоря, следует понимать «дискурсивный универсум» как совокупность тематических дискурсов. Третий – локально-исторический дискурс, отражающий особенности «метадискурса» в конкретное время и определенном участке культурного пространства. Четвертый – квазидискурс, происходящий в конкретном «тексте-комментаторе» через выбранные им методы создания «текста-события». Пятый – микродискурс, конкретный «текст-факт», ставший отдельным дискурсом. Таким образом, дискурс можно определить как совокупность уникальных коммуникативных актов истории.

В современных условиях доминирующей позиции при донесении сообщений СМИ и интернет-пространства любой дискурс имеет свойство мгновенно становиться достоянием «комментатора» и получает возможность в кратчайшие сроки получить свое развитие через очередной «текст-событие».

Конкретным примером развития дискурса в современной культуре является трагическое событие, которое стало «текстом-фактом» для последующего дискурсивного осмысления данного «микродискурса» и связанного с ним дискурсов. Это событие – гибель Айлана Курди и последовавшая за ним череда «текстов-событий», в рамках которых произошла актуализация целого ряда дискурсов [3]. Айлан Курди – сирийский трехлетний беженец курдского происхождения, погибший с родственниками 2 сентября 2015 года при попытке пересечь Средиземное море. Данное событие можно рассматривать как часть дискурса европейского миграционного кризиса.

«Текст-факт», связанный со смертью Айлана Курди, нашел свое продолжение сразу в нескольких «текстах-артефактах», а именно в официальном отчете Генеральной Ассамблеи ООН, новостных сводках, ряде заявлений политических и общественных деятелей, серии карикатур (начало которой положила карикатура французского сатирического журнала «Charlie Hebdo») и иных текстах. Примером может служить карикатура Корин Рей (псевдоним «Коко», член «Charlie Hebdo»), где автор изобразила ксенофобного (с позиции данного дискурса) французского политика Жана-Мари Ле Пена, стоящего над телом Айлана Курди, одежда которого окрашена в цвета французского флага [4]. За ней последовала другая карикатура, где Иисус со словами: «Христиане ходят по воде», идет по водной поверхности рядом с тонущим ребенком, говорящим: «Мусульманские дети тонут». Предполагалось, что данные карикатуры будут способствовать актуализации дискурса ксенофобии и антимигрантских настроений французов и европейцев в целом. Однако карикатура «Коко» и следующие за ней карикатуры «Charlie Hebdo» вызвали общественное недовольство и ответную критику журнала за издевательства над погибшим ребенком.

В данном случае авторам «Charlie Hebdo» действительно удалось актуализировать сразу несколько дискурсов: религиозный дискурс с обращением к религиозному же метадискурсу посредством использования символической фигуры (Иисус как центральная фигура христианства и в актуальном «тексте-артефакте» олицетворение христианской Европы), постколониальный и политический дискурсы, этический дискурс (Иисус как олицетворение выхолощенного христианства современной Европы, которая стоит на позиции лицемерного милосердия), культурный дискурс (конфликт христианской и мусульманской культур). Так

один «текст-артефакт» становится новым «текстом-фактом» и распадается на несколько следующих за ним «текстов-событий», открывая новые дискурсы.

Примером того, как журнал «Charlie Hebdo» мог бы защититься от нападков, обратившись к иному соответствующему по нарративу и аргументации микродискурсу, является карикатура Халида Альбайха, сравнивающая Айлана Курди с Омраном Дакнишем [5]. Оба в данном изображении стали одинаково равнозначными символами страдания невинного гражданского населения. Работа Халида получила положительные отзывы общественности и информационных агентств, поскольку в ней иронично отмечается, что дети оказались в ловушке войны, которая не предоставляет им и права на выбор (подпись карикатуры гласит: «Выбор для сирийских детей: если ты останешься (погибший Омран Дакниш) / если ты сбежишь (погибший Айлан Курди)»). В актуальной карикатуре автор обращается не к обличительному контрнарративу (который, по иронии восприятия общественностью, использовался и против «Charlie Hebdo»), а к одному из самых болезненных дискурсов для человеческой культуры – дискурсу войны как одному из самых негативных явлений в истории человечества. В данном случае можно рассмотреть разницу семиотической аргументации различных дискурсов и насколько эта аргументация успешна в условиях того или иного «легитимного дискурса». Признать ужасы войны готово если не все общество, то как минимум подавляющая его часть, что способствует развитию данного дискурса в изначально установленном векторе. Признать сатирические обвинения в свою сторону позволит себе не каждый, а тем более, если это противоречит декларируемым ценностям, «легитимному дискурсу».

Можно сделать вывод о том, что дискурс не представляет собой застывшую структуру, поскольку СМИ и интернет-пространство открывают необъятные возможности для репликации и фиксации «текстов-артефактов», а дискурсивные практики с увеличением количества пользователей Интернета и временем, которое они ему посвящают, все более текстуализируются. Речевой дискурс заменяется мемами с совершенно иным контекстом, а ответной реакцией выступает репродукция через репост. Сегодня даже те микродискурсы, которые уже давно должны были бы изжить себя, продолжают реактуализироваться, находя себе новую контекстную форму. Субъект дискурсов или «текст-комментатор» кроме известных экстралингвистических факторов в своей репликации движим и «дискурсивной ризомой». Ярчайший пример этой ризомы – репликация шаблона мема с разными подписями.

Список источников

1. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; [отв. ред. Т. В. Цивьян]. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
2. Angenot M. 1889. Un état du discours social. Longueuil, Québec: Editions du Préambule, 1989.
3. Shocking images of drowned Syrian boy show tragic plight of refugees // The Guardian. URL: <http://guardian.ng/news/oman-raises-2-5-billion-in-bonds-to-meet-deficit/> (дата обращения: 04.11.2021).
4. Charlie Hebdo Mocks Europe's Response to Migrant Crisis With Cartoons of Dead Syrian Boy // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2015/09/16/world/europe/charlie-hebdo-mocks-europes-response-to-migrant-crisis-with-cartoons-of-dead-syrian-boy.html> (дата обращения: 04.11.2021).
5. Drown at sea or get bombed: Heartbreaking choice facing Syrian children // DailyO. URL: <https://www.dailyo.in/variety/syria-omran-dagneesh-khalid-albaih-khartoon-alan-kurdi-choice/story/1/12461.html> (дата обращения: 04.11.2021).

УДК 378

https://doi.org/10.34130/9785876617408_93

Теории социализации в учебно-методических комплексах по обществознанию

*М. Д. Шестацкая, студент 4-го курса бакалавриата
Научный руководитель: О. И. Зезегова, канд. ист. наук
Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
г. Сыктывкар*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению учебно-методического комплекса по обществознанию О. А. Котовой, Т. Е. Лисковой в качестве базы для социальной адаптации школьников. В работе конкретизируется выбор вида социализации к каждому учебнику с 6–й по 11–й класс и обосновывается примерами. Делается вывод о том, какое место занимает социализация и какими методическими приемами тема преподносится ученику средней общеобразовательной школы.

Ключевые слова: социализация, теории социализации, классификация, УМК по обществознанию

Теории социализации личности имеют свою классификацию: культурная или нравственная социализация, социализация на основе принадлежности к различным социальным группам, экономическая социализация, правовая социализация, политическая социализация. Они включают в себя социальный опыт, который усваивается индивидом в течение жизни и постоянно воспроизводится. «Об-

ществознание» как предмет представляет собой один из главных ресурсов социализации обучающихся в рамках образовательного процесса. Данная дисциплина обеспечивает получение знаний об обществе и подготавливает школьника ко взрослой жизни. В статье рассматривается новый и наиболее перспективный учебно-методический комплекс по обществознанию О. А. Котовой, Т. Е. Лисковой.

Базовый уровень подготовки на основе материалов УМК по обществознанию О. А. Котовой и Т. Е. Лисковой делает акцент на российское общество и государство. В содержании учебника за шестой класс рассматривается место человека в социальной жизни: «Глава I. Что связывает людей в общество»; «Глава II. Сферы общественной жизни»; «Глава III. Как развивается общество»; «Глава IV. Современное российское общество».

Понятие «социализация» раскрывается в шестом параграфе «Человек и общество» первой главы: «Социализацией называют процесс усвоения человеком культуры и правил жизни в обществе. Это процесс приобретения человеком значимых для жизни в обществе качеств» [1, с. 20]. Социализация определяется культурно заданными нормами. К примеру: самостоятельность, коммуникабельность, самоорганизация [1, с. 20]. Такие критерии определяют деятельностную социализацию, так как именно она говорит о том, что определенные действия, совершенные в жизненный период, влияют на успешное взаимодействие человека и общества.

В седьмом классе главной темой становятся правоотношения [2, с. 80]. В первом параграфе «По каким правилам живет общество» первой главы «Регулирование поведения людей в обществе» ученик усваивает понятие и виды правовых норм. Это подводит к пониманию успешного вхождения в социальную группу и приобретение определенного правового статуса. В свою очередь это характеризует социализацию на основе принадлежности к различным социальным группам.

Материал восьмого класса в основном посвящен азам экономических отношений. Отметим, что третья глава «Мир социальных отношений» помогает школьнику углубиться в современную экономическую социальную структуру общества. Глава начинается с понятий о социальном неравенстве и социальной стратификации, при этом авторы учебника углубляют межпредметные связи с историей, приводя конкретные примеры (рабство) [3, с. 60].

Вместе с тем авторы добавляют блок «Мои исследования общества», который позволяет провести собственное исследование. Авторы учебника предлагают следующие действия: «Выясните, какие национальности представляют ваши одноклассники. Выясните, сколько одноклассников родилось в вашем населенном пункте, а сколько приехало из других...» [3, с. 60] и т.д. Такие примеры на личном опыте позволяют ребенку увидеть социальные группы, основа которых предписанные и приобретенные статусы: гендерный, территориальный, национальный.

Вместе с тем стоит отметить правовое просвещение в социальной сфере. Учеников знакомят со статьями Конституции РФ, социальной политикой государства и социальной мобильностью в России.

Учебник девятого класса знакомит с политической жизнью и культурно-информативной средой общества. На данном этапе обучения раскрывается политическая социализация индивида. Например, четвертая глава «Человек в меняющемся обществе» повествует об условиях политической нестабильности; поднимается тема вооруженных конфликтов и международного гуманитарного права, которое устанавливает правила ведения военных действий. Актуальной является проблема объединения общества в обстоятельствах необходимости противостояния глобальным проблемам, а также проблема образа жизни в условиях чрезвычайных ситуаций [4, с. 86].

Учебник 10-го класса подробно повествует о деятельностной социализации. Работа с учебником позволяет узнать о социальных отношениях, о роли государства и общества в экономике. Отметим, в материале учебника начинается блок «Мир профессий», который вносит свой вклад в профессиональную ориентацию ребенка.

На данном этапе социализация определяется как «освоение индивидом опыта предшествующих поколений, который включает в себя систему знаний, норм, ценностей, образцы поведения в типичных ситуациях (социальные роли) и др.» [5, с. 9]. Выделяются ее стадии: промежуточная социализация, трудовой и послетрудовой этап социализации. Стадии и определение имеют прямое отношение к возрастной периодизации и социализации, определяемой культурно-заданными нормативами. Она объясняется на примере социальных институтов общества – агентов, которые «устанавливают образцы поведения и осуществляют социальный контроль, позволяют обеспечить стандартное поведение людей...» [5, с. 23]. Элемент социализации, который отвечает за принадлежность к социальным группам, выделен в подтеме первой главы «Человек – социальный статус и социальные роли» [5, с. 10].

В большей степени наше внимание фокусируется на параграфе второй главы «Социальная структура общества», в ней говорится обо всех важных взаимосвязанных элементах внутреннего строения общества. Авторы учебника пишут о том, что социальная группа – «это совокупность людей, обладающих общими социально значимыми признаками» [5, с. 32], также вновь поднимают тему социальной мобильности и стратификации. Важно отметить, что учеников привлекают к гуманистическому подходу в межнациональных отношениях и конфликтах.

В основе учебного материала за 11-й класс – политическая социализация. Первая глава «Политика» делает акцент на то, что государство является основным институтом политической системы общества. Далее школьников учат быть готовыми к правовым отношениям, а именно какие права и обязанности есть у гражданина РФ, знакомят с принципами судопроизводства, международного права и т. д.

Интересным является тот факт, что в параграфе третьей главы «Многовариантность общественного развития» дается типология обществ, которая напрямую относится к типам социализации индивида [6, с. 91]. Говоря о подходах в изучении социализации, авторы учебника останавливаются на классификации с учетом технико-технологических отношений. Они выделяют: традиционное, индустриальное и постиндустриальное общество [6, с. 92], такая классификация входит в деятельностную социализацию, так как непосредственно связана с трудовой деятельностью человека. Авторы делают вывод, что в современном мире происходит процесс становления глобализованного человечества, который охватывает все сферы общественной жизни [6, с. 98].

Итак, в линейке учебников О. А. Котовой и Т. Е. Лисковой важное место занимает социализация на основе принадлежности к различным социальным группам и деятельностная социализация. Материал подается не только с теоретической стороны, но и с практической: школьники учатся на личном опыте входить в определенную структуру общества и соответствовать социальным нормам в сфере экономики, политики, повседневной жизни.

Список источников

1. Обществознание. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / О. А. Котова, Т. Е. Лискова. М.: Просвещение, 2020. 79 с.
2. Обществознание. 7 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / О. А. Котова, Т. Е. Лискова. М.: Просвещение, 2020. 80 с.
3. Обществознание. 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / О. А. Котова, Т. Е. Лискова. М.: Просвещение, 2020. 112 с.
4. Обществознание. 9 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / О. А. Котова, Т. Е. Лискова. М.: Просвещение, 2020. 95 с.
5. Обществознание. 10 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / О. А. Котова, Т. Е. Лискова. М.: Просвещение, 2020. 112 с.
6. Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / О. А. Котова, Т. Е. Лискова. М.: Просвещение, 2020. 112 с.

УДК 140.8

https://doi.org/10.34130/9785876617408_96

Персональная идентичность в пространстве современной интернет-коммуникации

Л. С. Яковлева, аспирант

*Научный руководитель: В. И. Кудашов, д-р филос. наук
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск*

Аннотация. В статье представлены результаты социально-философского анализа персональной идентичности в условиях интернет-коммуникации, дано

определение персональной идентичности. Опираясь на новые онлайн-риски, автор уделяет особое внимание вопросам формирования персональной идентичности в современной интернет-коммуникации.

Ключевые слова: персональная идентичность, коммуникация, интернет, онлайн-риски

*Жить в эпоху “поздней современности” (late modernity)
значит жить в мире случайности и риска.
Э. Гидденс¹*

Термин «персональная идентичность» давно вышел за рамки психоаналитической теории. Тем не менее основателем теории идентичности принято считать Э. Эриксона [5].

Сегодня термин «персональная идентичность» гораздо чаще используется в философии, помимо этого, он является неотъемлемой частью социологии: о «персональной идентичности» говорят как об одной из наиболее актуальных проблем при исследованиях процесса социализации (в интернет-коммуникации: киберсоциализации) и социальных ролей. То есть в данном случае формирование персональной идентичности предполагает рефлексивность представлений об Я-образе в процессе коммуникации с Другим. Это вполне правомерно, однако может увести в несколько иную плоскость, а именно – конфликтологию, конфликта идентичностей.

В России изучением проблемы персональной идентичности занимаются такие философы, как П. С. Гуревич, М. В. Заковоротная, Э. А. Орлова [2] и др. Персональная идентичность, по П. С. Гуревичу, есть «психологический механизм, рождающий чувство тождественности человека самому себе, ощущение целостности человека» [1, с. 83]. Ограничения понимания персональной идентичности по П. С. Гуревичу связаны с тем, что согласно его теории персональная идентичность всегда связана с вопросами роли социума в ее формировании.

Однако неоценимый вклад в разработку теории персональной идентичности был внесен известным исследователем в области философии сознания Е. О. Труфановой, которая определила персональную идентичность как систему «отношений индивида с различными аспектами его внутреннего мира и значимыми для него аспектами окружающего мира. Существенной характеристикой личностной идентичности является чувство «самотождественности», т. е. чувство принадлежности данных различных аспектов к единой системе, центром которой является Я индивида» [4, с. 128]. В работах исследователя неоднократно высказываются мысли о персональной идентичности как об «отношении человека к самому себе, становление которого происходит прежде всего в ходе социального взаимодействия» [3, с. 95]. На Западе к исследованию персональной идентичности

¹ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. № 5. М., 1994. С. 107–134.

подошли более активно, и перечисление только самых выдающихся имен, внесших значительный вклад в ее развитие, заняло бы не одну страницу.

Проблема персональной идентичности в пространстве современной интернет-коммуникации неразрывно связана с проблемой онлайн-рисков. Онлайн-риски на современном этапе мы можем разделить на три основные категории:

- коммуникационные (проблема кибербуллинга – травля в пределах сети «Интернет», киберпреследования, троллинг);
- контентные (например, фейковая информация, вредоносный контент – пропаганда агрессии, наркотиков, суицида и т.п.);
- технические (например, фишинг – вид интернет-мошенничества, основанный на получении персональных данных пользователя, различные вредоносные интернет-программы, тема приватности, анонимности в сети «Интернет»).

Коммуникационные и технические онлайн-риски тесно связаны между собой. Это можно проследить во взаимосвязи феномена кибербуллинга и приватности в сети «Интернет». Приватность является одной из ценностей интернет-сети, тем не менее она выступает и угрозой, которой пользуются интернет-мошенники. Приватность – необходимое условие для формирования персональной идентичности в интернет-коммуникации. Также приватность во многих современных исследованиях рассматривается как фактор автономии индивида, позволяющий последнему самостоятельно и независимо конструировать «Я-образ» в сети «Интернет», при этом офлайн-образ и онлайн-образ могут существенно отличаться друг от друга.

Опыт последних десятилетий показал, что персональная идентичность является не только средством отражения окружающей действительности, но и инструментом манипуляции общественным сознанием, в том числе и в борьбе за политическую власть. Таким образом, исследования формирования персональной идентичности, а затем и национальной идентичности являются своевременным и чрезвычайно важным этапом в целях совершенствования государственной политики и противодействия угрозам информационно-психологической агрессии, направленной против России.

Список источников

1. Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Т. 4. С. 63–87.
2. Орлова Э. А. Концепции идентичности / идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Т. 4. С. 87–111.
3. Труфанова Е. О. Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 95–105.
4. Труфанова Е. О. Роль коммуникации в построении личностной идентичности // Философия науки. 2012. № 17. С. 128–142.
5. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 340 с.

РАЗДЕЛ III. АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 392

https://doi.org/10.34130/9785876617408_99

Похоронная обрядность в новгородской деревне конца XX века –начала XXI в. (по записям 2000–2010 годов УНЛ этнологических и современных социокультурных исследований НовГУ)²

*Т. А. Афанасьева, канд. филол. наук, доцент
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород*

Аннотация. В статье автор рассматривает бытование в новгородских деревнях традиций и обрядов, связанных с похоронно-поминальной обрядностью и записанных в ходе этнологического изучения Новгородской области студентами-культурологами НовГУ (2000–2010 гг.).

Ключевые слова: народное христианство, полевые исследования культуры, похоронная обрядность, обряды жизненного цикла, Новгородская область

Похоронная обрядность новгородской деревни выступила объектом для изучения фольклористов, этнографов, сотрудников учреждений культуры региона, студентов как Новгородской области, так и столичных вузов. Многие собранные полевые материалы ждут исследовательской работы и дальнейшей публикации. Материалы, записанные в новгородских деревнях (Старорусского и Окуловского районов) в конце 80-х годов XX века, позволили О. С. Бердяевой сделать вывод: «Похоронный обряд некогда, вероятно, не менее сложный по структуре, чем свадебный, теперь предстает в редуцированном виде» [18, с. 62]. Тем интереснее проследить его судьбу по записям начала XXI века, когда после падения СССР и создания нового государства произошел возврат к традициям православной культуры, а интерес к прошлому страны (дореволюционному прежде всего) воплотился в сознательном изучении, пропаганде и сохранении культурного наследия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Новгородской области в рамках научного проекта №18-49-530002 «Народное христианство в социокультурном пространстве Новгородской земли XX–XXI вв.: исследование динамики феномена на материале архивных и новейших материалов фольклорно-этнографических экспедиций».

Результаты этнологической практики студентов-культурологов Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого являются интересным материалом для изучения традиционной культуры новгородской деревни середины XX – начала XXI веков. В рамках этно-культурологических экспедиций под руководством М. И. Васильева были опрошены местные жители большинства районов Новгородской области³; уроженцы этой местности, детство которых прошло в пределах изучаемых регионов, но впоследствии сменивших место проживания; и жители региона, переехавшие на Новгородчину и прожившие на указанной территории время, достаточное для знакомства с ее культурой. Возрастной состав информантов определяется границами от 1920–х до 1940–х годов рождения.

В отличие от свадебной, в силу своей практической значимости, похоронная обрядность сохранилась в памяти многих информантов, хотя и во многом отрывочно, продолжая существовать как необходимый ритуал, теряя при этом единство и внутреннюю сущность происходящего. Нарушение преемственности как основного способа наследования традиции сыграло свою, на наш взгляд, негативную роль в сохранении этнической обрядности.

Необходимо особо отметить, что при опросе информантов в Волотовском, Крестецком, Валдайском, Поддорском, Старорусском районах собраны сведения о похоронно-поминальной обрядности староверов (эти материалы использованы в книге Т. А. Воскресенской [см. 1]), в данной статье вопросы специфики похоронной обрядности старообрядцев специально не рассматривались.

В целом собранные материалы позволяют восстановить ход обрядовых действий, необходимых для прощания с умершим человеком. Так, по словам опрошенных, умершего человека старались хоронить на третий день. До этого покойный находился в доме в «пережном» (красном, «святом», «божьем») углу на лавке, стульях или столе, пока не было гроба, или в амбаре. Расположение покойного в доме имело очень важное значение и порой выступало способом конфессиональной атрибуции жителей региона. Так информанты Валдайского и Маловишерского районов [17, с. 10] делали акцент на том, что ногами к выходу ставили покойного представители РПЦ (православные), а ногами к иконам – староверы [14, с. 32]. В других регионах такого разграничения не делали, хотя наблюдаются оба способа пространственного расположения: ногами к двери [5; с. 9] и другой вариант – ногами к иконам (поскольку покойному «надо смотреть на Бога») [14, с. 39], [9, с. 33], [11, с. 15]. Повсеместно упоминали о завешивании

³ В статье используются материалы: 2000 – Любытинского; 2001 – Пестовского; 2002 – Новгородского; 2003 – Крестецкого; 2004 – Поддорского; 2005 – Демянского; 2006 – Боровичского; 2007 – Валдайского; 2008 – Старорусского; 2009 – Волотовского; 2010 – Маловишерского районов.

зеркал в доме, где находился покойный. Необходимость этого объясняли возможной порчей зеркала («зеркало будет пятнами или потемнеет»), греховностью искажения в зеркале совершаемого в доме христианского обряда отпевания [9, с.36] или связывали с нахождением покойного в доме («чтоб он сам себя не увидел» [13, с.17] или «потом будет чудиться» [13, с.17]).

Для омывания покойного приглашали чужих людей. По традиции родственники не могли мыть полы после выноса умершего из дома [9, с. 38], нести гроб, копать могилу. Работа считалась важной (так некоторые полагали, что с лиц, ее выполняющих, «снимут грехи» [7, с. 6]) и оплачивалась (деньгами или вещами [7, с. 6]). В качестве кандидатов на эту роль называли женщин в возрасте и старых дев [14, с. 37]. Связывали покойному руки и ноги (развязывая непосредственно перед погребением, точнее перед заколачиванием гроба – у староверов это происходило в доме, где отпевали, а у православных – на кладбище), одевали во всё чистое, новое (одевали «наново», поскольку это его вечная одежда [2, с. 6]) и клали в еловый [14, с. 37, 39] (реже дубовый) гроб, после освящения последнего святой водой со словами: «Святы Божий, святы крепкий, святы бессмертный, помилуй нас» [10, с. 17]. Осину для изготовления гроба не применяли, говоря о ней как о проклятом дереве [9, с. 44]. При этом в Крестецком и Поддорском районах прозвучала информация о том, что гроб готовили заранее, хранили в сарае или на чердаке [7, с. 5]. И ежегодно после нового урожая насыпали в него рожь, чтобы он не стоял пустым [9, с. 33].

Одежду на смерть старались готовить заранее («смертный узел у мамы был» [12, с. 42]), в противном случае шили швом «вперёд иголкой» [9, с. 51], старались «пореже стяжки делать» [2, с. 9], узлы не завязывать, ткань не обмётывали, пуговицы не пришивали [7, с. 4]. Многие информанты настаивали на необходимости обувать покойному мягкую обувь (в реалиях XX века – тапочки, поясняя, что родители раньше обували лапти или ступни» [8, с. 37]), без каблука. Описывая необходимые покойному при погребении вещи, все опрошенные говорили о носовом платке, свече и дорожной [7, с. 6], [14, с. 37, 40], которые вкладывали умершему в руки. В некоторых районах несколько информантов добавляли к списку новый нательный крест, который также клали (Крестецкий, Демянский) в руку покойному [8, с. 34], [11, с. 11] или одевали ему на шею (Поддорский) [9, с. 32]. О расческе в этой связи упоминали в Любытинском, Старорусском [15, с.35] и Демянском районах.

Днем покойный лежал открытый, на ночь его покрывали простыней. Находясь в доме, покойный никогда не был один, родные ночевали вместе с ним. Все дни, пока находился в доме, по нему читали псалтырь приглашенные знающие люди [15, с. 34], [14, с. 37], [5, с. 9], сменяя друг друга [6, с. 20].

Желающие проститься приходили, целовали икону, лежавшую на его груди («перекрестят глаза, Боженьку поцелуют» [2, с. 11]), после прощания эту икону

оставляли дома и помещали в святой угол. В Крестецком районе со слов информантки прощаются и у староверов и у православных одинаково: крестишься и говоришь: «Прости меня Христа ради, тебе Господь простит» [8, с. 41]. Пришедшие могли класть в гроб деньги, которые хозяева позднее тратили на похороны. В Любытинском районе этот обряд называли «на свечку клали». Считалось, что те, кому ты на свечку подал, будут тебя встречать на том свете [2, с. 10]. После того как покойного выносили из дома, гроб несли по деревне на полотенцах или специальных носилках. За деревней «на крестах» [16, с. 27] с умершим могли проститься все желающие, поскольку на кладбище чаще всего отправлялись близкие и родственники. Если кладбище находилось на значительном расстоянии, отсюда покойного везли на лошади или машине.

По словам С. Е. Д., раньше покойников обязательно отпевали, это сейчас, «как собак кладут» [2, с. 9]. Если отпевание происходило в деревне, то покойный мог «ночевать» в часовне или церкви [7, с. 7]. Многие из опрошенных отпевали своих родных заочно. После отпевания «земельки придавали» [2, с. 10] (П. А. В. из д. Едно, Валдайского р-на описала это так: причитывали трижды – «Святые Божи, святые крепки, святые бессмертны, помилуй нас» и посыпали крестом на покойном освященной в церкви землей [14, с. 36]), давали дорожную и вкладывали свечу в руки. Самоубийц и некрещенных не отпевали и на кладбище не хоронили. Детей, особенно слабых и больных, старались крестить сразу же после рождения, опасаясь участи некрещенного.

Всю дорогу до кладбища и в Демянском районе транспорт, на котором везли покойного, устилали еловыми ветками («лапчатником»). Одни объясняли это тем, что так покойник не вернется, другие – что это делали для того, чтобы покойник мог найти дорогу домой [4, с. 8]. В Поддорском р-не большинство информантов настаивали на том, что у дома «елку не кидали», еловые ветки постилали в яму на кладбище [9, с. 36].

На кладбище покойного клали ногами на восток, «чтобы солнышко видел» [9, с. 39]. В могилу кидали деньги, медяки, для того чтобы откупить землю («выкупают место у Бога, наверное» [14, с. 34]) [2, с. 6], [14, с. 36], [5; с. 10]. О необходимости бросать именно медные деньги без объяснения причин говорили в Валдайском [14, с. 33], Маловишерском, Демянском р-нах [17, с. 12]. Могли сопровождать действие словами: «Вот тебе доля, не приходи/не проси боле!» [13, с. 33], [12, с. 44]. Прислушиваясь к мнению священнослужителей в некоторых регионах, сегодня землю не откупают, а собранные пришедшими проститься деньги передают в церковь на свечи [10, с. 20]. Потом трижды кидали землю на гроб (жительница д. Бор добавила, что землю кидали на гроб обязательно правой рукой, так как левой рукой нельзя – себе смерть [5, с. 10]), после чего покойный

переставал слышать [11, с. 19] и/или видеть [5, с. 9]. Другие объясняли необходимость данного действия так: «чтобы земля была ему пухом» [5, с. 10]. При этом могли говорить: «Прими нашего мученика» [6, с. 21] или «Святый Боже, святой крепкий, святой бессмертный – помилуй нас» [6, с. 22] или «Вечная память и земля тебе пухом» [8, с. 32].

Первые 40 дней после смерти обращались к Богу со словами: «Упокой Господи, раба Божьего (имя)» [6, с. 23]. Существовало мнение, что покойный приходит домой до 40 дней. Чтобы он мог умываться, вешали «калинкоровую небольшую тряпочку» [4, с. 9], [17, с. 10] и ставили стакан воды на окно [2, с. 11]. Поминальное застолье устраивают сразу после похорон, на 40-й день («сорочины») и через год (годины) [2, с. 6]. Состав блюд зависел от времени смерти и наличия поста. Обязательным блюдом поминального стола была кутья – распаренная пшеница с сахаром [3, с. 10] (позднее и сейчас – вареный рис с изюмом и медом) [2, с. 6], [6, с. 22]. Для поминания умерших использовали также милостыню («милостыня засчитывается больше, чем своя молитва» по покойному [8, с. 43]).

Похоронная обрядность сохранила многие древние представления. Так, судя по многим обрядам, специально следили за тем, чтобы сохранялась граница между мирами: миром живых и миром мертвых. Все, что соприкасалось с умершим человеком, должно было уйти из мира живых. Так воду, которой мыли покойного, выливали в то место, где никто не ходит [5, с. 9]: ни люди, ни скот [7, с. 6], или в реку [6, с. 21]. Тряпки, использовавшиеся при этом, сжигали или закапывали («тряпку в землю зарывают под третий угол» [8, с. 32]), мыло - закапывали или клали вместе с покойным в гроб, а горшок (в Демянском районе – кашник) или другую посуду, употреблявшуюся в обряде, разбивали [15, с. 35]. Стружки, оставшиеся при изготовлении гроба, клали в него же. Ими [16, с. 14–15] или листьями березового веника [14, с. 36], [7, с. 6] набивали подушку для покойного. Старые вещи и белье, на котором лежал умерший, сжигали, объясняя это так: «чтобы смерть не пристала» [6, с. 21].

Как можно видеть из собранных материалов, похоронная обрядность в XXI веке являет собой сохранение традиций отцов и дедов и содержит привнесенные временем (вновь пришедшие в практику) христианские обряды и традиции, источником которых является не столько местная традиция, сколько религиозные ценности, впитываемые информантами от носителей религиозной обрядности. Присутствие тех или иных ритуалов связано и с местными условиями (наличием в данной местности кладбища, церкви, священника и т. п.). В связи с этим теряется целостность обряда. Многие важные и традиционные обрядовые моменты, жанры, некогда сопровождавшие обряд, к сожалению, уже безвозвратно утрачены. Так если полевые записи Пестовского и Любытинского районов

2000 и 2001 годов позволяют прикоснуться к культуре похоронного плача, в записях 2002, 2004 годов зафиксировано по одному поминальному плачу (в значительно усеченном, кратком варианте), то в 2003 году плакальщицы лишь упоминаются.

Список источников

1. Воскресенская Т. А. Новгородские старообрядцы-беспоповцы во второй половине XIX – начале XX века: Мировоззрение. Быт. Культура / Т. А. Воскресенская; под ред. М. И. Васильева; НовГУ имени Ярослава Мудрого. - Великий Новгород, 2008 (9,5 п.л.).
2. Отчет ЭКЭ 2000 Кар-вой И. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
3. Отчет ЭКЭ 2001 Вас-вой И. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
4. Отчет ЭКЭ 2001 Ер-вой Д. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
5. Отчет ЭКЭ 2002 Кур-ной А. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
6. Отчет ЭКЭ 2002 Сер-ко О. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
7. Отчет ЭКЭ 2003 Ос-ук О. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
8. Отчет ЭКЭ 2003 Т-ой А. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
9. Отчет ЭКЭ 2004 Сте-вой Г. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
10. Отчет ЭКЭ 2005 Ба-ной Т. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
11. Отчет ЭКЭ 2005 Де-вой И. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
12. Отчет ЭКЭ 2006 До-вой Я. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
13. Отчет ЭКЭ 2006 Ла-ной А. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
14. Отчет ЭКЭ 2007 Бы-ва Д. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
15. Отчет ЭКЭ 2008 Про-вой Т. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
16. Отчет ЭКЭ 2009 Як-вой А. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
17. Отчет ЭКЭ 2010 Ере-вой К. // Архив УНЛ ЭиССИ НовГУ.
18. Фольклор Новгородской области: история и современность / сост. О. С. Бердяева. М.: Издательский дом «Стратегия», 2005. 352 с. (Золотая коллекция).

УДК 128; 129; 159.9.01; 82-343.4 https://doi.org/10.34130/9785876617408_104

Гриновский герой: Человек Блестающего мира

*А. А. Ермилова, научный сотрудник
Феодосийский литературно-мемориальный
музей А. С. Грина,
г. Феодосия*

Аннотация. В статье в психологическом и социально-философском аспектах анализируются модели человека и мира произведений известного русского писателя-романтика Александра Грина.

Ключевые слова: человек, современный человек, человек и мир, герой Александра Грина, мир Александра Грина, идеал человека, человек будущего, мир будущего

Принимаясь за работу над статьей, набираю в поисковике слово «человек». Выдаёт: человек-паук, человек-бензопила, человек-амфибия, человек в футляре, в железной маске, человек-волк... наконец – ура! – «человек в поисках смысла»! В этом ряду всё, кроме последнего, – нечто, являющееся не совсем человеком или это не человек вовсе: присутствует предмет или животное, которые человека *расчеловечивают*. Но вот «человек в поисках смысла» – это название известной книги В. Франкла, прошедшего фашистский концлагерь [5]. Но *не закончился ли человек-в-поисках-смысла?*

Человек, конечно, во все времена рядился в звериные шкуры – в прямом и переносном смысле. Но, с другой стороны, человек должен уходить от звериного. Но идеала, светящегося – если не на весь мир, то хотя бы на какую-то значительную часть – блестящего идеала, к которому нужно стремиться, – в какую сторону ни посмотри, мы не видим. Все, что светили раньше, перегорели, как лампочки, или вовсе оказались мишурой, которую порвали и унесли ветры времени. И непонятно, куда идти. Ситуация сегодня выглядит так, что человек во всём разочарован и ни во что по-настоящему не верит – ни в богов, ни в вождей, ни в научный прогресс, ни в самого себя.

Между тем, по нашему мнению, Идея человека давно есть. Её предложил сто лет назад русский писатель Александр Грин. Открывая его книги – те самые, ищущие, люди – понимают: вот же оно! Подобный эффект нередко случается, если они оказываются в небольшом музее писателя в Феодосии. Человек, даже не читавший Грина, но готовый воспринять высокую идею, получает её здесь и уходит – не побоюсь этого слова – просветлённым. Приезжайте в Феодосию, поднимитесь на борт музея-корабля и совершите путешествие в Гринландию!

Грин показал не просто идеал человека, а целый *Блистающий мир*, в котором живет такой человек. И речь не только об одноимённом романе. Принято считать, что мир Грина начинается с рассказа «Остров Рено» [1, т. 1, с. 250], а крайней точкой является та, что должна была быть поставлена в конце романа «Недотрога» [2], оставшегося незаконченным.

Настоящая жизнь лучших героев гриновских произведений проходит в *тонком* мире любви и красоты, попасть в который легко и сложно. Всем своим творчеством писатель показывает пути в «страну Цветущих лучей», не шутя утверждая, что она существует. Как при жизни Грина, так и сейчас есть люди, которые считают его метод уходом от действительности, а его произведения – наивными сказками. Но дело в том, что именно сказка – самое мудрое, что есть в мире [4]. Творчество Грина оттолкнулось от сказки, от легенды, от народного мифа, его произведения так же многомерны и многослойны. Мир Грина – прекрасен, и потому, по мнению многих, – невозможен. Между тем самые серьёзные исследователи гриновского творчества давно определили его метод как «романтический реализм», а также пришли к выводу, что, при всём своеобразии основные его

ценностные ориентиры находятся в русле традиций русской классики. Откроем же дверь в этот мир и посмотрим на него. Вот тот самый остров Рено:

«...Серо-голубые, бурые и коричневые стволы, блестя переливчатой сеткой теней, упирались в небо спутанными верхушками, и листва их зеленела всеми оттенками, от тёмного до бледного. Не было имён этому миру. И Тарт молча принимал его. Широко раскрытыми, внимательными глазами щупал он дикую красоту. Казалось, что из огромного зелёного полотнища прихотливые ножницы выкроили бездну сочных узоров. Густые, тяжёлые лучи солнца торчали в про-светах, подобно золотым шпагам, сверкающим на зелёном бархате. Тысячи цвет-ных птиц кричали и перепархивали вокруг. ... Тарт шёл, как пьяный, захмелев от сырого, пряного воздуха и невиданной щедрости земли...» [3]

А вот каковы у Грина люди. В рассказе «Новогодний праздник отца и малень-кой дочери» [1, т. 4, с. 298] девочка, ожидая отца к праздничному ужину, нато-пила печь единственным, что нашла – ненужной, как ей показалось, бумагой. А это была рукопись научного труда, которому он отдал 15 лет.

« – В какой корзине, ты говоришь? Под столом?

– Ну да же! Ужас тут было хламу, но горит он неважно.

Тогда он вспомнил и понял.

Он стал разом сесть, и ему показалось, что наступил внезапный мрак. Не сознавая, что делает, он протянул руку к электрической лампе и повернул вы-ключатель. Это спасло девочку от некоего момента в выражении лица Дрэпа, – выражения, которого она уже не могла бы забыть. Мрак хватил его по лицу и вырвал сердце.

Несколько мгновений казалось ему, что он неудержимо летит к стене, разби-ваясь о её камень бесконечным ударом.

– Но папа, – сказала удивлённая девочка, возвращая освещение, – неужели ты такой любитель потёмок? И где ты так припылил волосы?

Если Дрэп в эти мгновения не помешался, то лишь благодаря счастливому свежему голосу, рассёкшему его состояние нежной чертой. Он посмотрел на Тави. Прижав сложенные руки к щеке, она воззрилась на него с улыбкой и тро-гательной заботой. Её светлый внутренний мир был защищён любовью».

А вот другой человек и другие поступки. Рассказ «Пропавшее солнце» [1, т. 4, с. 309]. В рассказе этот человек купил новорождённого ребёнка у бедной вдовы и поставил над ним жестокий опыт: вырастил его в закрытом помещении без сол-нечного света и через 14 лет вывел на солнце, подготовившись, вместе с прияте-лями, насладиться ужасом и сумасшествием мальчика. Однако этого не произо-шло, юный, но сильный человек выстоял и победил злодея – в том смысле, что не только не сошёл с ума, но, более того, выразил веру в лучшее будущее.

Вот таков человек и мир Александра Грина! В нём есть – всё! Самое прекрас-ное и ужасное, величайшие добро и зло – всё есть в этом мире, он невероятно

разнообразен и крайне неоднозначен. От того мира, в котором живём мы, он отличается лишь более яркими, сгущёнными красками, которые нужны художнику, чтобы отчётливее выразить свои мысли и идеи.

От упомянутой русской классики гриновское творчество отличают не только вымышленные имена и названия городов. У Грина – твёрдая вера в то, что счастье, как личное, так и всеобщее, вполне реально и достижимо. Всеми своими силами, каждым своим произведением он неутомимо доказывал это. Вот ещё одна яркая литературная картина – без сомнения, знакомая, памятная многим:

«Она кивнула, держась за его пояс, с новой душой и трепетно зажмуренными глазами. Счастье сидело в ней пушистым котёнком... Бережно, но со смехом, сам потрясённый и удивлённый тем, что наступила невыразимая, недоступная никому драгоценная минута, Грэй поднял за подбородок вверх это давным-давно пригрезившееся лицо, и глаза девушки, наконец, ясно раскрылись. В них было всё лучшее человека» [1, т. 3, с. 3].

Что изображено здесь, как не прямой переход из мира обычного в страну Счастья, в тот самый рай, куда герой этого произведения – не нуждающегося в том, чтобы его называли, – дерзко пообещал попасть, находясь в самом нежном возрасте, а героиня никогда не сомневалась, что попадёт? Ведь в сказке главный принцип искусства творить волшебные деяния – верить, что они возможны. Суть этого преобразования – обретение *новой души*, которая поднимается на новую, более высокую ступень всякий раз, когда избавляется от очередного страха, открывает для себя нечто прекрасное, переживает опыт любви.

Да, Грин позволил себе непозволительное – практически идеальных героев. Сделал он это не по наивности, а именно потому, что считал людей такого склада возможными. Отчасти – потому, что встречал людей очень высоких моральных качеств. Отчасти – потому, что... знал себя. Его герои могут, к примеру, не задумываясь, отдать несметные богатства за любовь. Но разве не бывало таких примеров в реальной жизни? Грин сам не однажды поступался материальным ради высоких целей. Отказался, например, от политической пенсии в голодное время, потому что не хотел «жить тем, то стало чуждым». Но главное – он отказался писать о том, что не отвечало его внутренней потребности, как того хотели власть имущие. Это привело к тому, что писатель остался без средств к существованию...

Лучший гриновский герой – отважен, ярок, мужествен. Если это женщина – она в высшей степени нежна. Независимо от пола, любимые гриновские герои изваяны тончайшим резцом, и в то же время они – духовные богатыри. Однако самая выпуклая черта всегда – они внутренне свободны, и эта свобода – совершенна. Летающий Друд, живущий в Блистающем мире, зовёт с собой, и он не гибнет в конце романа, как ошибочно думают многие. Это лишь кажется Руне!

Грина очень расстраивало, что не всем это оказалось понятно. Как не горят рукописи, так не умирают истинные творцы.

«Когда я понял, осознал, что я художник, хочу и могу им быть, когда волшебная сила искусства коснулась меня, то всю свою последующую жизнь я не изменял искусству, творчеству. Ни деньги, ни карьера, ни тщеславие не столкнули меня с истинного моего пути». В этих словах Грина, сказанных им в конце творческого пути, содержится высокая художественная и человеческая правда. Известно, что он не был идеальным человеком, но был и остаётся писателем живым.

«Алые паруса», ставшие символом гриновского творчества, символом торжества доброты и любви, исполнения высокой и чистой мечты – повесть-феерия была создана в тяжёлое, переломное время, когда страну потрясали революционные катаклизмы, распри Гражданской войны. Об этом времени в одном из писем писатель заметил: «Вещи изменили смысл, а люди потеряли его». Сегодня это снова так и, возможно, произойдёт ещё не раз. Но всегда были и есть те, кто не терял его никогда, кто хранил и затем, в нужный момент, отдавал. С книжных страниц словами своего героя Гарвея Грин утверждает: «Всё открыто для всех!»

Список источников

1. Грин. А. С. Собрание сочинений: в 6 т. / общ. ред., послесл. и подгот. текста В. Росельса; вступ. статья В. Вихрова; ил. С. Г. Бродского. М.: Правда, 1965. (Б-ка «Огонек»).
2. Грин А. С. Дикая Роза. Алые паруса. Недотрога / сост. Д. Лосев, предисл. Л. Варламовой, рисунки О. Хейлик. / изд. 2-е. Феодосия; М.: Издат. дом «Коктебель», 2010. 128 с.: ил. (Классика. Вып. 1).
3. Грин А. С. Встречи и приключения. Повесть о Карадаге. Рассказы / сост. Л. Ковтун, Д. Лосев, предисл. Л. Ковтун. Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель», 2008. 128 с. (Классика. Вып. 2).
4. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368с.: ил. (Б-ка зарубежной психологии).

УДК 1:316

https://doi.org/10.34130/9785876617408_108

Аксиологическое измерение деловой оценки человеческого ресурса

*Н. А. Кащей, д-р филос. наук, профессор
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород*

Аннотация. Современные социально-экономические условия требуют формирования управленческой культуры для поддержания конкурентоспособности

и совершенствования системы мотивации персонала. С нашей точки, зрения отсутствие аксиологического измерения управленца в социокультурном пространстве, недостаточное внимание к проблеме мотивации труда работников приводит к снижению их компетентности, что, в свою очередь, влечет за собой явное ухудшение результативности деятельности персонала и организации в целом, снижение ее прибыли.

Ключевые слова: мотивация, социальное управление, управленческая культура, управление персоналом, человеческий ресурс

Специфика исследования управленческой культуры тесно связана с понятием мотивации, именно при такой корреляции становится возможным обоснование роли мотивации в общем процессе социальной детерминации человеческой деятельности, «выявление социального механизма формирования и развертывания мотивации для эффективной оценки человеческого ресурса» [8, с. 7]. Резервы роста социальной эффективности труда базируются на методах деловой оценки кадров, представляющих собой способы, при помощи которых исследуются профессиональные и личностные компетенции и показатели должностных позиций, а также степень выраженности их у сотрудника как носителя той или иной должности.

В общем плане современные исследователи подразделяют методы оценки человеческого капитала:

- 1) на традиционные;
- 2) нетрадиционные.

При этом стоит заметить, что подобная классификация весьма условна и предполагает обязательный учет специфики той организации, где она используется непосредственно на практике. Обобщая ведущие характеристики традиционных методов оценки человеческого ресурса современной организации, можно заключить, что:

- 1) основание рассмотренных методов – оценка деятельности отдельных работников, произведенная по субъективному мнению эксперта или руководителя;
- 2) применение подобных методов эффективно в крупных иерархических организациях, действующих в условиях достаточно стабильной внешней среды, но при этом у них есть и некоторые недостатки.

Стоит отметить, что для кадровых служб нашей страны характерно исследование биографии сотрудников и отзывов об их предыдущей работе, то есть такая информация весьма формальна. Использование традиционных методик, которыми оценивается человеческий ресурс, наиболее приемлемо для крупных предприятий и организаций. Их внешняя среда характеризуется как стабильная, поэтому им менее актуально применение инновационных подходов для решения организационных проблем.

Современные исследователи определяют также методы нетрадиционного характера, которые также могут быть использованы для оценивания сотрудников, они обладают следующими характерными особенностями:

1) ведущей единицей организации для проведения оценки выбирается рабочая группа или подразделение, в которой анализируется групповая работа человека, то есть во взаимодействии и сотрудничестве;

2) принимается к анализу не только успешное исполнение должностных обязанностей, но и перспективный аспект в виде способности и желания сотрудника к личностно-профессиональному развитию в рамках конкретной организации.

Управленческая культура проявляется в формировании зрелой и устойчивой мотивации к трудовой деятельности, является необходимой составной частью задач по совершенствованию научного управления развитием общественного производства и общества в целом, воспитания всесторонне и гармонично развитой личности [см.: 1; 4; 5; 7; 10]. Существует несколько типов труда, которые различаются количеством затрачиваемой энергии, в этом заключается суть энергетического метода. Но эффективность энергетического метода не всегда является достаточной. В таком случае его можно заменить психофизическим методом, который также применяется для измерения интенсивности труда человека.

Более простым является практическое применение социологического метода в процессе определения интенсивности труда. Уровень работоспособности, степень утомляемости в данном случае определяются посредством анкетирования, опросов или тестирования. Здесь очень важно грамотно подобрать методики исследования, периодичности его проведения и количества участников. «Чем большая доля работников предприятия будет задействована, тем более точным будет результат» [3, с. 189].

В российском представительстве всемирно известной корпорации «Макдональдс» аттестации человеческого ресурса придают большое прикладное значение. В данной компании в зависимости от стратегических, тактических целей и периодичности деловой оценки персонала выделяют следующие виды оценки:

1) первичная деловая аттестация персонала;

Такая аттестация осуществляется непосредственно после испытательного срока новых сотрудников, что позволяет принять решение руководителю о том, принимать данного кандидата на работу или нет. Если решение является положительным – стажера официально оформляют в штат организации и увеличивают денежную мотивацию на 20 % от того размера оплаты, которую получал стажер.

2) аттестация деловых качеств персонала промежуточного значения. Такая оценка производится с периодичностью раз в квартал с целью оперативного контроля работы сотрудников.

По итогам рассмотрения отечественного практического опыта оценки деловых качеств работников можно резюмировать:

– база системы аттестации на большинстве предприятий нашей страны – это стратегические ориентиры деятельности, основанные на долгосрочной стратегии организации;

– у аттестации есть цели проведения, которые можно конкретно измерить;

– HR-работа организаций активно применяет результаты проведенной оценки работников;

– для проведения аттестации составляется план, включающий всех сотрудников, независимо от их места в иерархии;

– по общему состоянию работы с персоналом в организации можно судить по тому, каким образом и как часто производится его оценка.

Вышеперечисленное свидетельствует о важности проведения деловой оценки, поскольку без нее не представляется возможной неразрывная комплексная система менеджмента в организации. При проведении деловой оценки работников необходимо совмещать все кадровые технологии, поскольку она не является самоцелью. Деловая оценка – это фундамент для реализации на практике работы с персоналом организации.

В современной социальной практике и управленческой деятельности используются различные методы мотивации. Основополагающими являются те методы, которые дают возможность удовлетворять с помощью работы потребности низших уровней. Однако нематериальные методы опираются также на ряд теорий философского и социального характера, в частности, большую роль в современных теориях мотивации играет понятие инструментального действия. Чем больше некоторое действие служит средством для достижения поставленной цели, тем выше его инструментальность для данной цели [9, с. 113]. Так, с учетом этого понятия В. Вроом предложил определять стремления человека к успеху в том или ином виде деятельности.

Современные методы мотивации подразделяются на денежные, неденежные, социальные, моральные и творческие. Также могут быть использованы индивидуальные и коллективные методы стимулирования.

Производительность труда представляет собой определенное число продукции, производимое сотрудником за фиксированный период времени. Результаты анализа социальной эффективности труда дают полную картину об эффективности работы предприятия, позволяют сравнивать его с конкурентами. Комплексный анализ позволяет установить причины низкой эффективности работы предприятия, определить степени влияния различных факторов на уровень социальной эффективности труда, выявить резервы повышения социальной эффективности труда, повысить качества коммуникации с персоналом и выбрать адекватные методы мотивации.

Резервы, за счет которых может обеспечиваться рост социальной эффективности труда в современной социальной практике, базируются на методах деловой оценки кадров, представляющих собой способы, при помощи которых исследуются профессиональные и личностные компетенции и показатели должностных позиций, а также степень выраженности их у сотрудника как носителя той или иной должности.

Выявление роли мотивации в формировании управленческой культуры оценки качества человеческого ресурса позволяет сделать следующие выводы:

1. Мотивация в общем аспекте анализа представляет собой процесс побуждения себя и других к определенной деятельности для достижения запланированных целей. Сама эффективность мотивации имеет связь с конкретной ситуацией; при этом мотивы профессиональной деятельности в настоящих условиях представляются более сложными и трудными для воздействия, чем в прошлом.

2. На основе анализа теорий мотивации возможно сделать выводы о том, что при выборе определенных способов мотивации сотрудников для достижения стратегических целей организации необходимо соблюдать следующие основные условия: принимать во внимание различия между сотрудниками, предлагать им интересную для них работу, ставить перед сотрудниками конкретные и понятные задачи, достигать того, чтобы данные цели воспринимались сотрудниками как реально достижимые, а кроме этого, согласовывать вознаграждение с производственными критериями сотрудника и осуществлять контроль соблюдения принципов справедливости в трудовой деятельности.

3. Система трудовой мотивации человеческого ресурса современной организации в общем аспекте анализа и применения на практике подразделяется на материальную и нематериальную [более подробно см.: 2; 5; 11]. В свою очередь, материальная мотивация включает в себя зарплату, а также различные денежные выплаты сотрудникам. Хотя она и представляется одной из самых результативных форм мотивации, при этом невозможно полностью достичь наивысшего уровня мотивации сотрудников при помощи выплаты только лишь заработной платы.

4. Оценочные мероприятия позволяют повышать ответственность работников за результаты своей деятельности. Стоит отметить систему, позволяющую оперативно оценивать работу сотрудников в соответствии с поставленными перед ними производственными задачами. В рамках данной системы применяется инструмент в виде опросников, кейсов и др. Необходимо повышать качество самого процесса профессионального развития, чтобы повысить его эффективность. Хорошо подготовленные преподаватели курсов профессионального развития – залог их успешного проведения, усвоения новых знаний и навыков обучающимися.

5. Для поддержания заинтересованности работников в результатах своей деятельности, повышения ее эффективности необходимо обеспечивать вовлеченность персонала. О вовлеченности сотрудника в производственный процесс свидетельствует его желание и готовность выполнять более обширный функционал, чем указано в должностной инструкции.

Список источников

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2016. 502 с.
2. Васильева М. Система управления персоналом в условиях внедрения инноваций // Управление персоналом. 2014. № 10. С. 26.
3. Глухенькая Н. М. Исследование кадровой политики организации: подходы, принципы, методы // Paradigmata poznání. 2014. № 3. С. 3.
4. Гусарова М. А., Тропынин А. Стратегия управления персоналом: понятия и классификация // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2015. № 7(июль). С. 32–7.
5. Ивановская Л. В. Стратегия управления персоналом // Кадровик. Кадровый менеджмент. М., 2016. 391 с.
6. Лапина А. В. Менеджмент и маркетинг. М.:Олма-пресс, 2018. 334 с.
7. Лукашевич В. В. Управление персоналом: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 311 с.
8. Опарина М. В. Философия управления. М.: Литера, 2021. 205 с.
9. Харский К. Ценностное управление для бизнеса. Политехника-Сервис. СПб., 2017. 482 с.
10. Юрочка Ю. Д. Стимулирование и мотивация – соотношение понятий и механизмов // Эксперт. 2020. № 3. С. 19–21.
11. Яковлев А. П. Система мотивации персонала. М.:Литера, 2019. 203 с.

УДК 930(091); 930(092)

https://doi.org/10.34130/9785876617408_113

Духовная безопасность личности в системе социальной и национальной безопасности

Ю. В. Кокарева, канд. филос. наук, доцент
Забайкальский государственный университет,
г. Чита

Аннотация. Духовная безопасность личности является объектом пристального внимания со стороны научных кругов и общественности. Сохранение традиционных духовных ценностей является залогом жизнеспособности личности и государства в целом.

Ключевые слова: социальная безопасность, духовная безопасность, национальная безопасность, глобализация

В современном мире вопрос духовной безопасности является одним из главенствующих. Само понятие духовной безопасности в общественных науках еще

не имеет до конца определённого содержания и концептуализации, однако его введение в научный оборот говорит о потребности российского общества в стабилизации во всех сферах жизни, которая может осуществиться в том числе и в процессе сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, менталитета народа. Вслед за религиозными деятелями и философами о важности духовного фактора в жизни общества заговорили социологи, а также политическая элита нашего государства.

Как правило, общество испытывает проблемы, связанные с духовным кризисом в переломные эпохи. Россия много раз переживала подобные кризисы, но каждый раз она с честью выходила из них благодаря сохранению в любой ситуации национального самосознания, личного достоинства, православной веры. Та ситуация, которую мы наблюдали в 1990-х годах, сильно подорвала духовную безопасность нашего государства в целом и остро отразилась на духовной безопасности личности. В первую очередь были подорваны традиционные культурные основы, которые привели к социокультурному расколу, духовной разобщённости российского общества. Ставшее модным отрицание собственной системы духовных ценностей и заимствование западной модели ценностей, увлечение различного рода нетрадиционными религиями, оккультизмом, восторг и преклонение перед всем иностранным поставило российское общество на грани жизни и смерти не только в духовном плане, но и в политико-экономическом отношении. Таким образом, вопрос обеспечения духовной безопасности личности и всего российского общества является одним из главнейших вопросов, поскольку, по нашему мнению, индикатором жизнеспособности любого социума является в первую очередь приверженность традиционным для него духовно-нравственным ценностям и духовный потенциал.

На современном этапе исследованием духовной безопасности занимаются такие российские исследователи, как П. Н. Беспаленко, С. М. Борисов, А. А. Возьмитель, А. М. Дмитраков, А. С. Запесоцкий, А. В. Коршунов, В. Н. Кузнецова, В. Н. Меньковский, С. Н. Соколова, В. М. Теребихин, Н. А. Хаустова, И. Чернова, И. Ячменникова. В качестве составной аксиологической части проблемы духовной безопасности рассматривают А. А. Возьмитель, Б. Л. Губман, П. С. Гуревич, Н. Загладин, Б. Мартынов, Г. Мусихин и др.

Проанализировав множество работ в данной области, наиболее интересными для нас являются те исследования, которые отмечают в качестве основной характеристики духовной безопасности её решающее влияние на жизнеспособность социума.

П. Н. Беспаленко определяет духовную безопасность как «качественную характеристику состояния общества в аспекте его духовно-нравственной и мировоззренческой состоятельности, потенциала базовых целей и ценностей, баланса

индивидуальных, групповых и социетальных интересов, функциональной согласованности политических институтов, идеологии и культуры» [1, с. 13]. Он считает духовную безопасность неотъемлемой частью национальной и общественной безопасности.

С. Н. Соколова выделяет важнейшие аспекты духовной безопасности личности. Во-первых, «именно личность становится средством для достижения целей, гарантирующих прогрессивное развитие техногенного общества» [4, с. 49]. Во-вторых, по мнению исследователя, необходимо сгладить агрессивное воздействие современного общества на личность путём замены «антиценностей на традиционные ценности, нравственную деятельность и социальные нормы» [4, с. 49]. Третий аспект важности изучения духовной безопасности личности состоит в том, что только при актуализации гуманистических принципов и аксиологических основ в развитии конкретного человека возможно поступательное развитие общества. С. Н. Соколова считает духовную культуру личности *сигмой безопасности* [4, с. 50].

Таким образом, современные исследователи обращают особое внимание на важность разработки самого понятия «духовная безопасность», а также выделяют в качестве сущностной характеристики её способность к консолидации общества и возможности его дальнейшего прогрессивного существования.

Духовная безопасность является одним из способов существования социальной системы, который гарантирует стабильное функционирование социума обществу как целостной социокультурной системе на основе ее культурного потенциала.

Современный исследователь А. А. Возьмитель отмечает несколько аспектов связи духовной безопасности с социальной безопасностью. В первом случае духовная безопасность понимается как «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства в духовной сфере от внешних и внутренних угроз» [2, с. 147]. Во втором значении духовная безопасность включена в Концепцию национальной безопасности и Доктрину информационной безопасности Российской Федерации. Современные исследователи отмечают первоочередную роль государства в обеспечении социальной безопасности, а также её прямую взаимосвязь с духовной безопасностью личности и общества в целом.

В современной российской социологии социальная безопасность изучается в рамках диатропической картины мира, которая утверждает «многомерность, полицентричность и изменчивость разных форм бытия» [3, с. 8]. Среди современных исследователей, внёсших большой вклад в изучение социальной безопасности, следует отметить Л. Г. Гусякову, С. И. Григорьеву, В. Н. Кузнецова, М. Б. Лига, Г. В. Осипова, А. Н. Сухова, Р. Г. Яновского. Концепция социальной безопасности, представленная доктором социологических наук, профессором М. Б.

Лига, наиболее четко отражает связь духовной и социальной безопасности, поскольку в качестве методологической основы использует интегративное ноосферно-социологическое осмысление социального благополучия, а социальную безопасность характеризует как «состояние социума, при котором обеспечена надёжная и всесторонняя защита личности, общества и государства в социальном пространстве от воздействия различного рода рисков, исходящих от природной, социальной, технологической реальности» [3, с. 11].

Рассматривая отношения таких понятий, как «духовная безопасность» и «национальная безопасность», можно с уверенностью сказать, что они обуславливают друг друга. С одной стороны, духовная безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности страны. Например, те явления, угрожающие национальной безопасности, которые мы наблюдаем в современной России, напрямую связаны с духовным кризисом общества (утрата ценностной роли семьи, увеличение разводов, рост преступности, увеличение числа социально значимых заболеваний и др.). С другой стороны, национальная безопасность служит гарантом духовной безопасности общества и личности. Так, отсутствие у человека уверенности в национальной безопасности может повлечь за собой девиацию молодёжи, различные рода фобии, снижение социального самочувствия людей.

Итак, понятие духовной безопасности переживает в настоящее время процесс становления. Уже сейчас можно с уверенностью говорить о том, что духовная безопасность напрямую связана с социальной и национальной безопасностью общества. Кроме того, понятие духовной безопасности напрямую связано с глобализационными процессами, происходящими в современном обществе. Особый геополитический статус России, находящейся на стыке Европы и Азии, заставляет взаимодействовать на протяжении множества столетий с различными культурными, политическими и экономическими системами, подчас враждебными друг другу. При этом Россия сохраняет суверенитет и национальную самобытность, стараясь обеспечить духовную безопасность личности в государстве. Большой пласт работ русских философов и социологов посвящен вопросу связи национальной безопасности государства с сохранением его духовной самобытности, а утрата духовных смыслов жизни расценивается мыслителями как национальная катастрофа и самоликвидация государства.

Список источников

1. Беспаленко П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институализации и модели решения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Ростов н/Д, 2009. 55 с.
2. Возмитель А. А. Духовная безопасность: социологический анализ // Мир России. 2006. № 2. С.147–159.

3. Лига М. Б., Павлова Н. С., Кимова С. З. Социальная безопасность: исследовательские стратегии: учебное пособие. М.: Русаки, 2012. 161 с.
4. Соколова С. Н. Духовная безопасность общества и культура современной личности // Вестник Полесского государственного ун-та. Серия общественных и гуманитарных наук. 2017. С.48–56.

УДК 069.02:7

https://doi.org/10.34130/9785876617408_117

**Идея человека в русском и советском изобразительном искусстве
(на примере выставок «Золотой век русского искусства. Живопись
и скульптура XVIII – первой половины XIX вв. из собрания
Третьяковской галереи» и новой экспозиции изобразительного искусства
Республики Коми «Коми: Человек. Ландшафт. Миф»)**

*Л. И. Кочерган, заместитель директора
по экспозиционно-выставочной работе
Национальная галерея Республики Коми,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос отражения идеи человека в изобразительном искусстве через понимание идеала человека в контексте России XVIII – первой половины XIX в. и Республики Коми второй половины XX в. на примере экспозиций Национальной галереи Республики Коми.

Ключевые слова: музейная экспозиция, изобразительное искусство, современная интерпретация, идея человека

Настоящее время характеризуется обостренным вниманием человека к самому себе, будь то экзистенциальные основы существования, возможности человеческого разума или проблемы личностной идентификации. Если в традиционном обществе изменения в социокультурном пространстве охватывали вековые периоды, то сейчас практически каждое новое поколение приходит в уже изменившийся мир. Музеи, как хранители культуры, в этих условиях способны создавать экспозиции с новыми интерпретациями культурного наследия. Современная парадигма музейной деятельности крайне заинтересована в исследовании воздействия экспозиций на мировоззренческие и этико-нравственные структуры человеческой личности.

Что касается отражения идеи человека в изобразительном искусстве, то в октябре – декабре 2021 года Национальная галерея Республики Коми предлагала осмотр двух выставок, каждая из которых имела свой подход в этом вопросе. Речь идет о выставке из собрания Третьяковской галереи «Золотой век русского

искусства. Живопись и скульптура XVIII – I половины XIX вв.» [1] и новой экспозиции изобразительного искусства Республики Коми «КОМИ: Человек. Ландшафт. Миф» [2]. Пространственно-временные характеристики представленного на них культурного наследия разводят экспозиции в более чем два века, отодвигая обе с точки зрения настоящего времени в историческое прошлое, ареал представляет собой Россию, суженную до Республики Коми в рамках второй половины XX века.

Критерием для сопоставления изложенной в образах людей идеи человека выберем достоинство: относясь к внутренним качествам человека, оно понятно и доступно для понимания самому широкому зрителю. Достоинство – как определение внутренней ценности человека и как выявление того, что оказывалось быть достойным в рассмотрении самого понятия человека и создании его художественного образа.

«Золотой век русского искусства» встречал посетителей шедевральным портретным рядом в исполнении Ф. С. Рокотова, Д. Г. Левицкого, В. Л. Боровиковского, Н. И. Аргунова, Ф. И. Шубина. Произведения заряжали экспозиционное пространство благородством и одухотворенностью, от них веяло статусностью, «блеском» исторических костюмов и мастерством создателей произведений. Парадокс, что портрет в те времена считался низшим жанром и художники, называя себя «портретными», испытывали чувство неловкости, а сегодня мы воспринимаем восемнадцатое столетие как век портрета. Произведения, время создания которых отличается десятилетиями, фактически создали единую идею достойного человека XVIII века, вложив в него передовые мысли эпохи.

Общественная мысль того времени восходила к силе государственности как гаранту, обеспечивающему установленный социальный порядок. Наивысшей доблестью было служение государству и императрице, что считалось равнозначным. Величие человека демонстрировал его репрезентативный образ, с подчеркиванием всех заслуг, с присутствием самой императрицы в виде скульптурного изваяния. Репрезентативность сменялась на приглашение к диалогу, если в качестве портретируемого выступал один из вольнодумцев просвещенного абсолютизма. Не меньше благородства излучали камерные портреты, присматриваясь к ним, каким-то неуловимым чутьем можно было почувствовать разницу осознания собственного достоинства представителями разных слоев общества. В целом благородство как совокупность нравственных черт характера стала идеалом человеческой красоты.

В зале I половины XIX века представление эпохи в лицах оказалось отодвинутом на второй план, портреты приковывали внимание не сразу, «растворившись» на фоне красивейших итальянских пейзажей, сюжетных картин; в зале ощущалось больше свободы, жизни, романтики, движения. В экспозиции нашли отражение две идеи, связанные с трактовкой красоты человека и его идеала (в

классическом искусстве, наверно, можно поставить знак тождества между этими двумя понятиями). Первую выразил А. А. Иванов, автор «Явления Христа народу». Работая над картиной, он сопоставлял и правил натурные зарисовки с канонами античных скульптурных форм: привнесение достоинства с античных образцов должно было придать статус вечности написанным художественным образам. Вторую – живописец С. К. Зарянко, учивший будущих художников верности натуре: он видел красоту в самом человеческом воплощении. Следует отметить, что искусство того времени было глубоко религиозным, произведения отражали красоту и достоинство Богом созданного мира, включая отдельно взятого человека.

Ракурсом, вводящим посетителя в тему изобразительного искусства Республики Коми, стал ГУЛаг, интерпретированный через тему Божественной истории, концептуально показанный как Голгофа России. Распятое чувство человеческого достоинства превращалось в силу духа, которая помогала сохранять человеческие качества в нечеловеческих условиях. Огромный Коми край с девственными лесами, суровым климатом и свободолюбивым населением (здесь даже не было крепостного права) не выбирал такой судьбы, но несёт покаяние все последующие годы. Дополнительным штрихом основной идеи вступительного раздела экспозиции стал небольшой блок произведений репрессированных художников и полная энтузиазма картина П. М. Митюшева «Строительство Печорской железной дороги» (дорогу на самом деле прокладывали заключенные). Понимание двух уровней правды в Советском Союзе сопровождает посетителя на всей экспозиции.

Идея советского человека разрабатывалась в рамках идеалистической концепции. Визуальный ряд зала «Освоение Севера» окружает нас множеством портретов и сюжетных картин, на которых изображены представители самых разных профессий, всех их можно назвать одним словом – созидатели. Самой главной темой в изобразительном искусстве стал труд. «Человек красив в труде», «труд делает его достойным» – это основные постулаты, заложенные в идею советского человека. Экспозиция рассказывает о развитии основных индустриальных отраслей: лесной и деревоперерабатывающей, угольной, нефтяной и газовой, геологоразведки и др. через образы людей. Суровая романтика и мужественные образы 1960-х – 1970-х годов меняются на темы экологии и более утонченную индивидуальность 1980-х, но суть от этого не меняется. Идея советского человека подчинена стремлению, как личному, так и общественному, сделать жизнь лучше: с этой целью индивид подчиняет своим нуждам природу, строит коммунизм, проявляет в себе самые лучшие нравственные качества, действуя в рамках официально принятой идеологии (той самой одной стороны правды жизни).

Сопоставление разделов «Освоение Севера» и «Традиции» ставит вопросы другого ракурса: какие изменения происходили во внутренней структуре личности у представителей местного населения – коми, когда регион стал активно заселяться уроженцами других территорий, как менялось на протяжении десятилетий отношение к традиционному социокультурному укладу, изначально считавшемуся незыблемым, в какое-то время устаревшим, а сегодня он бережно собирается в сохранившихся артефактах, – и это только начальное звено в цепи выявляющихся проблем. Несомненно, трансформация человеческой личности на протяжении XX века имела множество аспектов, связанных со сменой экономического уклада, научно-техническим прогрессом, новыми социальными отношениями, идеологией социализма, множеством других факторов, меняющих жизнь. И все же архаические представления коми о себе, как детях пармы, остаются частью менталитета современного человека – если не на уровне сознания, то в глубинах подсознательного. На уровень подсознательного уходит и родо-корневая принадлежность человека, отражающая его экзистенциальную связь с землей. Разрыв с традицией освобождает в человеке внутреннее пространство, заполнение которого стало бытийной проблемой, также восходящей к идее человека XX века.

В свете рассматриваемой темы невозможно не остановиться на архаических представлениях коми о себе и окружающем мире, отраженных в экспозиции раздела «Миф». Они во многом сходны с мифами других финно-угорских народов, в которых концептом Вселенной служит Мировое дерево: вертикальная ось мироздания создает бинарные оппозиции, через которые человек осознает любые параметры окружающего мира (добро-зло, жизнь-смерть, день-ночь и т.п.), тричность дерева – деление на крону, ствол и корневую систему – олицетворяет разные части мироздания: верхний (божественный), средний (человеческий) и нижний (хтонический) миры. Один из авторских взглядов, С. К. Тот, на универсальный космический порядок непосредственно связан с присутствием в нем человека. Автор разместила человека в стволе дерева – самом центре мироздания: человек, упираясь в нижний мир и касаясь головой верхнего, создает мировую ось. Тогда симметрия среднего мира становится отражением бинарных оппозиций его сознания, а мысли и поступки, направленные на благо жизни на земле, возносят его до верхнего из миров.

Таким образом, музейные экспозиции, интерпретируя культурное наследие, так или иначе представляют феномен идеи и представлений человека о самом себе, соотнося его, с одной стороны, с временным культурным пластом, с другой, – с современными реалиями понимания ушедшей эпохи. В настоящее время идет процесс формирования смыслов, критериев, ценностных ориентаций идеи человека XXI века.

Список источников

1. Золотой век русского искусства: живопись и скульптура XVIII – первой половины XIX века из собрания Государственной Третьяковской галереи: [альбом-каталог выставки в НГРК] / науч. ред., автор вступ. статьи Л. А. Маркина. М.; Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2021. 95 с.: ил.
2. Коми: Человек. Ландшафт. Миф: путеводитель / отв. ред. Н. Е. Плаксина; авт.-сост.: Н. Ж. Беляева, Л. И. Кочерган, О. В. Орлова, Н. Е. Плаксина. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2021. 16 с., 44 отд. л.: ил.

УДК 316.723

https://doi.org/10.34130/9785876617408_121

Паркур как практика освоения человеком социокультурного пространства

*Н. Л. Максимова, ст. преподаватель
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В данной статье анализируются особенности паркура как практики, нацеленной на поиск эффективных способов взаимодействия человека с современной социокультурной средой.

Ключевые слова: паркур, субкультура, городская среда, телесность, препятствие

Освоение человеком современного социокультурного пространства происходит в различных направлениях. С одной стороны, мы обнаруживаем действие тенденции к виртуализации общества, которая множит практики, связанные с «замещением реальности ее симуляцией / образом» [3, с. 19] (например, киберпутешествия и т. п.). Обратной стороной возможностей, которые обретает человек, погружаясь в виртуальную реальность, оказывается ослабление или даже потеря контакта с реальной действительностью, нарастание разного рода иллюзий, не подтвержденных жизненной практикой.

С другой стороны, следует выделить практики, которые в противовес этому демонстрируют ценность физического присутствия человека в мире и оптимизируют его опыт непосредственного взаимодействия с динамично меняющейся социокультурной средой. Столкновение человека с реальными, а не мнимыми препятствиями и барьерами повышает цену ошибочных действий (боль, опасность и т. п.), однако потенциально развивает осознанность поведения и социальную ответственность. Примером подобной практики, к анализу которой мы обратимся в рамках представленной работы, является паркур.

Паркур (от фр. parkour, искаженное от parcoure, parcoure du combattant – дистанция, полоса препятствий) – искусство перемещения и преодоления препятствий, как правило, в городских условиях. Однако паркур – это нечто большее,

чем просто «система физического передвижения из одной точки в другую за минимум времени с сохранением максимума энергии, без применения вспомогательных средств» [5]. Дисциплина, изначально призванная сформировать сильного и полезного обществу человека с развитыми физическими и морально-волевыми качествами, стала трактоваться ее последователями как стиль жизни и особая философия.

Действительно, подобный взгляд на паркур небезоснователен. По мнению ученых, «трейсеры (то есть люди, которые занимаются паркуром) на телесном уровне, в движении «осознают» ключевые коды постмодерной эпохи. <...> Помимо определённых физических навыков трейсеры приобретают способность по-другому воспринимать пространство, которое их окружает, а в дальнейшем – по-другому смотреть на мир в целом» [2]. В результате в современных зарубежных исследованиях данная практика рассматривается в контексте вопросов взаимодействия человека с публичным пространством, деконструкции и даже «взлома» городских структур⁴. В свою очередь, мы предлагаем раскрыть особенности освоения трейсером социокультурного пространства в контексте ряда ключевых для осмысления человеческого бытия дихотомий: природное – культурное, телесное – духовное, рациональное – эмоциональное, утилитарное – эстетическое.

Природное – культурное. Паркур ассоциируется в основном с передвижением в условиях урбанистической среды, которая является для обитателей «каменных джунглей» вполне привычной и воспринимается ими как нечто естественное, как некая данность: «Мы перепрыгиваем с одного здания на другое, потому что архитекторами были созданы города, но если бы мы жили на деревьях, мы бы перепрыгивали с дерева на дерево, домом нам служили бы скалы, и мы бы передвигались от одной скалы к другой» [1]. Разница между антропогенным и природным ландшафтом оказывается достаточно условной, в связи с чем ценностное содержание, приписываемое тем или иным культурным объектам, часто игнорируется [4].

Телесное – духовное. Любая практика, предполагающая осознанную работу с телом, ставит своей целью не только физическое развитие, но и раскрытие внутреннего потенциала личности. Для трейсера, который использует в процессе передвижения только собственное тело, элементы городского ландшафта (скамейки, бордюры, деревья, лестницы, стены, парапеты и др.) не являются самоценными, а рассматриваются лишь как низкие или высокие препятствия, которые нужно суметь обойти или преодолеть с минимальной затратой ресурсов. Препятствия в паркуре – это не то, что нас ограничивает и чего следует избегать: «Препятствия словно зеркала. Это работа над самим собой, когда ты остаешься

⁴ См.: Atkinson M. Parkour, Anarcho-Environmentalism, and Poiesis // Journal of Sport and Social Issues. 2009; 33(2): 169-194; Mould O. Parkour, the City, the Event // Environment and Planning D: Society and Space. 2009; 27(4): 738-750; Vaizoglu Z. Hacking urban space: Parkour and squatting. İzmir Ekonomi Üniversitesi, 2014.

с собой один на один» [1]. В результате они в метафизическом смысле становятся своеобразной точкой роста, предоставляющей трейсеру возможность «знакомства» с самим собой, обретения внутренней и внешней свободы.

Рациональное – эмоциональное. Последователи паркура во многом стремятся отмежеваться от любителей экстремальных видов спорта, получающих острые эмоциональные ощущения за счет чрезмерного и часто необоснованного риска. «Для меня очень важно настаивать на том факте, что паркур – это не спорт сорвиголов, которые прыгают по крышам зданий, готовые рисковать, чтобы себя выразить», – отмечает основоположник практики Давид Белль [1]. Безопасность, эффективность и простота, выступающие в качестве т. н. аксиом паркура, задают рациональную направленность поведению трейсера. При этом первичной в данном случае является не столько математическая точность расчетов, сколько органичность совершаемых действий, основанная на реализации своего потенциала самым естественным образом.

Утилитарное – эстетическое. В основу паркура изначально закладывается установка на практическую применимость навыков трейсера: «Паркур – это тяжелый спорт, дисциплина, которая должна нести что-то с собой, быть полезной. Он существует не для того, чтобы быть красивым, но для того, чтобы быть эффективным» [1]. Между тем именно визуальная привлекательность, зрелищность паркура оказываются на данный момент более востребованными. Коммерческий успех и внешняя, эффектная сторона паркура в условиях массовой культуры привлекают к движению большое количество подражателей, не всегда понимающих его глубинные ценности и эпатазирующих публику трюковыми элементами. Многие молодые люди, стремясь идентифицировать себя с супергероями (Суперменом, Человеком-Пауком и др.), популяризуют результаты своего рискованного поведения с помощью фото- или видеосъемки. Подобное смещение акцента в сторону артистических жестов, создающих иллюзию сверхвозможностей человека, становится небезопасным. По точному замечанию Д. Белля, «паркур – это не метод тренировки для того, чтобы стать супергероем. Это дисциплина, которая <...> помогает нам превзойти себя, трансформироваться физически и ментально, но не делает из нас марсиан» [1].

Таким образом, в рамках паркура как телесной практики осуществляется попытка эффективно адаптироваться к современной социокультурной среде. Способность физически по-новому воспринимать социокультурное пространство, в которое включен человек, предоставляет ему возможности уже на ментальном уровне обходить различного рода жесткие структуры, снимать привычные ограничения, вырабатывать готовность к преодолению внешних и внутренних препятствий и вызовов. Подобная практика развивает осознанность поведения, способствует возвращению человека к реальной действительности и, как следствие, к самому себе.

Список источников

1. Белль Давид. Паркур. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=271107> (дата обращения: 10.12.2021)
2. Зарипова Д. Психологи КФУ: паркур – это новая социальная философия. URL: <https://teacher21.kpfu.ru/psihologi-kfu-parkur-eto-novaya-sotsialnaya-filosofiya/> (дата обращения: 10.12.2021)
3. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
4. Максимова О. Л., Максимова Н. Л. Культурный «паркур»: артефакты на перекрестке ценностных миров // Человек – Культура – Социум в начале XXI века: сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции VI Ялтинские философские чтения «В поисках ВНЕ-модернизма (к 90-летию со дня рождения Юргена Хабермаса)». 21–22 ноября 2019 г. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. С. 118–121.
5. Недоруб С. Паркур как культура будущего. URL: <http://www.wolfreactor.ru/?p=595> (дата обращения: 10.12.2021).

УДК 172

https://doi.org/10.34130/9785876617408_124

Игровые стратегии власти в современных постапокалиптических и антиутопических голливудских кинопроектах

*С. А. Маленко, д-р филос. наук, профессор
А. Г. Некита, д-р филос. наук, профессор
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород*

Аннотация. На примере голливудских фильмов антиутопического характера анализируется эволюция агональных, трофических и иных биополитических стратегий современной массовой культуры.

Ключевые слова: американский фильм ужасов, антиутопия, агональная культура, тоталитарная власть, медийный консюмеризм

Прошлые и особенно современные кинематографические антиутопии Голливуда особенно интересны демонстрацией проективного видения и опытом массовой трансляции негативной диалектики настоящего и будущего. Проводя своего рода экстремальный темпоральный эксперимент над массовым зрителем, эти фильмы вскрывают наличные социальные противоречия и, опираясь на биографические и психоисторические реконструкции, пытаются определить специфику их будущей трансформации в общецивилизационные тренды.

Так недавняя голливудская медиафраншиза «Голодные игры» представляет один из интереснейших проектов такого рода. В ней остро схлестывается ре-

флексия по поводу опасности современных социальных процессов, трансформирующихся в контексте эволюции агональной культуры, навязываемой «властным дискурсом» [3, с. 52]. Западный тип потребительского общества был «искусно смоделирован» [4, с. 200], а потому совершенно закономерно привёл массы к идее «цивилизации досуга», в которой потребление понимается уже не столько как простое «изведение» материальных ресурсов в традиционной форме, сколько полагается в качестве бесконечной траты свободного времени.

Ещё К. Маркс в XIX веке справедливо указывал, что лишь только увеличение доли времени, свободного от производства материальных предметов, выступит главным критерием освобождения человека от традиционных, насильственных форм господства над ним. Современный консьюмеристский капитализм в корне переосмыслил эту идею, превратив свободное время из неформального способа организации повседневности в комплекс новых институциональных форм изощренной эксплуатации индивидов, «с помощью которых идеологически проектируется разметка будущей социальной среды» [1, с. 88].

Уже сегодня досуг стал необычайно доходной культурной индустрией и одновременно жестокой технологией повсеместного разрушения традиционной повседневности, окончательно утвердив призрачность свободы в подобных моделях социальной коммуникации. В этом контексте опыт анализируемой франшизы оказался чрезвычайно продуктивным, поскольку он продемонстрировал необычайную эффективность фатальной «игры на жизнь» как изощренной технологии властной сублимации неформальной и свободной повседневности в зрелую институциональную практику тотального контроля за жизнью индивидов и их сообществ.

Игра с ее открытым мифосимволическим сценарием всегда опирается на самодетельное творчество человека и позволяет ему раскрыть неизведанные стороны своей натуры. Жестокий эксперимент «Голодных игр» превращает игру в новую форму коллективного принуждения к реализации властных приоритетов. Консьюмеристский формат свободного времени дает власти новый ресурс управления человеком. Интересен и сюжетный ход такой трансформации: игра становится формой тоталитарного контроля за человеком за счет придания ей исключительно биотической мотивации. Искусственно создаваемый дефицит пищи заставляет население в модели «Голодных игр» беспрекословно следовать властному принуждению. Зацикливая голод и игру, антиутопическая власть производит и медийно апробирует новый инструмент социального управления, масштабы использования которого поистине потрясают. По крайней мере, С. Коллинз, создательница литературного прототипа франшизы, отталкивается от того, что реализация подобных управленческих задач превращает весь социум в подобие концлагеря, где за каждым индивидом закреплены строго определённые функции.

Таким образом, в современном мире ужасные антиутопические стратегии Голливуда превратились в непосредственного «агента социального действия» [2, с. 132]. Они жестко фатализируют социальную уязвимость угнетённых и подчинённых слоёв населения – жертв политических стратегий тоталитарной власти, которая с помощью игровых спекуляций и медийного консьюмеризма любой ценой стремится удержать народ под неусыпным физическим и духовным контролем.

Из «вечной» социально-политической и экономической проблемы голод, нищета и разруха превращаются в главные символы властной мифологии и стратегии переключения внимания населения с насущных проблем в плоскость искусственно создаваемых и насаждаемых игровых ситуаций экстремального характера. В голливудских фильмах этой направленности демонстрируются драматизм индивидуальных и групповых коллизий, связанных с необходимостью принудительного отправления идеологизированных ритуалов игрового соперничества человека с властью за возможность дальнейшего существования и поддержания индивидуальной или же общенациональной иллюзии социальной стабильности.

Список источников

1. Маленко С. А. От «Final Girl» к единственной Великой Матери: Голливудский хоррор и стратегии постгуманизма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 87–96.
2. Некита А. Г. «Голод как фактор социальной эволюции: идеология игровых страданий и смерти в голливудской франшизе «Голодные игры» // Человек. Культура. Образование. 2020. № 1 (35). С. 131–143.
3. Шевченко О. К. Этнократия в условиях межэтнического пограничья (стратегии понимания «русинского вопроса» в западных исследованиях XX в.) // Вопросы истории. 2020. № 4. С. 52–60. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202004Statyi04>
4. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново: Ивановский гос. химико-технологический ун-т, 2009. 232 с.

УДК 316.4

https://doi.org/10.34130/9785876617408_126

Аксиологические ориентации различных поколений в социокультурном пространстве Арктики (на примере Архангельской области)⁵

*Т. А. Бlynская, канд. сельскохозяйств. наук,
старший научный сотрудник*

⁵ Работа выполнена при поддержке РФФИ грат № 20-011-00016 «Влияние межпоколенных различий ценностных ориентаций населения Арктической зоны Российской Федерации на экономическое развитие её территорий».

*К. О. Малинина, канд. социол. наук,
заведующий лабораторией
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
им. академика Н. П. Лаврова Уральского отделения РАН,
г. Архангельск*

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования по межпоколенной дифференциации ценностных ориентаций жителей Архангельской области. Методологическая база исследования опирается на теорию поколений Н. Хау и У. Штрауса.

Ключевые слова: Арктика, социокультурное пространство, ценности, теория поколений, межпоколенные различия

Социокультурное пространство представляет собой конструируемую человеком пространственную среду (физическое и ментальное выражение организации пространства). Именно человек, его социальные связи образуют социокультурное пространство как специфическую пространственно-временную целостность [3].

Ключевое понятие в социокультурном пространстве – «культура». Ядром культуры является социокультурный код. Профессор Е. А. Попов рассматривает социокультурный код как понятие, характеризующее бытие человека, но в то же время раскрывающее мир вокруг него – различные пространства [4]. Одной из важнейших функций социокультурного кода исследователи определяют воспроизводство духовно-консолидирующего потенциала в регионе.

Социальный заказ арктических регионов сегодня значительно расширяет набор первоочередных функций социокультурного кода, который можно использовать для актуализации целевых программ и учитывать при разработке, прогнозировании и научном сопровождении новых проектов.

Важной особенностью социокультурной ситуации в России является то, что при наличии исключительно мощного фундамента духовной культуры российского социума происходит постепенная утрата наработанных ценностей, новые не образуются или присутствуют в искаженном виде, зачастую заимствованные или социально деструктивные. В этом состоянии ценностной переориентации цели и ценности конкретного человека, населения региона устойчивы и непротиворечивы настолько, насколько они упорядочены на социальном, на индивидуальном уровне [1].

Методологическую основу нашего исследования составила теория, разработанная Р. Инглхарт и К. Вельцелем [2], суть которой в том, что предваряющим условием общественно-политической и экономической модернизации является трансформация ценностных ориентаций большей части населения. Система цен-

ностей, по мнению ученых, достаточно устойчива в рамках жизни одного поколения, а потому имеет смысл отслеживать изменения исходя из различий между поколениями.

Смена поколений в большинстве российских моделей для XX–XXI веков базируется на схеме смены поколений в теории Н. Хау и У. Штрауса, изложенной в работах «Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069» (1991), «The Forth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny» (1997), «Millennials Rising: The Next Great Generation» (2000).

В своих исследованиях мы использовали следующие возрастные рамки:

- Беби-бумеры ВВ (55 и старше);
- Поколение X, Неизвестные, или Кочевники (40–49 лет);
- Поколение Y, Миллениалы (27–36 лет);
- Поколение Z, Зумеры (18–25 лет).

На основе теории поколений нами был разработан инструментарий, позволяющий выявить параметры системы ценностей жителей Арктической зоны РФ, принадлежащих к разным поколениям.

Полученная в результате интервьюирования социальная информация обрабатывалась в программах QDA Miner и Microsoft Excel с целью проведения качественно-количественного анализа материалов.

При анализе результатов глубинного интервьюирования были выявлены следующие тенденции в характеристиках аксиологических ориентаций жителей арктических территорий Архангельской области:

В сфере семейных отношений: представители старших поколений (ВВ и X) по большей степени характеризуют свои отношения в семье как доброжелательные и стабильные. Большая часть представителей поколения Y отмечает, что их семейные отношения улучшились со временем. Вспоминая о своем детстве, подавляющее число опрошенных охарактеризовали свое эмоциональное состояние как в целом счастливое, несчастными в детстве себя ощущали те, чье детство и юность пришлось на 90–е годы.

В сфере образования и профессиональной деятельности: представители как самого старшего (ВВ), так и самого младшего поколения (Z) сразу после окончания школы вышли на работу. Большая часть опрошенных представителей поколения Z совмещают работу с учебой.

В сфере досуга: большая часть респондентов отмечает наличие хобби, наибольшее разнообразие форм проведения досуга характерно для поколения Z. Спорт или фитнес, чтение и встречи с друзьями лидируют в списке времяпрепровождения у всех возрастных когорт. Во всех возрастных когортах большинство респондентов отметили, что свободного времени и финансов для проведения досуга вполне хватает.

В сфере жизненных планов: половина из опрошенных представителей самого старшего поколения (ВВ) не строят планов о переезде. Те же, кто хочет переехать, объясняют это в основном тем, что хотят перебраться поближе к родственникам и друзьям. Отсутствие желания переехать связано, по большей части, с налаженным бытом и устоявшимся кругом общения, а у молодого поколения (Z) – с желанием в ближайшей перспективе завершить своё образование. Переезд в другой регион планируют большинство респондентов поколения Y, больше половины из них выбирают для переезда другой регион, чаще всего звучащие города - Москва и Санкт-Петербург. Среди причин возможной миграции наиболее озвучиваемые во всех поколениях – суровый климат, интерес к месту потенциальной иммиграции, периферийность места проживания.

В сфере отношения к политической жизни страны: наиболее выраженный интерес у представителей старшего поколения (ВВ), поколения X и Y демонстрируют умеренный интерес к политике, поколение Z слабо интересуется политикой. Интерес к политике по большей части выражается в пассивной форме – люди следят за политическими событиями.

В сфере проблем страны: на первом месте для представителей каждого поколения - проблемы экономики. Второе место заняли проблемы неэффективности государства, загрязнения окружающей среды (поколения X, Y, Z) и коррупции (поколения X, Y, ВВ). На третье место информанты вывели проблему социального неравенства.

Список источников

1. Бобылева Н. И., Рыбак Е. В., Цихончик Н. В. К вопросу об изучении социокультурного потенциала населения Архангельской области как приарктической территории // Арктика и Север. 2012. № 7. URL: <https://narfu.ru/university/library/books/2567.pdf>
2. Инглхарт Р., Вельцель К М. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
3. Орлова Е. В. Социокультурное пространство: к определению понятия // Манускрипт. 2017. № 7 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-prostranstvo-k-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 18.10.2021).
4. Попов Е. А. Социокультурная ситуация в современном регионе и муниципальном образовании: социально-экономическая, национально-культурная, духовно-консолидирующая и этносоциальная специфика. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_362.html (дата обращения: 18.10.2021).

УДК 172

https://doi.org/10.34130/9785876617408_129

Нейтрализация биотических и социальных рисков в голливудских постапокалиптических и антиутопических сценариях

А. Г. Некита, д-р филос. наук, профессор

*С. А.Маленко, д-р филос. наук, профессор
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород*

Аннотация. Антиутопические сценарии переосмысления политики всегда актуализируют смыслы взаимодействия государства, общества и индивида, а прямое физическое принуждение дополняются «мягкими» механизмами социального контроля.

Ключевые слова: американский кинематограф, антиутопия, биотизация социального управления, индивидуальное и социальное тело, зомби

Кино с самого момента его возникновения сразу же стало актуальным способом осмысления насущных социокультурных проблем. Наиболее острыми среди них всегда были и остаются деструктивные процессы, связанные с социальной коммуникацией. Освоение их причин сегодня стало предметом не только научного, но и художественного изучения в авангарде которого и по сей день остается Голливуд, который, по мнению А. Юсева, «всегда был рефлексией идей, фантазий и страхов американцев, а не только того, что называется мейнстрим. Современный американский кинематограф демонстрирует нам странный сплав мифов прошлого [...], страхов перед будущим [...] и дискомфорта настоящего [...]». Вот, собственно, это и есть образ Америки, в который погружается “средний американец”, покупая билет в кино» [2, с. 6–7].

Неуверенность американского зрителя по отношению к настоящему все чаще трансформируется в ужасные образы будущего, которые стараниями массового кино становятся все более популярными и востребованными. Эта тенденция во многом обусловила трансформацию классического голливудского фильма ужасов в полижанровые кинополотна, удачно сочетающие элементы боевика, мелодрамы, киберпанка и постапокалипсиса. Какие же образы ищет современный зритель в связи со своими предощущениями ужасного будущего? Поскольку речь идет об антиутопическом фильме, то это, прежде всего, визуализация кошмарных ожиданий надвигающейся общецивилизационной катастрофы. Груз накопившихся социальных проблем оборачивается предчувствием краха уже не столько традиционных форм человеческой коммуникации, сколько фундаментальных связей человека со всем окружающим миром.

Природа и ее витальный потенциал в голливудском антиутопическом кино хорроризируются как минимум в трех аспектах. Во-первых, как разрушение экологии человеческого организма, визуализируемое в образах умирающих и разлагающихся тел, либо в сюжетах об оживших мертвецах и зомби, не столько символизирующих миф о цикличности рождения и смерти, сколько повествующих

о вечно мертвых и забытых поколениях, неотступно преследующих сознание современников. Они фактически игнорируют опыт предшественников, а затем и агрессивно отрицают его. На языке кино это визуализируется в ничем не ограниченных кровавых и жестоких убийствах, совершаемых почти механически. Участвовавшие появления зомби на экранах символизируют вечное возвращение социального опыта, который должен быть освоен каждым поколением для воспроизведения хотя бы иллюзии социальной целостности.

Второй важный момент касается соматической коммуникации как основы любых социальных взаимодействий. Противоречия, накапливающиеся в этой сфере, закономерно оборачиваются полным крахом «социального тела», либо его отдельных «органов», однажды утративших ощущение функциональной взаимосвязи.

Третий аспект относится к трагедии разрушения биосферы. Человек, вооруженный современными технологиями и тысячелетним опытом самоотчуждения, уже в XX веке ярко продемонстрировал масштаб возможных планетарных катастроф, спроектированных по произволу частных и корпоративных интересов. Голливудская постапокалиптическая антиутопия – это полномасштабная визуализация технологии властной сублимации культурного потенциала человека в жесткие биотические сценарии внутри и межвидовой коммуникации. Этой практике придается уже не столько антропологическое, сколько политико-идеологическое звучание, превращающее ее в доминирующую стратегию реализации моделей социального управления как в настоящем, так и в будущем, в моральный урок «для населения, отвлеченного от традиционных американских ценностей» [4, с. 243].

Американский антиутопический фильм ужасов последовательно обнуляет экзистенциальный опыт человечества и находится в авангарде ревизии традиций не только европейской, но и мировой культуры. Голливудская антиутопическая модель биовласти формирует «идеологические медиаторы мультикультурализма» [3, с. 41], разрушает культурные традиции и исторический опыт, конструирует и продвигает антропологическую и социокультурную сингулярность человеческой особи в ее противостоянии отчужденному социуму, а периодически накапливающаяся «интоксикация» киноужасом компенсируется иллюзией американской геополитической гегемонии. Голливудский кинематограф становится медийным рупором биотической трансформации политики, а фильм ужасов превращается в наиболее эффективную модель визуализации этих антиутопических технологий. Американская визуальная хоррор-культура антиутопического толка, стремящаяся доминировать «над ключевыми регионами земного шара» [1, с. 75], эффективно вытесняет потенциал агрессии внутри страны, превращаясь в прибыльную пропагандистскую технологию формирования и продвижения гло-

бального политического патомифа. Он последовательно воспроизводит преимущественно физиологические мотивы коммуникации индивида с окружающим миром, пропагандирует идейную доминанту биологически сильной особи как антиутопический фундамент социокультурной коммуникации постчеловеческого типа.

Список источников

1. Шевченко О. К. Методологические перспективы исследования понятия «власть» в русском цивилизационном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 75–83. <https://doi.org/10.17223/15617793/435/10>
2. Юсев А. Ю. Кинополитика: Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. М.: Альпина Диджитал, 2017. 300 с.
3. Malenko S. A., Nekita A. G. Horror films in unconscious anthropological strategies of biopower // Anthropological Measurements of Philosophical Research. 2018. № 13. P. 41–51. DOI: 10.15802/ampr.v0i13.122984.
4. Moreno E. T. A nightmare on Elm street: a cultural nightmare difficult to escape // BRUMAL. Revista de Investigación sobre lo Fantástico Investigación sobre lo antástico. 2016. V. IV. № 2. P. 227–246. DOI: <https://doi.org/10.5565/rev/brumal.220> (дата обращения: 14.10.2021).

УДК 572

https://doi.org/10.34130/9785876617408_132

Жизненный мир локальных сообществ и его социально-гуманитарное измерение

*М. В. Ненашева, канд. филос. наук, доцент
Северный Арктический федеральный университет
им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск*

Аннотация. В статье актуализируется понятие «жизненный мир». На примере локальных сообществ показывается важность возвращения к опыту духовного бытия человека в условиях кризиса постиндустриального общества.

Ключевые слова: локальные сообщества, жизненный мир, опыт, человек

В истории гуманитарных наук и прежде всего философии обращение к жизненному миру человека стало возможным благодаря «антропологическому повороту» и актуализации темы человека. Сегодня необходимость исследования жизненного мира человека связана с переходом к постиндустриальному обществу, формированием сообщества нового типа и поиском ответов на глобальные политические, экономические, социальные и экологические вызовы [2].

Сама идея концептуального осмысления человека является весьма сложной и неоднозначной задачей. Вплоть до середины прошлого столетия человек рассматривался с позиции инструментализма, как часть окружающего природного мира и двигатель прогресса. При таком подходе смысловое и духовное бытие человека оставалось за скобками, а субъект становился не более чем винтиком в «машине» по производству общественных благ.

На протяжении многих веков философия, литература, искусство, религия предлагали различные инструменты преодоления кризиса человеческого существования и возможности для созидания нового бытийного измерения личности. Однако до сих пор фундамент для актуализации внутреннего потенциала человека так и не создан. Даже идеи гуманизма и отказ от прагматического подхода к человеческой жизни себя исчерпали и оказались неработоспособными применительно к реалиям современного мира.

Как известно, человек живет не просто в среде, а в мире, который является единством объективно существующей природной, социальной реальности и духовной жизни самого человека. Это единство образует жизненный мир человека, который является интегральной характеристикой бытия человека, задает координаты и способы его существования, определяет формы человеческого поведения и взаимодействия в социуме, а также дает возможности для адекватного реагирования на внешние вызовы.

Понятие «жизненного мира» (нем. *Lebenswelt*) было подробно рассмотрено Э. Гуссерлем, а в дальнейшем получило развитие в феноменологии, экзистенциализме и других направлениях философии XX века. Так, например, для А. Шюца, жизненный мир – это социальная реальность, в которой разворачиваются различные способы взаимодействия и коммуникации между людьми [6].

Мир разворачивается в повседневном опыте человеческого существования. Опыт – это прежде всего способ духовного освоения жизни. Его характерными чертами являются целостность, взаимосвязанность, осмысленность, непрерывность, изменчивость. При таком подходе человек перестаёт быть внешним наблюдателем, потому что внешний мир есть в том числе опыт личной экзистенции.

Для жизненного мира характерно определенное пространственное устройство, то есть деление на сферы, регионы, локалы, события [5]. Для нашей статьи остановимся на жизненном мире локальных (местных) сообществ. Как целостная подсистема локальные сообщества являются частью общего социума и представляют собой совокупность отдельных субъектов, для которых характерны особая социальная самоорганизация, идентичность, единство и высокая степень доверия. Устойчивость местных сообществ к глобальным вызовам (экономическим, политическим, экологическим) обуславливается наличием особой жизнестойкости, которая делает местные сообщества социально сильными и позволяет им со-

противляться глобализации [4]. Эта жизнестойкость заключается в опыте и традициях жизнедеятельности, особых формах социальности и духовности, понимании местоположения человека в жизни, которые создают условия для существования человека. Человек в локальных сообществах жив и силен миром.

Таким образом, жизненный мир человека можно рассматривать в трех плоскостях: как окружающая нас природная среда (природный мир), как пространство взаимодействия с другими людьми (социальное пространство) и как внутренний мир человека (духовный мир человека) [1]. Особенностью пространства жизненного мира является то, что оно напрямую связано с опытом бытия отдельной личности и интерсубъективностью, а именно взаимодействием и взаимовлиянием его субъектов. Изучение жизненного мира локальных сообществ позволяет прийти к пониманию онтологических и гносеологических особенностей бытия как отдельного человека, так и сообществ, частью которых он является.

Список источников

1. Дрегалю А.А. Социокультурная динамика социального пространства Севера: монография / Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск: САФУ, 2017. 252 с.
2. Иноземцев В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С.140–152.
3. Кузмин А. А. Гносеологические модели понимания жизненного мира человека // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Т. IX. 2017. Теория культуры и жизненный мир человека // Институт философии РАН, Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории / под ред. Ю. М. Резника. М.: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2017. 304 с.
4. Ореховская Е. В. Перспективы локальных сообществ в постиндустриальном обществе. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 82–87. DOI: 10.17223/15617793/437/12
5. Резник Ю. М. К топологии жизненного мира человека. Идея региональной дифференциации // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Т. IX. 2017. Теория культуры и жизненный мир человека // Институт философии РАН, Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории / под ред. Ю. М. Резника. М.: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2017. 304 с.
6. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003. 390 с.

УДК 74

https://doi.org/10.34130/9785876617408_134

Формирование образа Р. И. Пименова средствами экспозиционного и графического дизайна (по итогам экспозиции «Три времени и девять пространств»)

*А. Н. Стрельченко, студент 2-го курса магистратуры
А. В. Лянцевич, канд. искусствовед.,*

Аннотация. В статье описана работа над экспозицией, посвящённой личности диссидента и талантливого учёного Револьта Ивановича Пименова. Выставка проходила в «Револьт-центре», культурном общественном пространстве, названном в его честь. В статье отмечены основные художественные приёмы, использованные в оформлении пространства, а также раскрыта их смысловая ценность. Описан композиционный замысел разделения пространства на зоны и их функциональность. Подведены итоги работы по изучению биографии Револьта Ивановича Пименова и поиску художественного образа средствами дизайна.

Ключевые слова: экспозиционный дизайн, визуальное искажение пространства, художественный приём, популяризация

Револьт Иванович Пименов – советский математик, историк, участник диссидентского и правозащитного движения в СССР, народный депутат РСФСР (1990) – внес значимый вклад не только в науку, но и в общественную жизнь Республики Коми. Он создает отдел геометрии и топонимики в ссылке в Коми филиале Академии наук, в дальнейшем становится основателем сыктывкарского отделения «Мемориала».

В честь талантливого деятеля названо культурное пространство «Револьт-центр», где 7 марта 2021 года состоялось открытие экспозиции «Три времени и девять пространств», посвященной идейному вдохновителю центра.

В экспозиционном пространстве представлены три временных периода жизни учёного: детство и юность, зрелые годы, когда он совершает научные открытия мирового уровня и одновременно становится диссидентом, и последние годы Револьта Ивановича Пименова. Девять пространств – это сферы его увлечений и отражение жизненных ценностей.

Ведущим увлечением Револьта Ивановича являлась математика и космология, поэтому концепция оформления выставки о его жизни в первую очередь построена на визуальном искажении пространства. Геометрия пространства представляет образ личности Револьта Пименова и в то же время является художественным приёмом, который позволяет с помощью цветовых акцентов образовать композиционный центр и объединить пространство зала в единый образ.

Посещая экспозицию, посетитель в первую очередь должен видеть цельную картину, построенную из чётких геометрических фигур, которые по мере прохождения в глубину зала будут искажаться и трансформироваться на отдельные смысловые образы. Также это является метафорой и самой личности Револьта Пименова: с одной

стороны, с чёткой и рациональной оболочкой, а другой – с нестандартным внутренним миром. Сама хронология его жизни представлена линейно и организована вдоль одной стены. Также её сопровождают текстовые блоки, размещённые на полу, что дополнительно преломляет пространство и свидетельствует о неразрывности и объёмном значении слова в жизни Револьта Пименова.

Так как он был импульсивной и яркой личностью, ведущим колористическим решением для оформления экспозиционных стен был выбран оранжевый – как цвет свободы и смелости, который формирует эмоциональное воздействие на посетителя. Револьт Иванович не раз был осуждён за диссидентскую и правозащитную деятельность. Вся его жизнь – это борьба за свободу и справедливость. Последним его сроком была ссылка на Север в пгт Краснозатонский под Сыктывкарком.

В пространстве зала размещен арт-объект в виде фигуры Револьта Ивановича в полный рост. Для создания такого решения была использована фотография с нанесением графического изображения. Она была дополнена vareжками с этническим орнаментом, что означает принадлежность к пребыванию на Севере, а также на лице добавлена иллюстрация «горящие щёки», что делает образ максимально дружелюбным для зрителя. Фигура формирует геометрический знак, который, словно «тень прошлого», падает на стены и колонну зала.

На полу часть знака служит подиумом для посетителя, подиум также может выполнять функцию сцены.

Пространство разделяется на две части: образную и информационную. Все основные экспонаты и архивные фото размещены на стене по левую руку от входящего. Они должны создавать непрерывный визуальный ритм.

Документальные фотографии размещены на фанерных щитах разной толщины, а также прикрепляются непосредственно к стене зала.

Экспозицию дополняют условные космические знаки и образы: звёзды, спирали, круги, которые усиливают в пространстве динамику.

Дополнительным объёмным элементом на стене служат небольшие квадратные ячейки, на которых располагаются книги из архива Револьта Ивановича.

В экспозиции присутствуют несколько конструкций витринного типа. Несложные деревянные стойки с колпаками из оргстекла. Они стилистически «поддерживают» настенные навесные полки. На них располагаются архивные файлы и личные предметы Револьта Ивановича Пименова: печатная машинка, шахматы, документы и письма.

На одной из стен размещены телевизоры с накладными коробами из фанеры. На них запущены архивные видеозаписи. Также с помощью наушников посетители выставки могут услышать, каким был голос Револьта Ивановича.

Человек, попадая в выставочный зал, совершает виртуальное «путешествие» по жизни Револьта Пименова. Экспозиционное решение направлено на ощущение погружения во внутренний безграничный мир личности.

Проект получил множество отзывов от людей из разных сфер. Сын Револьта Пименова – Револьт Револьтович – в целом позитивно отозвался об экспозиции, но сделал несколько конструктивных замечаний по поводу деталей, которые оказались не совсем аутентичными личности Револьта Пименова. Например, он отметил, что полочки с книгами выглядят слишком «аккуратно», так как «у отца был шкаф из неотёсанных досок, «совершенно неэстетичный, но абсолютно функциональный».

Были положительные отзывы от людей из творческих сфер. Это несколько художников из разных городов страны, представители экспозиционного, среднего и графического дизайна. Один из преподавателей Лапландского университета также положительно отозвался о представленной работе.

По итогам экспозиции была создана книга о жизни Револьта Ивановича Пименова, чтобы сохранить материал, отобранный для выставки в печатном формате. Выбор тканевой обложки с тиснением и фольгированием, а также фактурной плотной бумаги – в стилистике графической советской традиции. Наполнение книги по стилистике и цветовому решению поддерживает концептуальный образ выставочного пространства.

В рамках создания экспозиции также была создана и сувенирная продукция, которая поможет популяризировать выставочное пространство и вызвать интерес к науке у молодого поколения.

УДК 7.04

https://doi.org/10.34130/9785876617408_137

Человек как Идея: трансформация образа человека средствами изобразительного искусства

*А. В. Денисова, ст. преподаватель, член Союза художников
регионального отделения РФ*

*Т. Н. Сердитова, ст. преподаватель
СГУ им. Питирима Сорокина
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос построения учебного процесса творческой специальности, который направлен на изучение человека как натурального объекта, начиная с анализа его анатомической структуры до решения художественного образа личности.

Ключевые слова: учебный процесс, идея, решение образа, трансформация образа

Основной темой и главным предметом искусства является Человек. Человек – сложное, неоднозначное, противоречивое создание, познавая которое, мы познаем себя. Искусство может представить человека формально, а может как образ, который существует лишь в творческом воображении художника.

Студенты на протяжении всех лет обучения на творческой специальности учатся создавать собирательный образ человека с целью отобразить в нем и через него свои идеи и понимание тех или иных явлений действительности. Такие образы не являются простым восприятием внешнего облика людей, послуживших моделями, а выступают обобщением определенных черт и сторон личности, несущим заданное художником, автором или преподавателем содержание, представляя определенный тип личности в законченном художественном произведении.

Человек многогранен: совершенство физической красоты модели и его физиология, сплетаясь с богатством проявления его внутреннего мира, духовности, творческих способностей автора, его социального опыта, все создает этот уникальный результат в трансформации образа в творческой работе.

Программа обучения в вузе выстроена так, чтобы на первых этапах обучения студенты могли изучить суть образования формы в пространстве, начиная с простых форм и переходя к более сложным, комбинированным. И это как раз и отсылает нас к классической академической школе рисования и живописи. На первых курсах эталоном в изучении изображения человека является античное, классическое искусство. Большая точность в изучении и изображении простых геометрических форм, воздушной и линейной перспективы, законов светотени, тонкая проработка являются первым этапом перехода к более большой и сложной задаче, к человеку как к объекту.

Работая с гипсовыми моделями, студент постепенно переходит к каноническому изображению гипсовой головы человека, изучая образы идеализированных богов, героев. А затем к изображению римских моделей, в которых уже заметны индивидуальные черты личности в портрете, их характер, возрастные особенности, что также является ступенью перехода к изображению живой модели, с его особым характером.

На этом этапе главным становится изучение анатомических особенностей человека, погружение как в форму в структуру человека (изучение скелетного каркаса, мышечного экорше, рисование частей лица и тела человека, отработка умений технической передачи в материале фактуры, цвета, тона внешних особенностей моделей).

В отношении живописного процесса к анатомическим знаниям, перспективе и базовым умениям добавляется цвет, тон и живописная фактура, усиливающие многократно эмоциональное состояние образа Человека. Символическая

нагрузка цвета, гармонические сочетания цветов, их интеграция в создании образа и колорита модели создают уникальное прочтение студентом учебной задачи, поставленной педагогом.

В новых условиях образовательного процесса, на старших курсах при работе с живой моделью студентам необходимо более быстрое решение сложных задач. Не просто документальное визуальное фиксирование формы, как это было ранее, когда на старших курсах усложнялась только форма и подача композиции, при классической академической работе с моделью. Сейчас создание образа модели, через костюм, психологический портрет, интерьер и среду человека иногда даже без человека подразумевает более глубокий подход. Также параллельно решаются и междисциплинарные связи. На таких предметах, как художественный текстиль, керамика, спецрисунок, печатная графика, проектирование средовых объектов, во всех сферах работы, образ и значение индивидуальности человека как идеи выходит на первый план. Причем не только образа изображенного, но и образа, характера самого автора работы. Человек теперь представлен скорее как мера пространственного акцента, как его центр, создающий и образующий законченную композицию.

Трансформация образа, его стилистическое звучание – это шаг к выявлению и определению творческого языка каждого студента. В совокупности взаимодействия преподавателя с его творческим и человеческим опытом и студента как носителя ценностей молодого поколения создают общую картину материальной и духовной жизни прошлого и настоящего человечества.

Таким образом, учебный процесс на протяжении многих лет показывает, что «человек во все времена был и остаётся самым сложным и содержательным объектом изобразительного искусства» [2]. А в условиях динамики современного мира, в жизни обучающихся все происходит здесь и сейчас, быстрый поиск новых решений в реализации профессиональных компетенций является итогом взаимодействия личности преподавателя и ученика.

Список источников

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / пер. с англ. В. Л. Самохина; общ. ред. В. П. Шестакова М., Прогресс, 197. 392 с.
2. Киселева Н. Е. Человек – многогранный источник творчества художника // Молодой ученый. 2017. № 8 (142). С. 404–410. URL: <https://moluch.ru/archive/142/39909/> (дата обращения: 12.11.2021).

УДК 177.9; 316.647.5; 316.75

https://doi.org/10.34130/9785876617408_139

Парадоксы толерантности

Е. Г. Тонкова, канд. филос. наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, заложенные в самой природе понятия толерантности, разбираются парадоксы толерантности, а также приводятся некоторые варианты их решения.

Ключевые слова: толерантность, парадокс толерантности, границы толерантности, горизонт толерантности

В бесконечных современных баталиях, идущих и в средствах массовой информации, и в политических дебатах, и в виртуальном пространстве соцсетей, рефреном звучит апелляция к вольтеровскому принципу равенства мнений, причем требование уважать право другого на свое мнение всегда адресуется лишь к визави, вовсе не обязательно подразумевая обоюдность. Действительно ли уважать следует абсолютно любое мнение, а если нет, то как определить, где должен проходить рубеж, отделяющий допустимое от недопустимого, и как обеспечить вновь установленную норму? Все эти вопросы, по сути, ставят задачу определения границ толерантности.

Приписываемая Вольтеру фраза – «Я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать» – выражает суть толерантности: не только допущение простого факта существования инаковости, но и признание ее равенства, равновеличия моему собственному мнению (а через него и бытию), каковыми бы они ни были. Но этот же принцип имеет и обратную сторону, создавая фундамент для парадоксов толерантности. Первый из них **парадокс «внутреннего» свойства**: толерантность в чистом виде адресована не просто мнениям, отличным от нашего, но таким, которые понимаются нами как в корне неверные, ошибочные, а следовательно, неприемлемые. В силу невозможности принимать неприемлемое горизонт толерантности сжимается в точку, а само понятие получает пустой объем [4, с 25].

В поисках выхода понимание толерантности может расширяться, вбирая в свое содержание какие только возможно формы терпимости, включая и активное принятие, и пассивное безразличное согласие в отношении существования любых различий [2]. Но чем шире становится понятие, тем более размытым – его содержание, и слабым – его значение.

С другой стороны, возникает второй парадокс – **парадокс равенства участников**: толерантность, призванная устанавливать эгалитарные отношения между сторонами, на деле предполагает некое имплицитно патерналистское разрешение существовать или присутствовать в общем поле, данное субъектом толерантности ее объекту. Патернализм и волюнтаризм проявляют себя в том, что толерантность как будто связывает не двух равных субъектов в общий акт взаимного

принятия, но субъекта и объекта, где одному отводится активная роль судьи и распорядителя, а другому – роль пассивного просителя, ожидающего в свой адрес милосердного разрешения [7, с. 440]. Преодоление этого парадокса может потребовать, к примеру, различения практических и моральных оснований для принятия решений, где практическая мотивация апеллирует к личной пользе, в то время как моральная – к общей, а также различение моральных и политических оснований, при несовпадении которых приоритет должен отдаваться процедурно-правовым формам перед политическими или ценностно-нормативными [3, с. 332–335].

Еще один, обратный первому, парадокс – **парадокс границ толерантности**: можно ли быть толерантным к нетолерантности или же следует допустить, что у принятия инаковости должны существовать определенные пределы, поскольку, по выражению М. Б. Хомякова, «допущение морального зла не может быть моральным благом» [5, с. 104]? Иными словами, вся область нетерпимого разделяется на зону относительно нетерпимого и нетерпимого абсолютно: никогда, ни при каких обстоятельствах и условиях. И, как следствие, если подобные границы допускаются, то не превращают ли они толерантность в ее противоположность или же, иначе говоря, не обесмысливается ли сама идея толерантности при допущении, что ее природа априорно не универсальна, по крайней мере в данный исторический момент?

Эти вопросы были подняты К. Поппером в его работе «Открытое общество и его враги» с отсылкой к Платону и высказанному им парадоксу свободы, который увязывал увеличение свободы с необходимым ее же ограничением: чем больше свободы требуется одному, тем меньше ее остается у остальных. Также и «неограниченная терпимость должна привести к исчезновению терпимости. Если мы безгранично терпимы даже к нетерпимым, если мы не готовы защищать терпимое общество от атак нетерпимых, терпимые будут разгромлены» [1, с. 328].

Здесь сразу задается несколько этических маркеров. Во-первых, нетолерантное встраивается в ряд плохого, злого, социально вредного. Во-вторых, в противовес принципу ненасилия Л. Толстого, допускается необходимость активного действия по защите толерантности. Как следствие, толерантное должно отстаивать свое пространство, существуя в определенных пределах. В силу того, что в горизонт толерантности включается все больше и больше идей и сообществ, границы толерантности должны расширяться, сжимая при этом пространство нетолерантных мнений и практик. На деле же нетолерантное, по определению, существует «с кулаками» и обладает качествами искаженной рациональности, то есть слышит только свои собственные доводы, которые активно защищает и продвигает. Поппер считает, что если доводы разума в нетолерантном сообществе не будут восприниматься – а они чаще всего и не воспринимаются, – то, объявляя

«вне закона все движения, исповедующие нетерпимость», мы «должны провозгласить право подавлять их в случае необходимости даже силой» [1, с. 329].

Понимая, что допущение использования принуждения для отстаивания границ толерантности не снимает самого парадокса, Поппер предлагает введение такого социального контроля, который должен быть основан на принципе взаимности: общество терпит всех, кто готов на ответную терпимость, а задача государства – обеспечить механизмы для подобного паритета позиций.

Перевернув этот тезис, можно получить новое утверждение: не готовых демонстрировать терпимость общество терпеть не обязано, но в каких формах позволительно проявлять нетерпимость к нетерпимости? И как установить, что именно нетерпимо? Горизонт толерантности, согласно Попперу, очерчивается большинством. Иначе говоря, определение морально допустимого и недопустимого дается через призму идеи демократического большинства, которое только и устанавливает, что будет приемлемо в данном обществе, а что нет. И такой количественный подход представляется скорее прагматическим, чем рациональным и морально обоснованным [6; 8].

Современное общество активно демонстрирует подавление нетолерантности, используя доступные ему механизмы, к примеру культуру отмены (*cancel culture*). Однако подобные механизмы, основанные на принципах исключения (*exclusion*) и избегания (*shunning*), обладают неоднозначной моральной природой: бойкотируют и «отменяют» не мнения, а его носителя – человека, по сути, тем самым обезличивая его и отказывая ему в праве быть понятым (как в ситуации с Дж. Роулинг), равно как и в возможности изменить свою позицию. Еще одной формой противодействия нетолерантности выступает деятельность организаций и течений, направленная на расширение горизонта толерантности. Однако насколько допустима агрессия их активистов, априори нарушающая принцип равенства участников коммуникации? Иными словами, насколько допустимо отступление от норм уважительного общения по отношению к носителям нетолерантных мнений? И не будет ли отказ от этих норм также и отступлением от толерантности?

Возможным выходом из круга парадоксов, предлагаемых разными авторами, можно считать перевод обсуждения толерантности как явления из нормативно-этического дискурса в процессуально-прагматический, где толерантность предстает не самостоятельной ценностью или моральной добродетелью, а одним из способов (или средств), построения равноправного (справедливого) общества [4]. Снятию внутренних противоречий может способствовать и перевод фокуса терпимости с мнений и позиций на их носителей. В таком случае толерантность не будет требовать признания ценности чужих принципов и мнений, которые могут быть чуждыми или неприемлемыми для конкретного человека, но будет

предполагать уважительное отношение к людям, для которых эти мнения и принципы ценны. Однако при этом работает принцип редукции одного понятия к другому: толерантность подменяется уважением.

Полностью преодолеть внутреннее напряжение, заложенное в самом понятии, ни современная политическая философия, ни социальная наука пока не смогли, равно как и нет такой рациональной шкалы или инструмента, который бы позволил четко очертить горизонт толерантности как пространство позиций, допустимых в современном обществе, в противовес позициям однозначно неприемлемым. Парадоксальность природы толерантности имеет варианты разрешения, но все они ограничены определенными концептуальными рамками.

Список источников

1. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ. Под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива, 1992. С. 26.
2. Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, 2000.
3. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. М., 2001.
4. Хомяков М. Б. Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал. 2011. №. 2. С. 25–33.
5. Хомяков М. Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. №. 4. С. 98–112.
6. Bastiaan R. Popper's Paradox of Democracy // Think, 2012. Vol. 11. 32. Pp. 93–96. Doi:10.1017/S147717561200019X
7. Thomassen L. The Inclusion of the Other? Habermas and the Paradox of Tolerance // Political Theory. 2006. Т. 34. №. 4. Pp. 439–462.
8. Walker B. John Rawls, Mikhail Bakhtin, and Praxis of Toleration // Political Theory, 1995. Vol. 23. № 1. February. Pp. 101–127.

УДК 782.1

https://doi.org/10.34130/9785876617408_143

Структура дискурсивного поля российской оперы

А. Г. Фильштинская, аспирант

*Научный руководитель: В. И. Ильин, д-р социол. наук
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья представляет собой анализ структуры дискурсивного поля оперы путём определения иерархии агентов дискурса и границ социокультурного поля российского оперного сообщества с целью определения механизмов его формирования.

Ключевые слова: дискурс, опера, дискурсивное поле, социокультурное поле

Дискурсивное поле является разновидностью социокультурного поля, строящегося вокруг дискурса, которое оказывает влияние на определение реальности и, как следствие, на поведение субъектов дискурса, агентов дискурсивного поля. Взаимодействие участников поля между собой ведёт к созданию организационных форм, оказывая влияние на участников дискурса и на структуру дискурсивного поля, обозначая законы, по которым оно существует и как следствие приводит к институционализации дискурсивного поля.

Дискурсивное поле оперы в силу специфики дискурса обладает ярко выраженной структурой и иерархией агентов поля. Дискурсивное поле оперы формируется на основе оперных произведений, взаимосвязано с их исполнением и поэтому формируется преимущественно вокруг деятельности оперных институтов, а именно - театров. Так как в силу особенностей исполнительских видов искусства, чтобы стать непосредственным участником дискурса, необходимо личное присутствие в момент исполнения произведения с целью его восприятия, агенты дискурсивного поля оперы должны входить в личное взаимодействие с институтами, то есть посетить оперный спектакль.

В иерархии дискурсивного поля главенствуют основоположники традиции, за которыми следуют лидеры-интерпретаторы, активисты, приверженцы и, наконец, попутчики [10, с. 70].

Основоположниками традиции в данном поле являются композиторы и либреттисты, то есть авторы музыкальных текстов, на основе которых другими агентами поля создаются объекты дискурса - оперные постановки, являющиеся результатами интерпретации произведения, учебные материалы, рецензии. Таким образом, основоположники традиций в данном случае лишь создают базу для дальнейшего появления объектов дискурса.

За создание объектов дискурса, а именно оперных постановок на основе изначальных утверждений (музыкальных произведений) в дискурсивном поле оперы отвечают лидеры-интерпретаторы, к которым относятся постановщики: режиссёр, дирижер, художники, то есть те, кто занимаются непосредственно авторской интерпретацией оригинального музыкального материала и его последующей передачей остальным участникам дискурсивного поля.

Активисты сами не приносят в дискурс новых суждений, но отвечают за развитие поля, его структуру, взаимодействие между агентами внутри поля. Активисты привлекают в дискурсивное поле новых агентов, содействуют продвижению агентов по иерархической лестнице. Активистами могут являться авторы, исполнители, театральные критики.

Приверженцы являются частью дискурсивного поля, однако не имеют собственной позиции и ждут мнения активистов для участия в дискурсе. Приверженцами в дискурсивном поле оперы выступают зрители, которые транслируют мнение активистов, а также – работники театров.

Попутчика легко отличить от других агентов дискурсивного поля, так как он не владеет категориальным аппаратом, а его интерес к объекту дискурса является поверхностным либо временным. Попутчиками дискурсивного поля оперы являются зрители, наёмные работники театра и те, кто случайно оказался в непосредственной близости от поля.

Говоря о структуре дискурсивного поля оперы, отметим признаки, позволяющие говорить о целостности данного поля по Ильину:

- воспроизводство общности категориального аппарата;
- поддержание границ дискурсивного поля;
- наличие дискурсивного древа в качестве каркаса;
- потеря логической стройности дискурса на границе поля;
- силовой характер поля;
- тенденция к институционализации и формирование дискурсивных сообществ [10, с. 65].

Столь специфическая область искусства как опера подразумевает понимание субъектами дискурса семиотической системы оперного спектакля и культурного контекста, позволяющего ориентироваться в произведениях. Так, воспроизводство общности категориального аппарата (то есть создание семиотических систем, употребляемых только внутри данного дискурса) происходит непосредственно в профессиональной среде, именно там формируются своеобразные законы восприятия оперы.

Вербальная коммуникация между субъектами в центре дискурсивного поля оперы будет включать в себя профессиональный театральный сленг, термины сольфеджио, итальянский язык. Агенты, занимающие более низкие позиции в иерархии поля, в формировании негласного катехизиса оперы не участвуют, они принимают правила, заданные агентами, которые занимают места ближе к ядру дискурса.

По мере удаления от ядра к границам дискурсивного поля, агенты вовлечены в дискурс в меньшей степени, а их взаимное влияние друг на друга и на поле ослабевает. На самой периферии дискурсивного поля располагаются попутчики, субъекты, случайно попавшие в поле. Попутчиков, которые имеют хоть и слабое, но всё же какое-то представление о дискурсе, отделяет от агентов, не включен-

ных в дискурсивное поле, граница поля, за которой начинается зона полного непонимания, в то время как попутчики все-таки находятся в зоне ограниченного понимания.

В силу геолокализации дискурсивного поля оперы (теряющей, впрочем, свою актуальность с развитием стриминговых технологий за время пандемии), связанной с физическим местоположением его институтов, границы поля могут совпадать с реальными геополитическими границами, отделяющим регион, в котором есть оперный театр, от региона, где данное искусство не развито.

Наличие дискурсивного древа в качестве каркаса обеспечивает целостность дискурсивного поля оперы. Так, стволом дискурсивного древа оперы можно считать оперные произведения признанных классиков, таких как Пуччини, Верди, Моцарт, Россини, Чайковский, Бизе. Данные произведения можно, применяя терминологию М. Фуко, определить в качестве утверждений, базовых высказываний, на которых строится дискурс. В дальнейшем дискурсивное древо разветвляется на различные постановки, редакции, переводы, аранжировки, оркестровки и так далее, на всевозможные вариации исходного музыкального материала и, собственно, более поздние произведения.

Потерю логической стройности дискурса на границе поля можно объяснить не только отсутствием воспроизводства общности категориального аппарата на периферии дискурсивного поля, но и длиной цепочки, по которой информация передается от основоположников традиции к попутчикам. В случае с оперным дискурсом попутчиками поля являются субъекты, которые не знакомы в достаточной степени непосредственно с базовыми высказываниями дискурса, то есть с оперными произведениями.

Дискурсивное поле оперы относится к контактному полю непосредственного взаимодействия людей. Без понимания законов жанра и знания базовых суждений попутчик не имеет шансов стать участником поля. Таким образом, становится заметен силовой характер поля: попадая в социокультурное пространство оперы, агент дискурса осваивает законы восприятия оперного жанра и категориальный аппарат по мере вовлечения в дискурсивное поле, так как иначе лишен возможностей взаимодействия.

Театр в качестве перформативного искусства относится к категории дискурсивных полей, порождающих особую социально-психологическую надындивидуальную реальность. Зритель ощущает себя частью единого целого, растворяется в зрительном зале, теряет своё «я» на время спектакля, так же как и другие участники представления. Создающаяся общими усилиями сценическая иллюзия замещает собой реальность, несмотря на очевидную нереалистичность.

Принадлежность к дискурсивному полю оперы оказывает влияние на самоидентификацию участников данного поля, что является причиной вхождения новых агентов в него. Элитарность жанра позволяет участникам поля причислять себя к интеллигенции, демонстрируя свою принадлежность к данному дискурсивному полю, чтобы обозначить свой статус.

Тенденция к институционализации дискурсивного поля оперы отчасти обусловлена спецификой объекта дискурса. Появление театров оперы и балета и других институтов было вызвано стремлением лидеров-активистов расширить дискурсивное поле с целью вовлечь в оперный дискурс большее количество участников, расширить зрительскую аудиторию и увеличить число агентов.

Дискурсивные сообщества, формируемые в социокультурном пространстве оперных театров, – распространенное явление. В силу специфики оперы дискурсивное поле является сложнодоступным и потому сближает участников дискурса между собой. Поскольку большую часть дискурса формируют именно работники оперных театров, нередко встречаются целые театральные династии, так как общий интерес в столь узкой профессиональной области части ведёт к формированию семей, а дети оказываются с рождения активно вовлечены в дискурсивное поле в силу его уже упомянутого силового характера.

Таким образом, можно заключить, что дискурсивное поле оперы в России существует, общность его категориального аппарата воспроизводится, а границы поддерживаются. Дискурсивное поле оперы обладает определённой структурой и соответствует параметрам, позволяющим определить его в качестве контактного. Данное поле обладает достаточным количеством агентов, взаимодействие которых ведёт к установлению ярко выраженной иерархической системы. Это позволяет говорить о необходимости дальнейшего изучения дискурсивного поля оперы в России, анализа механизмов его существования, развития и взаимодействия с другими полями.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. 2-е изд. М.: Флинта, 2009. 416 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс [Раздел книги] // Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Батталова А. Р. Дискурсивное поле: структура и категории (на примере дискурсивного поля христианской культуры) // Вестник Башкирского университета, 2015. Т. 20. С. 1299–1302.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
5. Бурдые П. Социология социального пространства / ред. Н. А. Шматко. СПб : Алетейя, 2007. 288 с.
6. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

7. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
8. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики (извлечения) [Раздел книги] // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. / авт. книги В.А. Звегинцев. М.: Просвещение, 1964. 496 с.
9. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. 672 с.
10. Ильин В. И. Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008. 446 с.
11. Красина Е. А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика, 2016. Т. 20. С. 91–102
12. Муратова Е. Ю. Дискурсивная составляющая поэтического текста // Вестник МГОУ. 2012. С. 11–14.
13. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

УДК 291.1

https://doi.org/10.34130/9785876617408_148

Священное пространство: опыт концептуализации феномена с учетом сущностных тезисов о человеке

А. С. Худяев, м. н. с.

*Центра сравнительного религиоведения и этносемиотики
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск*

Аннотация. Статья в кратком виде отражает последовательный субстанциональный, функциональный и субстратный анализ феномена священного пространства. Отдельным подспорьем для этого становится обращение к истинам философско-антропологического характера. Формируются основания целостной концептуальной модели, призванной способствовать методологически-осознанному выбору и совокупному анализу религиозных фактов в исследовании сакральных ландшафтов отдельных культур.

Ключевые слова: священное пространство, человек, культура, дискретное, континуальное

Научная деятельность помимо очевидного прикладного значения в жизни человека неизменно обнаруживает свою направленность к открытию истин и моделей фундаментального (созерцательно-теоретического) характера. В случае с гуманитарными дисциплинами движение по такому вектору всегда в конечном счете стремится к разрешению главного вопроса о человеке. В этом контексте особое внимание привлекает наука о религии, исследования в области которой, согласно М. Элиаде, более, чем иные, «способны проложить путь философской антропологии» [16, с. 39–40].

Феноменология религии (как раздел религиоведения с наиболее ярко выраженным фундаментальным генерализирующим характером) в выполнении этой миссии имеет дело с сущностным прояснением и типологизацией религиозных феноменов, созидает категориальный аппарат для анализа конкретных реалий жизни *homo religiosus*. При этом некоторые из ее понятий, как, например, отмеченное в названии данной статьи «священное пространство», до сих пор страдают от отсутствия общепринятого и ясного концептуального уточнения, оставляя читателей научных текстов обреченными на интуитивное и самостоятельное понимание их содержания [19, с. 364].

Как представляется, термин «священное пространство» не случайно удержался в научном дискурсе. Вероятно, спецификой самой природы человека и логикой развертывания знания о нем этой категории уготована неизбежная ниша. В этой связи кажется целесообразным не оставлять попытки заполнить пропасть между смутным пониманием сакрального пространства как общего религиозного феномена, о котором можно интуитивно мыслить и говорить отдельно, и сложным континуумом религиозных фактов, методологически-осознанному выбору и совокупному анализу которых должна способствовать выработка по возможности ясной концептуальной модели. Отдельным подспорьем в этом деле может стать отказ от одностороннего индуктивного стремления религиоведческих исследований в сторону философско-антропологическим выводов и хотя бы частичное включение обратной дедуктивной стратегии, подразумевающей использование наиболее общих идей и высказываний о человеке в анализе религиозных феноменов.

Порядок выработки концепции священного пространства может быть определен в соответствии с трехчастной структурой сущностного анализа религии в целом [1] и включать в себя субстанциональный, функциональный и субстратный анализ.

Начнем осуществление первого с артикуляции предельно очевидного положения о том, что феномен священного пространства принадлежит сфере религии, является ее составляющей частью. «Религия, – по известной формуле П. Тиллиха, – есть субстанция культуры» [14, с. 266]. В то же время Э. Шарп рассуждает иным образом и вносит в субстанциональный анализ третий – антропологический компонент. Согласно австралийскому ученому, как религия, так и культура «сделаны из одного человеческого материала» [21, р. 21]. Если учесть, что суть человеческого очень часто прямо сводится к культур-созидающей деятельности [16, с. 130], то упомянутую формулу П. Тиллиха все-таки следует читать обратным образом: «Культура – есть субстанция религии». Исходя из такого

отношения, при прояснении субстанциональных оснований священного пространства следует обратиться к области сконцентрированных на пространственной проблематике культурологических исследований. С точки зрения последних, «каждая культура создает свои так или иначе репрезентированные образы пространства» [8, с. 62]. К их функционированию, как представляется, и следует свести бытие сакрального пространства с оговоркой на то, что речь идет о культурах (субкультурах) именно традиционного (архаического) типа, выделение которого базируется на религиозном восприятии мира.

Священное пространство как геокультурный образ, взятый в единстве процессов воображения и репрезентации, может рассматриваться на трех «онтологических» уровнях: как эмоционально окрашенный феномен индивидуального сознания; как унифицированный и семантизированный объект социальных представлений; как совокупность доступных эмпирическому восприятию и пространственно оформленных фактов своего выражения. Эти три уровня могут быть интерпретированы как корреляты трем составляющим семиотического треугольника Г. Фреге (денотат, сигнификат, материальная форма знака) [6]. Исходя из сказанного, придерживаясь принципа методологического агностицизма (Н. С্মарт) [13] и избегая односторонних онтологических решений, следует остановить субстанциональный анализ на утверждении о том, что сакральное пространство есть образование семиотического порядка и «сделано», образно говоря, из семиосферного «материала».

Определившись с субстанцией, можно переходить к форме. Здесь берет начало функциональный анализ, который направлен на выявление внутренней структуры понятия, отличающей сакральное пространство от других типов явлений, имеющих под собой ту же семиосферную субстанцию. Сама религия, частью которой является исследуемый феномен, наиболее редуцированным образом определяется как «отношение человека к сакральному» [5, с. 348]. Интерпретация понятия сакрального в рамках знания о религии имеет достаточно громоздкий, категориально разнородный и в малой степени унифицированный характер [18, р. 7; 12, с. 129]. Однако для решения наших задач следовало бы найти максимально общий и краткий набор категорий, через использование которых может быть емко описана суть сакрального в целом и священного пространства в частности. В поисках такого набора мы вновь поднимаемся на уровень философско-антропологических обобщений.

Синтезируя некоторые высказывания, можно говорить о том, что своеобразие человека определяется его промежуточной позицией между компьютером, который обрабатывает информацию в рамках четкого кода [2, с. 66], и животным,

которое размыто в мире «как вода в воде» [3, с. 56]. В отличие от этих двух полюсов человек одновременно вбирает в себя и дискретный, и континуальный способ духовного существования [2, с. 74]. Не имеющий аналогов опыт осмысления самых заметных концепции сакрального в контексте этой оппозиции (выражающей «основополагающий механизм человеческой культуры») ранее был представлен в книге С. Н. Зенкина [9]. На этот же подход следует ориентироваться при выявлении сущностной основы исследуемого нами феномена. Согласно классическим построениям М. Элиаде, священное пространство есть результат прорыва абсолютно подлинной сакральной реальности в однородный аморфный континуум, образования первоначальной «точки отчета», организующей «космос» и выносящей «хаос» на пространственную периферию, за которой закрепляется противоположный сакральному профанный статус [17, с. 22–47]. Знакомство с некоторыми критическими дополнениями к этой теории со стороны Дж. З. Смита [22], а также идеями Ж. Батая [3] и Р. Жирара [7] наталкивает на несколько иную модель. Согласно ей качество бесформенности и континуальности не изгоняется на периферию, а концентрируется в самом сакральном объекте. Таким образом «душа обретает в предмете гнездо беспредельности» [4, с. 166], а «репрезентированная обезразличенность в конце концов предстает как важнейшая отличенность» [7, с. 82]. Первоначальная континуальность, будучи локализованной, оборачивается в своем концентрированном виде монолитной тайной, «черным ящиком», на долю которого без лишней критики может быть отнесено любое явление в жизненном мире религиозного человека. Тем самым организуется и гармонизируется целостный космос, в котором нет ничего случайного и необъяснимого. Именно с этой важнейшей функцией «последней инстанции», надежной «точки отсчета» связано стремление самоорганизующейся культуры выносить священное за пределы какого-то профанизирующего, лучше сказать, дробящего и фальсифицирующего контакта или влияния со стороны человека. Образование упорядоченной дискретности путем локализации первоначальной континуальности, на наш взгляд, составляет форму того корневого «математического уравнения», области «переменных» которого в качестве вторичных и более изменчивых эпифеноменов могут занимать многообразные мифологические образы-объекты, а также привязанные к ним культурные значения и чувственные коннотации, в совокупности своей конституирующие священные пространства отдельных культур.

Традиционные (архаические) социумы посредством ритуала создают и поддерживают свои неповторимые сакральные ландшафты. Понятие сакрального ландшафта синонимично сакральному пространству, но выделяется за счет того,

что делает исходный акцент на эмпирическом (конкретно-историческом) плане связанных с ментальным освоением мира семиотических процессов. Именно на этом уровне удобнее осуществить субстратный анализ, направленный на выявление элементарного минимума и определение того основного типа фактов, с фиксации которых может быть начато исследование сакрального пространства как сложного семиосферного образования в каждом конкретном случае. Такой анализ был подробно отражен в одной из предшествующих публикаций автора [15]. В пределах настоящей статьи можно кратко артикулировать то, что исходной точкой для него является обращение к этимологическим основаниям греческого слова «ἄνθρωπος» («антропос») – «смотрящий» или «направленный вверх» [11, с. 42]. Атрибут пространственной направленности отражается в формулировке *homo dirigus*, призванной отметить его в качестве одного из отдельных аспектов или граней сущностного ядра человека. При перенесении этого момента в область семиотики внимание закономерно обращается к феномену простейшего дейктического (указательного) жеста, который, как считает С. Кита, «является базовым строительным блоком коммуникации, определяющим, подобно использованию вербального языка, уникальный характер человеческого существования» [20, р. 1–2]. Говоря о пространстве, где религия раскрывается и выражает себя, как отношение человека к сакральному, и учитывая ранее сформулированное понимание последнего, следует говорить о точном соответствии дейктического жеста функции этого выражения, ибо опыт сакрального, как опыт «предельного бытия» в своем минимуме есть «ощущение объективного бытия, представление о том, что можно назвать «что-то там» (И. Вах) [10, с. 113]. Именно различные развитые формы простейшего дейктического жеста (пространственные ориентации, обнаруживающие себя во всех ритуальных традициях), на наш взгляд, следует считать тем типом пространственно оформленных религиозных фактов, с фиксации которых как элементарного минимума может быть начато исследование священного пространства на уровне каждой конкретной культуры.

Список источников

1. Аринин Е. И. Философия религии. Принципы сущностного анализа. Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.
2. Ашмарин И. И. Дискретность и континуальность: что первично // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 5 / отв. ред. М. С. Киселева. М.: ИФ РАН, 2011. С. 66–75.
3. Батай Ж. Теория религии // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 52–106.
4. Башляр Г. Поэтика пространства // Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 5–212.

5. Бергер П. Л. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 339–364.
6. Гавра Д.П. Логическая модель знака Г. Фреге // Гавра Д. П. Основы теории коммуникации: учебное пособие. СПб.: Питер, 2011. С. 154–157.
7. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
8. Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
9. Зенкин С. Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2012.
10. Козлова И. Л. Критерии религиозного опыта в религиоведческой концепции Иоахима Ваха // Религиоведение. 2018. № 1. С. 103–117.
11. Мюллер М. Введение в науку о религии // Классики мирового религиоведения. Антология / общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон+, 1996. С. 31–143.
12. Пылаев М. А. Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX века. М.: РГГУ, 2011.
13. Рахманин А. Ю. Методологический агностицизм Н. Смарта и философия обыденного языка: к постановке проблемы // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 160–174.
14. Тиллих П. Кайрос // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 216–235.
15. Худяев А. С. Homo dirigus: дейктический жест в структуре сакрального пространства // Религия и Коммуникация: материалы VI Международной научно-практической конференции, Минск, 18–20 апреля 2019 г. / под ред. С. И. Шатравского. Минск: Ковчег, 2019. С. 367–373.
16. Элиаде М. Ностальгия по истокам. М.: ИОИ, 2012.
17. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.
18. Bornemark J. Introduction // Ambiguity of the Sacred / Ed. by J. Bornemark & H. Ruin. Södertörn: Södertörn University, 2012. pp. 5–14.
19. Greiner A.L. Sacred Space and Globalization // The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics / Ed. by S.D. Brunn. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 2015, pp. 363–370.
20. Kita S. Pointing: A Foundational Building Block of Human Communication // Pointing: Where Language, Culture, and Cognition Meet. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 2003. Pp. 1–8.
21. Sharpe Eric J. The Meaning of Religion in World History and Prehistory // Religion: Global and Arctic Perspectives: Proceedings of the 1st International Tromsø Religious Studies Conference / Ed. by J. Pentikainen. Tromsø: University of Tromsø. 1996. Pp. 19–26.
22. Smith J.Z. The Wobbling Pivot // Smith J.Z. Map is Not Territory: Studies in the History of Religions. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993, Pp. 88–103.

РАЗДЕЛ IV. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 141.319

https://doi.org/10.34130/9785876617408_154

Антропологическое измерение истории в философии истории школы праксиса

Е. М. Останина, аспирант

Научный руководитель: А. В. Павлов, д-р филос. наук

Сектор социальной философии

Института философии РАН,

г. Москва

Аннотация. В статье обозначаются аспекты антропологического содержания истории, раскрывается как в философии школы праксиса решаются философско-антропологические и философско-исторические вопросы через категорию «праксис».

Ключевые слова: школа праксиса, философия истории, социальная философия, политическая философия, практическая философия, праксис

Вопрос об антропологическом содержании истории является актуальным. Во-первых, в условиях развития конвергентных технологий, включая технологии искусственного интеллекта, обостряется дискуссионность антропологической проблематики, понимания человека, его природы, сущности и историчности. Достаточно обратить внимание на спор гуманизма и трансгуманизма. Во-вторых, поскольку человечество переживает ситуацию «фазового перехода», смену типа цивилизационного развития, обнаруживает себя значимость исследования сущности и содержания исторического процесса, обусловленных деятельностью человека.

Антропологическое содержание истории может быть рассмотрено, на наш взгляд, в двух аспектах, которые, безусловно, взаимосвязаны. Первый аспект относится к выяснению цели и смысла истории, ориентированных на развитие, совершенствование человека. Второй аспект – к исследованию самого процесса истории, который центрируется вокруг человека.

Антропологическое измерение истории является предметом изучения в различных философских учениях: например, в марксизме, феноменологии М. Шелера, неотрейдиизме Э. Фромма, экзистенциализме К. Ясперса и других. Одним

из направлений, где проблема антропологического измерения истории становится, по сути, ведущей является школа Праксиса как вариант западной марксистской (югославской) философии XX века.

Философско-антропологические и философско-исторические вопросы, исследуемые школой Праксиса, концентрируются вокруг основной категории – «праксис». Содержание данной категории не является в полной мере тем, что понимали под праксисом греки, хотя само употребление греческого слова призвано подчеркнуть признание философской традиции [4, р.4].

Применяя категорию «праксис», мы можем уточнить содержание категории «историческая реальность» / «историческое бытие», тем самым уточняя предметное содержание исторического познания. Здесь мы хотим обратить внимание только на одну сторону исторической реальности – ее антропологическое измерение.

Как пишет Г. Петрович, «праксис» – центральное понятие марксизма [4, р. 4]. То, что философы школы праксиса могли так считать, подтверждает тщательное, на наш взгляд, исследование П. Н. Кондрашова, который эксплицирует проблематику праксиса в философии К. Маркса [1]. Будучи онтологической основой социального бытия, праксис фундирован в бытии природы, которая втягивается в жизненный процесс человека в ходе его деятельности; он обладает динамической структурой, предметностью, действенностью; в нем выражена диалектика субъекта и объекта, внутреннего и внешнего.

Философы школы праксиса нередко взаимозаменяют понятия «практика» и «праксис». Так, М. Маркович, говоря о практике, подчеркивает, что это не просто работа, средство для достижения цели. Это деятельность, с помощью которой человек осуществляет свои лучшие родовые диспозиции: он максимально проявляется как индивидуальное и общественное существо, он удовлетворяет истинные требования остальных. Понятие праксиса позволяет «превзойти дуализм духа и материи, объектов и ценности». Это понятие имеет свое онтологическое, эпистемологическое, аксиологическое измерение [3, с. 68]. Практическая деятельность опосредует отношения между материей и духом: ее внешней стороной выступают объекты, изменение материальных предметов, а субъективной – чувства, сознание о деятельности, о сопротивлении противостоящей среды, об изменении самого себя; осознание человеком самого себя происходит в деятельности, в которой есть объективная и субъективная, материальная и духовная стороны. «Сущность человека представляет собой деятельность – практическую взаимосвязь человека с окружающим миром, деятельность, в непосредственном осуществлении которой конституируются отношения индивида с другими

людьми, с природой, с предметным миром и, наконец, с самим собой, т.е. конституируются общественные отношения» [2, с. 50]. Человек существует, таким образом, как человек, когда действует практически; здесь обнаруживается единство субъектного и объектного, неразрывность человека с условиями его бытия.

П. Враницки подчеркивает, что человек, по преимуществу, практическое существо, которое свободно и сознательно трансформирует свою собственную жизнь. Он утверждает, что практика охватывает все стороны бытия человека. «Человек существует и развивается только через преобразование своей природной и социальной реальности», и только таким образом он преобразует самого себя [5, р. 42]. Человек творит свою историю, свою историческую жизнь в соответствии с возможностями своей практики, с другой стороны, эти возможности даны всегда и только исторически. Так как возможности и способности человека вкупе с условиями его бытия могут различаться, имеет место вариативность в историческом процессе; разные «истории» говорят нам о творческих способностях человека и их многообразии.

Значение праксиса для понимания содержания истории можно выразить в следующих положениях: единство теории и практики, поскольку практическому отношению к миру присущ момент осмысления, знания, наличие образа, цели, плана; бытие человека – это бытие его практики в истории, практика имеет онтолого-антропологическое значение; через практику индивид связан с общим, включен в исторический процесс, в наличии и изменении сознания ведущую роль играет социальность; процесс изменения мира – это изменение власти над индивидуальными и историческими структурами; проективность, критичность и творческий характер практики [5].

Признавая антропологическую и гуманистическую направленность философии истории школы праксиса, обратим внимание на сложность поставленных ею проблем. К ним относятся проблема понимания социально-исторической реальности, «механизма» взаимосвязи материального и духовного, индивидуального (личного) и общественного.

Список источников

1. Кондрашов П. Н. Философия Карла Маркса: экзистенциально-антропологические аспекты. М., 2019.
2. Любутин К. Н., Коряковцев А. А. Антропологическое измерение формационной теории К. Маркса и поколенческий фактор общественного развития в XX в. // Вестник Омского государственного университета. 2009. № 7. С. 150–160.
3. Маркович М. Разговор с философом // Дискурс Пи: Научно-практический альманах. 2007. № 1 (7). С. 67–70.
4. Petrović G. Why Praxis // Praxis. 1965. № 1. Pp. 3–8.
5. Vranicki P. On the Problem of Practice // Praxis. 1965. № 1. Pp. 41–48.

**Человек и История: проблема «дефатализации прошлого»
в философии Поля Рикёра**

*А. Г. Мананникова, студент 4-го курса бакалавриата
Научный руководитель: Н. В. Трубникова, д-р ист. наук
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск*

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения философии истории Поля Рикера, отражающие антропологическое измерение его воззрений сквозь призму трудов «Время и рассказ» и «Память. История. Забвение», во многом предопределившие теоретические поиски истории на рубеже XX–XXI веков.

Ключевые слова: эпистемология Поля Рикёра, история памяти, пространство опыта, горизонт ожиданий, исторический актор, дефатализация прошлого

*История свободна, поскольку она
не написана заранее, не детерминирована,
как природа или судьба, она непредвидима,
как и сам человек [5, с. 498].*

Раймон Арон

Поль Рикёр является талантливым философом, сумевшим найти ответы на многие критические вопросы современной исторической науки. Он посвятил свои работы изучению герменевтических вопросов, анализу культурных текстов в качестве объекта интерпретаций, способу включения людей в культурный контекст, выведению концепции интерпретации, основанной на диалектическом понимании времени. Положив в основу своих изысканий множество философских, исторических и социологических штудий предшественников, Рикёр формулирует свою историческую эпистемологию. Его многогранный и многослойный подход к истории требует критического осмысления, попытка которого и будет предпринята в данной статье.

В интеллектуальном наследии философа мы можем найти ответы на вопросы практически по всем возможным аспектам изучения истории. В этой работе основное внимание будет уделено представлениям Рикёра о роли личности в истории и возможности изучения прошлого как «другого настоящего» [11, с. 43].

Авторы, изучающие философское наследие Поля Рикёра, не раз отмечали, что особенностью его подхода к науке является поразительное чутье, благодаря которому ему удавалось выявлять те направления, которые в последующем ста-

новились классическими или формировали мало осязаемые пока тренды будущих исследований. Одним из таких продуктивных начинаний стал постулат Рикёра о «дефатализации прошлого».

Под «дефатализацией» понимается изменение подходов к изучению прошлого от восприятия исторического процесса как детерминированного и имеющего чёткий, линейный порядок к признанию уникальности отдельных событий и акторов, а также к пониманию возможности (и неизбежности) появления новых интерпретаций картины прошлого.

Важная роль в понимании истории философом отводится «опыту истории» Р. Козеллека. Ключевой категорией здесь выступает «пространство опыта» каждого из живших / живущих поколений, из которого историческая наука в действительности черпает содержание и которое присваивает истории антропологическое измерение. Более того, Рикёр вслед за Козеллеком предлагает пересмотреть сущность исторического процесса, в отношении которого надо учитывать восприятие времени не только с позиции историка, но глазами его непосредственных участников в прошлом. В отношении применения доминирующей в исторической науке концепции «большой длительности» Рикер предупреждает о риске «...того, что большая длительность лишит историческое время живой диалектики прошлого, настоящего и будущего» [12, с. 265]. Долговременность в исследовании может препятствовать восприятию времени с позиции самого исторического актора, приводя к потере «живого» мироощущения истории.

В ходе работы над книгой «Память. История. Забвение» Поль Рикёр излагает своё видение исторического времени, ставя перед собой задачу проследить специфику перехода от «живой памяти» к отстраненной и взвешенной позиции исторического знания. Философ предлагает использовать концепцию хронософии как измерения времени, где происходит противопоставление статичного времени и времени неповторимого, что помогает нам выделять собственное историческое настоящее, прошлое и будущее как части уникального универсума каждой эпохи, и в нем именно настоящее с его живой памятью становится самым значимым. Однако следует понимать, что история не может полностью отказать от хронологии, так как в таком случае она лишится знания о том, как совершаются исторические исходы «горизонтов ожидания», и будет нечувствительна к динамике событий во времени. Подводя итог своим размышлениям об историческом времени, Поль Рикёр делает вывод, что историописанию присуща двойная и взаимная редукция: опыта памяти и представлений историков разных эпох о временном / темпоральном порядке.

Однако для продвижения по пути дефатализации прошлого Рикёр предлагает не только пересмотреть наши представления об историческом времени, но и обратить свой взгляд на действующие лица исторического процесса: «акцент ставится на дефатализации исторической необходимости во имя свободы, всегда

что-то проектирующей» [12, с. 470]. Если мы начнем воспринимать историю как живое полотно, меняющийся опыт, который имеет всегда открытый проект будущего, а не неизменный антиквариат, мы вынуждены будем идти по пути герменевтики, учиться не просто узнавать прошлое, реконструировать его, но понимать надежды, чаяния, торжества и разочарования людей прошлого. Для этих целей Рикёр вводит в язык историографии новое понятие «репрезентирование» (как «вновь-присутствие»), противопоставленное более литературной и привычной слуху «репрезентации» («вновь-представлению»). Философ предлагает нам рассматривать событие как находящееся в пространстве опыта и имеющее свой горизонт ожидания, то есть участники этого события должны рассматриваться нами как реальные люди со своими представлениями о прошлом и картиной будущего, своими ожиданиями и страхами, интересами и целями: ««Всякая история..., подобно саге, является по преимуществу рассказом о событиях, в которых мысль и действие человека играют доминирующую роль» [10, с. 176]. Конечно, мы не можем восстановить доскональный образ горизонта ожидания для каждого человека прошлого, который и для него самого чаще всего не имел ясной визуализации, но нужно понимать, что именно проекции будущего во многом направляют действия людей и в этом качестве являются фактором исторического процесса.

История представляет собой репрезентацию прошлого, в этом смысле она не отражает всей полноты представлений отдельных людей, однако историк работает ещё и с памятью. Именно память помогает понять прошлое как «другое настоящее»: «...у этого настоящего есть свое будущее, состоящее из ожиданий, неведения, предвидений, опасений людей, а не из того, что, как мы, другие, считаем, наступило; у этого настоящего есть также свое прошлое, являющееся памятью людей о том, что когда-то было, а не тем, что мы знаем о его прошлом» [11, с. 43] – через неё исследователь устанавливает диалог с человеком ушедшей эпохи. Работа с памятью помогает историку перейти от ретроспективного восприятия прошлого к его дефатализации.

Описывая эпистемологическую операцию написания истории, Рикёр выделяет одним из главных её этапов фазу объяснения / понимания. Именно на этом этапе исследования происходит наибольший разрыв истории и памяти. Историк наблюдает прошлое, но здесь наблюдение не означает регистрации грубого факта, «история раскрывает весь спектр форм объяснения, способных сделать интеракции людей интеллигибельными» [12, с. 258], – исторический инструментарий позволяет выделять и изучать серии регулярных фактов, проводить причинный анализ, устанавливать различные закономерности, изучать ментальности и идеи, применять разнообразные виды объяснения, интерпретации. На этом этапе кажущаяся проблемой субъективность историка на самом деле таковой не

является. Напротив, она признается конструирующим способом познания прошлого. Роль субъекта познания, а также эмпатическая причастность к предмету исследования делает автора необходимым условием создания исторического рассказа. Только в этом случае ему удастся выстроить диалог с людьми прошлого, рассматривать историю как пространство состоявшегося опыта человека другой эпохи, и, погружаясь в него, формировать такую концепцию картины мира прошлого, в которой бы гармонично сочетались понимание и объяснение, но которая никогда бы не имела окончательного вида. В конце концов целью историка становится показать историю такой, какой она была.

Рассмотрев эпистемологические вопросы истории в широком контексте западной интеллектуальной традиции, Поль Рикёр излагает свое видение теоретических основ исторической науки. Он акцентирует наше внимание на необходимости непрерывных усилий историка на поприще дефатализации прошлого. История предстает перед исследователем как материал для вариативной интерпретации. Философ предлагает постоянно помнить о том, что в истории не существует Рока, который предопределял бы порядок вещей и исходы событий, напротив «проект будущего» для человека, неважно, говорим мы о прошлом или настоящем, всегда неопределён, но именно наша обращенность к нему позволяет выявить его горизонт ожиданий, а значит, и определить границы феномена интенциональности для исторического процесса в целом.

Список источников

1. Adams S. A Note on Ricœur's Early Notion of Cultural Memory // *Ricœur Studies*. 2019. Vol 10. № 1. Pp. 112–124.
2. Dray W. H. *Laws and Explanation in History* / W. H. Dray. Praeger; Revised ed. Edition, 1979. 174 p.
3. Gallie W. B. *Philosophy and the Historical Understanding* / W. B. Gallie. ACLS Humanities E-Book. 2009. 238 p.
4. Аникина А. Б. Концепция истории в трудах Поля Рикера: дис. ... канд. философ. наук. Новосибирск: [б. и.], 2016. 156 с.
5. Арон Р. Введение в философию истории / Реймон Арон. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 524 с.
6. Артамонова Ю. Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // *Вестник славянских культур*. 2018. № 2. С. 29–40.
7. Калимонов И. К., Байтеева М. В. Понятие «Историческое время» и творчество историка: взгляды П. Рикёра и Р. Козеллека // *Учёные записки Казанского университета*. 2011. Т. 153. С. 255–266.
8. Мотрошилова Н. В. Поль Рикёр: истина истории и цивилизация. // *Поль Рикёр: человек – общество – цивилизация*. М., 2015. С. 6–31.
9. Поль Рикёр философ диалога / под ред. И. И. Блауберга. М.: ИФРАН, 2008. 143 с.
10. Рикёр П. *Время и рассказ*. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
11. Интерпретируя историю: Интервью профессора Поля Рикёра в связи с изданием в России книги «История и истина» // Рикёр П. *История и истина*. СПб, 2002. С. 9–16.
12. Рикёр П. *Память, история, забвение*. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

Цивилизационный выбор князя Владимира: макроисторические и микроисторические факторы в работах историков

*О. И. Зезегова, канд. ист. наук, доцент
СГУ им. Питирима Сорокина
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье рассматривается идеологическая реформа князя Владимира (выбор веры) в историографическом контексте. Сделан вывод о проблеме перехода с микро- на макроуровень и наоборот, осложненный тем, что в исследованиях историков разных поколений прослеживается неразрывная связь микро- и макрокомпонентов.

Ключевые слова: Русь, крещение, князь Владимир, микро- и макро- факторы

На протяжении многих веков в сознание русского народа вкладывается идея, что православное христианство стало для России сплавляющей скрепой, «создало великое тело России и одухотворило его, стало по истине душою России» [1]. По мнению культурологов, «духовный строй..., идеи, образный язык лучших произведений современного искусства России» [2] восходят корнями к православной нравственности и истории христианства. Исторический выбор князем Владимиром в 988 году делался между пятью вариантами: распространить собственное представление славянского язычества, принять иудейскую веру, исламскую веру (в виде магометанства), христианство в форме ее восточного или западного вариантов.

Историки всех поколений обращались к изучению вопроса крещения Руси. В данной статье поставлена цель выявить макроисторические и микроисторические факторы исторического выбора князя Владимира в работах российских исследователей.

Досоветской историографии с точки зрения выбора веры можно выделить два подхода: первый сводится к рациональному выбору князем Владимиром (М. В. Ломоносов [4], Н. И. Костомаров [3]), второй подход, характерный для церковных деятелей, связан с провидением Божиим (Иларион [13], епископ Макарий (Булгаков) [5], А.А. Царевский [18]).

Советская историография по вопросу крещения Руси и выбора веры князем Владимиром представлена в работах Б. Д. Грекова [2], Б. А. Рыбакова [12], М. Д. Тихомирова [14], И. Я. Фроянова [15]. Крещение Руси во многом связывали с потребностью феодализма, не отвергая вместе с тем прогрессивного значения принятия христианства.

В перестроечный период, который совпал с 1000-летием крещения Руси, было опубликовано большое количество научных исследований [6; 7; 11; 16]. Отметим статью Д. Е. Фурмана [17], которая специально была посвящена сюжету выбора веры князем Владимиром.

Среди авторов, публикующихся 2000-е гг., к проблеме выбора и испытания вер обращались Д. В. Пузанов [10], В. Я. Петрухин [8; 9].

Изучив различные подходы и точки зрения, мы пришли к следующим выводам. Микроисторические факторы связывают с субъективными характеристиками князя Владимира: стремлением к безграничной власти (византийское христианство в большей степени этому способствовало), сохранением традиции пиров (отказ представителям магометанства по причине запрета употребления вина), переосмыслением нравственной жизни (эпизод о человеческих жертвоприношениях Феодора и Иоана), желанием породниться с византийским двором (сватовство к византийской принцессе Анне). Анна в силу своего возраста и наличия большого числа наследников от жен и наложниц Владимира рассматривалась, прежде всего, не как продолжательница рода для великого князя, а как способ укрепления династических связей с Византией. Иными словами здесь речь идет о факторах иного рода, нежели субъективных. Желание безграничной власти также может рассматриваться как фактор масштабного характера: без сильной власти невозможно было объединение разноплеменных славянских союзов. Еще больше сомнений вызывает идея сочувствия Владимира к человеческим жертвам, приносимым Перуну за великую победу. В связи с этим перейдем к перечислению макроисторических предпосылок крещения Руси. Во-первых, отказ от многобожия и приобщение к монотеизму позволял Руси достигнуть нового этапа развития на основании идеи: единое государство во главе с великим князем под защитой всемогущего Бога. Во-вторых, это позволяло Руси приобщиться к европейской цивилизации и откреститься от статуса языческой провинции, создавая предпосылки для культурного прорыва в развитии письменности, образования, архитектуры и т. д. В-третьих, укреплялись торгово-экономические связи равных цивилизованных партнеров.

Таким образом, исторический выбор князя Владимира, даже понимаемый как личный выбор, предопределил широкое влияние на будущее России. Историки-позитивисты видели в выборе рациональные черты, историки-провиденциалисты обнаруживали «знамение божье», историки-марксисты непременно обнаруживали контекст расширения возможности эксплуатации народа с помощью веры, современные историки в большинстве своем, следуя антропологическому повороту в исторической науке, обращают внимание на действующего субъекта истории. Нами была выявлена проблема перехода с микро- на макроуровень и наоборот, осложненная тем, что в исследованиях историков разных поколений прослеживается неразрывная связь микро- и макрокомпонентов.

Список источников

1. Бородина А. В. Роль православия в жизни российского общества // Основы православной культуры: учебное пособие для основной и старшей ступеней общеобразовательных школ, лицеев, гимназий. М.: Издательский дом «Покров», 2003. 288 с.
2. Греков Б. Д. Киевская Русь. Л.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
3. Князь Владимир Святой // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. СПб.: Лениздат, 2007. Т. 1: X–XVII столетия, 2007. 541 с.
4. Ломоносов М. В. [Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской императорской и королевской Шведской АН] // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
5. Макарий, еп. (Булгаков). История русской церкви / [соч.] Макария, еп. Винницкого. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1857–1883. [В период совершенной зависимости ее от константинопольского патриарха. 988–1240. Отд. 1. Состояние русской церкви от основания ее в зависимости от константинопольского патриарха до первой попытки к независимости: от митрополита св. Михаила до митрополита Илариона. 988–1051], 1857. 292 с.
6. Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX–XIII): состояние проблемы и перспективы дальнейшего исследования // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. М.: Индрик, 2000. 656 с.
7. Новосельцев А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // Введение христианства на Руси. М.: Мысль, 1987. 302 с.
8. Петрухин В. Я. Крещение Руси: от язычества к христианству. Гл. 9. М.: Астрель, 2006. 222 с.
9. Петрухин В. Я. Выбор веры: видеолекция. URL: <https://postnauka.ru/video/41335> (дата обращения: 07.12.2021).
10. Пузанов Д. В. «Выбор Веры» в Повести временных лет: стереотипы конфессионального восприятия в древнерусском обществе // Вестник Удмуртского университета: История и филология. 2014. Вып. 3. С. 67–75.
11. Раушенбах Б. Сквозь глубь веков // Коммунист. 1987. № 12. С. 69–78.
12. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в IX–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
13. Слово о законе и благодати митрополита Илариона / подгот. текста и комм. А. М. Молдована, пер. диакона Андрея Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 26–61.
14. Тихомиров М. Д. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. 590 с.
15. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л.: ЛГУ, 1974. 159 с.
16. Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь / Г. Л. Курбатов, Э. Д. Фролов, И. Я. Фроянов. Л.: Лениздат, 1988. 333 с.
17. Фурман Д. Е. Выбор князя Владимира // Вопросы философии. 1988. № 6. С. 90–104.
18. Царевский А. А. Значение Православия в жизни и исторической судьбе России. Казань: типо-литография Императорского университета, 1898. 151 с.

«Загадки русского сфинкса» в научном творчестве А. М. Ону

Ю. С. Афанасьева, канд. ист. наук
СГУ имени Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар

Аннотация. В статье анализируются взгляды А. М. Ону на революционный процесс в России, показана эволюция взглядов в контексте изменения социально-политической действительности России и условий жизни историка.

Ключевые слова: историческая наука, преемственность и разрывы в историческом процессе, историография русской революции, А. М. Ону, русское зарубежье

Российская революция 1917 года как масштабное историческое явление начала XX века поставила перед мыслителями ряд вопросов, поиск ответов на которые ведется до сих пор: почему становление капитализма в России оказалось отличным от аналогичных процессов на Западе? Почему освободительная борьба в России, призванная уничтожить самодержавие и крепостничество, приобрела еще и антибуржуазный характер? В чем заключалось объективное содержание «социалистической революции» 1917 г.? Как революция повлияла на трансформацию власти в стране? Столетний период изучения и осмысления русской революции, как в России, так и за рубежом, предлагал различные ответы на эти вопросы [1].

Революция 1917 г., разделившая страну на два лагеря – сторонников и противников большевизма – стала центральной темой в публицистике разных политических направлений как в самой России, так и в «русском зарубежье». Многие современники и участники революционных событий либерального и консервативного толка оценивали и анализировали произошедшие глобальные перемены уже в эмиграции. К их числу относится и русский историк, общественный и государственный деятель Александр Михайлович Ону (1865–1935).

Небольшому историографическому кругу он известен как исследователь французских наказов 1789 г., ученик «Русской исторической школы». Однако его научное творчество охватывает и другие темы, волновавшие русскую общественность и отражавшие переломные этапы в истории, в частности вопрос о соотношении реформ и революций, а также различные аспекты революционного движения. Под влиянием первой русской революции А. М. Ону подготовил объемную статью «Великая революция и 48 год» [2]. Представив сравнительный анализ Великой французской революции и европейских революций середины XIX века, историк попытался выяснить подходят ли представленные типы революций для российской действительности, отражавшей кризис самодержавия.

Основным тезисом статьи стало тождество русской революции и революций 1848–1849 гг. Вместе с тем имелись сходства и с Французской революцией XVIII в. А. М. Ону приводит следующие утверждения. Начало смуты в России, по его словам, было заложено 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, а через 80 лет она охватила уже небывалое пространство [2, с. 242]. Тем самым Ону подчеркнул, что причины событий начала XX в. коренились в глубоком социальном и политическом кризисе, подобном тому, что разрушал на протяжении десятилетий старый порядок во Франции. Другое сходство историк увидел в политических институтах – важных вехах двух революций. Он сравнил «чуткое к настроению народа» Учредительное собрание 1789 г. во Франции и политические преобразования, дарованные Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г., отметив своевременность этих реформ. Принятие Манифеста видится историком как закономерный процесс, призванный остановить разрастание революции [2, с. 242–243]. Отметим, что в целом в 1906 г. А. М. Ону не принял первую русскую революцию, названную им «неслыханной смутой», а также осудил её «кровавый характер», посчитав, что она несёт многочисленные жертвы.

Изменение взглядов А. М. Ону было вызвано не только новыми социально-политическими реалиями, но и его собственным политическим опытом (с марта по июль 1917 г. А. М. Ону являлся помощником управляющего делами Временного правительства В. Д. Набокова) и новыми условиями жизни в эмиграции. В 1918 г. в Лондоне, куда иммигрировала семья Ону, был издан очерк историка «Загадки русского сфинкса» [3], ставший переработкой его лекций. В сочинении, написанном по горячим следам революционных потрясений, автор продемонстрировал спектр событий и причин, приведших к революции, и попытался показать её целостную картину.

Что же имел в виду историк под загадочным «сфинксом»? Сфинкс в греческой мифологии – фантастическое существо с головой женщины, львиными лапами, крыльями птицы и туловищем наполовину женщины, наполовину животного. По преданию, сфинкс обитал на скале близ Фив и убивал прохожих, которые не могли разгадать его загадку: «Кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, вечером – на трех?». Когда ее разгадал фиванский царь Эдип, ответивший, что это человек в детстве, в зрелом возрасте и в старости, сфинкс сбросился с горы. В Древнем Египте греки называли сфинксом статуи с телом льва и головой человека или священного животного, олицетворявшего идею сверхъестественной мощи, божественной сущности царя [6]. Историк соглашается с дальновидными писателями и политическими деятелями, которые «подметили в психике русского народа, под внешней оболочкой ленивой покорности, этого спокойного русского сфинкса, горячий материал для ужасного социального взрыва» [3, с. 110]. На наш взгляд, А. М. Ону считал, что в 1917 г. загадка рус-

ского сфинкса – в лице не только закрепощенного народа, но и всего многовекового самодержавного государства с неизменными традициями – была разгадана. Рано или поздно нашлись бы те, кто разгадал его загадку, но сам фантастический «русский сфинкс» был повинен в своей гибели, в том, что поддался радикальным течениям, которые, наконец, раскусили его.

Следует отметить, что в работе представлен большой фактический материал по всеобщей и русской истории, выдержки из документов, высказывания государственных деятелей. Стараясь выявить истинные причины «невиданной силы социального взрыва» Ону анализирует целый комплекс исторических явлений и фактов предшествующего периода (XVIII–XIX вв.). Среди них анализ российского царизма, православной церкви, различных социальных слоев (дворянства, крестьянства, буржуазии, пролетариата), государственной идеологии, оценка важных политических событий – восстания декабристов, реформы 1861 г., убийства царя, а также детальное рассмотрение политической деятельности и ее итогов двух последних царей (Александра III, Николая II). Последовательное рассмотрение автором исторических явлений приводит читателя к выводу о причинах революционного процесса в России, а также об эволюции взглядов самого историка.

Более поздние оценки первой русской революции А. М. Ону соответствуют либеральной трактовке революции, которая сводилась к следующему: признание событий 1905–1907 гг. закономерным историческим событием, имеющим прогрессивное политическое и социальное содержание; незавершенность первой революции ввиду отсутствия законного ограничения монархической власти. Интерпретация событий от Февраля к Октябрю в концепции А. М. Ону сводится к следующему. Говоря о революционных событиях, Ону выделил «революцию 1905 г.» и «революцию 1917 г.», четко не разделив последнюю на Февральскую и Октябрьскую революции. Для Ону февральские забастовки, отречение Николая II, период «двоевластия», корниловский мятеж и приход к власти большевиков – это звенья одной цепи. В современной историографии можно встретить подобную точку зрения [1].

Все же данное исследование нельзя считать строго научным. В оценках событий и деятелей революции заметны переживания автора, предвзятость и субъективность. Отсутствуют подстрочные комментарии, цитаты не сопровождаются научным аппаратом, фамилии указываются без имён и инициалов. Это объясняется тем, что очерки стали переработкой публичных выступлений по русской истории в одном из колледжей Лондона. Несмотря на это, книга написана современником тех событий, она является «живым документом истории», сохраняет свою актуальность и, безусловно, разгадывает загадку «русского сфинкса».

Окончательно концепция революции А. М. Ону сформировалась в 1930-е гг. В 1929 г. в Праге была опубликована доработанная научная статья историка «Социологическая природа революции» [4]. Более полно охарактеризовать истоки и последствия революционного процесса в понимании А. М. Ону позволили и его воспоминания о службе во Временном правительстве [5].

Список источников

1. Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Международ. науч. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / отв. ред. Ю. А. Петров; Рос. ист. о-во; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Гос. ист. музей; Федеральное арх. агентство. М.: ИРИ РАН, 2017. 808 с.
2. Ону А. М. Великая революция и 48 год // Свобода и культура. 1906. № 4. 23 апреля. С. 223–244.
3. Ону А. М. Загадки русского сфинкса / предисловие О. В. Соколовской. М.: Изд-во «Ось-89», 1995. 112 с.
4. Ону А. М. Социологическая природа революции // Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову (1859–1929). Прага, 1929. С. 29–55.
5. Onou A. The Provisional Government of Russia in 1917 // The Contemporary review. London, 1933. № 814. October.
6. Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13. С. 991–992.

УДК 930.1.

https://doi.org/10.34130/9785876617408_167

Государственная служба в имперской России в оценке министра внутренних дел П. А. Валуева (1861–1868 гг.)

Н. Е. Коровина, студент 4-го курса бакалавриата

Научный руководитель: Е. Е. Дутчак, д-р ист. наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет

г. Томск

Аннотация. На основе дневниковых записей П. А. Валуева выделены ключевые критерии профессионального роста государственного служащего в эпоху «Великих реформ» и охарактеризованы причины, заставившие министра отказаться от должности.

Ключевые слова: «человек второго плана», имперская бюрократия, карьера, самореализация

Несмотря на то что П. А. Валуев принимал активное участие в разработке многочисленных реформ, в частности земской и цензурной, его можно назвать «человеком второго плана». Он был незаурядной личностью, но, к сожалению, не располагал средствами и возможностями для самореализации, и это его очень тяготило на протяжении всей службы.

Оставленные им дневниковые записи являются ценнейшим источником для реконструкции способов профессиональной самореализации государственного деятеля в контексте «Великих преобразований» [1, т. 1–2]. П. А. Валуев записывал в дневник свои переживания относительно несостоявшихся реформ и несовершенства государственного устройства. Можно предположить, что министр, доверяя мысли бумаге, пытался дистанцироваться от чуждой ему действительности.

Исследований, посвященных жизни и деятельности П. А. Валуева, немного. В основном историки рассматривают их при изучении других проблем (модернизация института цензуры, осуществление крестьянской реформы и т. д.). Среди работ постсоветского периода стоит отметить диссертацию А. Э. Гетманского, посвященную политическим взглядам П. А. Валуева. Кроме того, он отметил, что для министра государственная служба была личной трагедией, с чем нельзя не согласиться [2, с.16].

Невозможность проведения в жизнь задуманных преобразований (как известно, П. А. Валуев один из немногих имел до вступления в должность разработанную программу) сказалась на здоровье сановника и его отношении к государственному долгу.

В чем состояла проблема самореализации госслужащего в имперской России? Для того чтобы ответить на поставленный вопрос обратимся к анализу рефлексий П. А. Валуева относительно министерского периода его жизни.

Сам П. А. Валуев отмечает в дневниковых записях, что «наступательный» период его деятельности на посту министра внутренних дел завершается в 1863 году. Именно тогда чиновник осознал тщетность всех усилий, направленных на реформирование государственного устройства, и понял, что переубедить императора вести дело «новой стезею» практически невозможно [1, т. 2, с. 438–440]. Дневник отразил разочарование П. А. Валуева положением дел в государстве и своей ролью в правительственной структуре. Ближе к 1865 году он все чаще задумывался о том, чтобы оставить должность [1, т. 1, с. 283]. Однако его останавливало трудное семейное положение и желание общественного признания.

На основе записей П. А. Валуева нами были определены существенные критерии профессионального роста государственного деятеля. Помимо образованности и трудолюбия, для успешного продвижения по карьерной лестнице министру было необходимо заручиться поддержкой императора и обзавестись идейными сторонниками.

Несмотря на то что министр считался чуть ли не «правой рукой» императора, он зачастую оставался в тени. П. А. Валуев хотел быть не просто подчиненным самодержца, а с гордостью называться его советником, возможно, даже другом, способным понять его чаяния относительно Российского государства. Критикуя действия Александра II, министр в то же время относился к нему с уважением и

всеми силами старался исполнять государственный долг надлежащим образом даже во вред собственному моральному и физическому здоровью.

Стоит сказать о том, что в наибольшей степени П. А. Валуева угнетали заседания в комитете министров. С первых же дней пребывания в комитете чиновник понял, что отсутствует механизм принятия решений, зачастую обсуждение важных вопросов «откладывается в долгий ящик». В связи с этим П.А. Валуев неоднократно настаивал на том, чтобы каждый министр приходил подготовленный к заседанию. Однако каждое новое заседание было похоже на предыдущее – министры избегали принятия конкретного решения, вступали в бессмысленные споры [1, т. 1, с. 265]. Безынициативность членов комитета министров пугала П. А. Валуева и заставляла задуматься о смысле государственной деятельности.

В дневниках чиновник сообщает, что не сумел обзавестись друзьями, но не винит себя в этом. Те немногие, кто поддерживал идеи П. А. Валуева, рано или поздно покинули занимаемые ими посты, что сделало положение министра вовсе невыносимым. Так, после ухода В. А. Долгорукова в 1863 году с должности шефа жандармов, П. А. Валуев еще больше почувствовал себя чужим в министерстве [1, т. 1, с. 261].

Другая проблема, по мнению П. А. Валуева, заключалась в отсутствии у императора навыков председательствования: на заседаниях он обычно скучал или уставал, не дослушивал доклады до конца [1, т. 1, с. 332]. П. А. Валуев не раз советовал императору отправить в отставку министров, которые «отжили свой век». Однако император формировал министерское сообщество таким образом, чтобы наблюдался перевес консервативных сил.

В связи с этим П. А. Валуев все чаще думал об отставке. Он избегал встреч с членами комитета министров, выбирал наиболее безлюдные маршруты для прогулок, сторонился посетителей, даже прибегал к хитрости – выключал настольную лампу, чтобы свет не выдавал его [1, т. 1, с. 303].

С каждым днем хандра овладевала министром, он стал реже выходить из дома, посещать собрания, ссылаясь на плохое самочувствие. Поскольку П. А. Валуев был натурой чувствительной, он сравнивал периоды карьеры со временем года. Лето и весна были символом воодушевления, осень – период увядания и бесцветности.

Подводя итог, нужно заметить, что, несмотря на формирующийся слой «просвещенных бюрократов», к которым можно отнести П. А. Валуева, монархический режим не позволял реформаторам реализовывать собственные идеи. Уже к концу государственной службы П. А. Валуев замечает, что сам погряз в бесцветности и не противится окружающей его действительности. Если ранее министр не идентифицировал себя с членами комитета министров, то по мере усиливающегося разочарования от службы причисляет себя к таким же никчемным, жалким деятелям [1, т. 1, с. 248].

Решившись покинуть пост министра внутренних дел, П. А. Валуев постоянно размышлял о поддержании репутации. Он считал необходимым «довести до ума» возложенную на него работу и выбрать более подходящий момент для ухода с политической сцены. Все это необходимо было сделать, по мнению министра, для того чтобы иметь возможность вернуться к государственной службе позже.

Список источников

1. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
2. Гетманский А. Э. Политические взгляды и государственная деятельность П. А. Валуева (70–80-е годы XIX века): дис. ... канд. истор. наук. Саратов, 2001. 227 с.
3. Зельдич Ю. В. П. А. Валуев и его время. М.: Аграф, 2006. 576 с.
4. Мининков Н. А. Человек второго плана как исследовательская проблема // Человек второго плана в истории. 2004. Вып. 1. С. 4–13
5. Ружицкая И. В. «Просвещенные бюрократы» – новый тип российских чиновников: опыт характеристики // Вестник РУДН, серия История России. 2008. № 1. С. 36–43.
6. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма в середине 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. 248 с.

УДК 324

https://doi.org/10.34130/9785876617408_170

Механизмы и принципы формирования имиджа регионального политика

*Л. С. Гаврилова, студентка 4-го курса бакалавриата
Научный руководитель: Ю. С. Афанасьева, канд. ист. наук
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ формирования образов лидеров политических партий и механизмы их формирования с помощью различных инструментов воздействия на электорат. За основу взяты образы, сформированные в общественном сознании на региональном уровне Республики Коми (на примере глав региона В. М. Гайзера, С. А. Гапликова, В. В. Уйбы).

Ключевые слова: образ политического лидера, политический имидж

В настоящее время современная политика стала более «персонализированной». Увеличилось количество политиков, представляющих различные партии, движения не только на федеральном уровне, но и на региональном. Избиратель сталкивается с проблемой выбора из многочисленного списка баллотирующихся единственного кандидата, который отвечает его представлениям о том, каким должен быть политический лидер. Актуальность рассматриваемой проблемы напрямую связана с восприятием и поведением избирателей на выборах как результате современной персонификации политических процессов. Цель данной

работы – проанализировать способы формирования политического имиджа региональных политических деятелей.

Понятие политического лидера является междисциплинарным, что объясняет отсутствие общепринятой дефиниции и демонстрирует его многоаспектность. В переводе с англ. «лидер» – это ведущий, умеющий управлять людьми. Иными словами, лидер – это член группы, умеющий в сложных или в экстремальных ситуациях принять верное решение и повлиять на мнение или поведение других участников данной группы [6, с. 98]. Современное общество желает видеть в политическом лидере индивида, который для решения проблем общественного развития будет способен к консолидации различных групп. И за таким лидером общество будет признавать право принимать решения, которые будут значимы с позиции общественности [4].

В условиях политической конкуренции важным фактором является политический имидж лидера, который в настоящее время формируется посредством СМИ. Теория журналистики описывает медиарепрезентацию деятельности политических лидеров, как правило, с точки зрения влияния политического дискурса на общество и тех инструментов, которые используются в текстах СМИ для создания образа политического деятеля на разных уровнях. Журналистика имеет большой потенциал власти, поскольку журналисты влияют на аудиторию при помощи слова, ведь каждый медиатекст способен изменить мнение читателей и выполнять пропагандистскую функцию. Ясно, что политика и журналистика тесно взаимосвязаны, однако эта связь проявляется не исключительно через пропаганду или поддержание демократии в странах, где есть свобода слова. Взаимовлияние политики и журналистики бывает не только прямым, но и косвенным.

Время новых реформ В. Путина и Д. Медведева заставило региональные элиты, и в первую очередь региональных лидеров, переосмыслить свои стратегии поведения. Данное обстоятельство поспособствовало приобретению региональными лидерами новой политической идентичности. Кроме того, поменялась и модель взаимодействия с центром. Теперь она представляет собой, скорее, вариант «сильный центр – слабые регионы» [3, с. 47].

Тем не менее при такой модели отношений федеральной власти не удалось выстроить систему «Центр – регионы», которая базировалась бы на «универсальных основаниях». Взаимодействие федеральной и региональных властей все больше стало реализовываться путем неформальных связей, в результате главы регионов были выведены из публичной политики и стали «агентами влияния публичной политики». Последнее обстоятельство и является определяющим в выявлении основ конструирования образа регионального лидера [1, с. 68].

Образы региональных руководителей конструируются так, чтобы ключевыми фигурами были лишь те, которые успешно взаимодействуют с руковод-

ством страны (в основном путем неформальных связей). «Образ» нужен региональному лидеру отнюдь не для поддержания региональной идентичности у населения, а в первую очередь для стабильности собственного статуса.

Например, формирование образа представителя региональной власти в Коми в лице В. М. Гайзера изначально строилось на том, что он – преемник бывшего главы региона В. А. Торлопова («ученик Торлопова») и выходец из Республики Коми («человек из республики»; «уроженец Республики Коми»; «местный, родившийся и выросший в республике»; «по национальности наполовину коми, наполовину немец»): «Я думаю, это самая оптимальная кандидатура. По крайней мере, это человек из республики. Он жил в республике, знает республику» [8].

Кроме того, при первом появлении в новостном поле личность будущего руководителя региона характеризуется следующими номинациями: «кандидат на пост главы Республики Коми»; «самая оптимальная кандидатура»; «наиболее перспективная кандидатура»; «выбор президента Дмитрия Медведева»; «Председатель госсвета РК Марина Истиховская ожидает, что депутаты поддержат выбор президента РФ по выбору кандидатуры на пост руководителя республики Вячеслава Гайзера» [5].

Еще одним интересным примером создания образа политического лидера при помощи СМИ и его контролирования на региональном уровне является бывший глава Республики Коми С. А. Гапликов, пресс-служба которого в 2018 г. разослала во все местные газеты список пунктов, в котором были определенные предписания подачи информации с его именем и модерация комментариев от простых граждан, с целью недопущения оскорбления С.А. Гапликова [2, с. 4] Но, несмотря на фильтрацию информации в СМИ и модерацию комментариев, для обычных граждан получение альтернативной информации о происходящем стал неформальный уровень коммуникации через комментарии под «фильтрованными» постами о процветании региона в период правления С. А. Гапликова.

Также интересно отметить, что в период, когда С. А. Гапликов выдвигается на пост Главы РК, новости в СМИ о нем преподносятся в ключе положительном, обращенном в будущее, так как исход выборов уже предрешен. Например, А. А. Бешкарев обращает внимание на такие заголовки БНК: «Сергей Гапликов предложил выращивать в Коми кукурузу» или «к 1 сентября 2017 года в Сыктывкаре и Ухте откроются вытрезвители». Вся суть построения имиджа С. А. Гапликова строится по «временной оси», то есть существующие проблемы вызваны неэффективной работой предшествующего правительства, однако под его властью регион будет процветать. Но несмотря на все это, для народа С. А. Гапликов оставался чужаком, ставленником Москвы [7].

Новый Глава Республики Коми В. В. Уйба в региональных провластных СМИ появляется практически каждый день со своим обращением к гражданам о минувших и будущих событиях, но даже несмотря на его активный диалог с гражданами республики, ясно, что складывается он непросто [7; 9].

Таким образом, политический имидж регионального политического лидера имеет сложную, взаимосвязанную и взаимодополняемую структуру, формирование которой требует профессионального подхода не только от самой партии и лидера этой партии, но и от СМИ, которые играют важную роль в создании образа, что позволяет судить о способах вербализации образа власти.

Список источников

1. Беличенко В. С. Прогнозирование электорального поведения в России // Политические преобразования современности. 2018. № 1. С. 67–72.
2. Бешкарев А. А. Образ региональной власти в публикациях государственных сетевых СМИ Республики Коми и читательских комментариях // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2019. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-regionalnoy-vlasti-v-publikatsiyah-gosudarstvennyh-setevykh-smi-respubliki-komi-i-chitatelskih-kommentariyah> (дата обращения: 07.12.2021).
3. Думские партии. Становление новой политической реальности? / С.П. Обухов [и др.]; под общ.ред. д-ра полит. наук С. П. Обухова. М.: Изд-во «МИД», 2019. 240 с.
4. Климова С. Г., Якушева Т. В. Образы политиков в представлениях россиян. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/ks0010091> (дата обращения: 18.11.2021).
5. Марина Истиховская уверена, что госсовет утвердит Вячеслава Гайзера главой республики. 2010. 6 янв. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/3870/> (дата обращения: 03.12.2021).
6. Омельченко Г. Е. Социология политики: имидж и общество: учеб. для вузов. М.: Статус, 2018.
7. Жители Коми до сих пор с теплотой вспоминают бывшего Главу Республики Коми Вячеслава Гайзера и считают, что при нём республика процветала. 16.10.2020. URL: <https://vk.com/personakomi> URL: https://vk.com/wall-105369250_174683 (дата обращения 07.12.2021).
8. Политэлита Коми оценивает внесение кандидатуры Вячеслава Гайзера. 2010. 6 янв. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/3869/> (дата обращения: 03.12.2021).
9. «У вас я – Путин». Глава Коми ответил на возмущение сельчан. 25 мая 2021. URL: <https://www.severreal.org/a/glava-komi-otvetil-na-vozmushchenie-sel-chan-slovami-u-vas-ya-putin/31272031.html> (дата обращения: 03.12.2021).

УДК 321

https://doi.org/10.34130/9785876617408_173

Деструктивное поведение человека в переходные периоды мирового политического процесса (на примере терроризма)

*А. В. Горбунов, студент 3-го курса бакалавриата
Научный руководитель: Ю. С. Афанасьева, канд. ист. наук
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема человеческого поведения в переходные периоды политического процесса. В качестве примера деструктивного поведения рассматривается терроризм. Указаны предположительные причины и выдвинуты гипотезы о влиянии переходных процессов на деструктивное поведение.

Ключевые слова: терроризм, деструктивное поведение, политический процесс

XXI век ознаменован рядом прорывных открытий, качественно изменяющих жизнь человека как в повседневной жизни, так и на политической арене. Вся неустроенность и неоформленность новых явлений проявляется в большом количестве девиантных направлений деятельности целых групп людей. Особенно ярко это проявилось в таких радикальных действиях, как массовые убийства, революции, многочисленные террористические акты. Говоря о последних, можно сказать без преувеличения о XXI веке как о веке терроризма. Данный вопрос находится в повестке дня многих государств и международных межправительственных организаций уже долгое время и не теряет своей актуальности. Так, 20 октября 2021 года официальный сайт МВД РФ опубликовал статистику о данных экстремистской и террористической направленности. В январе-сентябре 2021 г. зарегистрировано 1 776 преступлений террористического характера, что на 4 % меньше, чем в предыдущем году, и 854 преступления экстремистской направленности, что на треть больше, чем в прошедшем году [4].

Сегодня в мире наблюдается распад духовных ценностей, что является следствием резких социальных трансформаций. Наблюдается пренебрежение общественными и духовными нормами, преобладает прессинг и жесткость, причём на всех уровнях: межгосударственном, внутригосударственном, бытовом [6]. Вследствие этого аспекта была выделена следующая опасная тенденция: объектом, на который направлена деятельность террористических групп, становится любой человек. Стирается параметр причастности, и жертвами терактов становятся ни в чём не повинные люди [3].

Существует определённая зависимость между политической ситуацией в стране и уровнем деструктивного поведения её граждан. Разрушенные, декларативные, но недействующие формы формально-правовой или институциональной регуляции создают совершенно специфическую ситуацию аномии, недоверия, негативной адаптации, в которой возникают особого рода новообразования – квазиархаические и примитивные структуры организации поведения [5, с. 3], когда каждый человек сводит главную цель к одному – выжить. Так, в период с 1999–2008 гг. в России фиксируется наибольшее количество преступлений террористической направленности, плавное снижение которых начинается ближе к

2005 г. [2]. Связано это, на наш взгляд, с реформами внутри государства и со стабилизацией в регионах.

Помимо этого, стоит также отметить корреляцию жестокости государственных мер и уровня деструктивного поведения граждан. Чем более жёсткие и репрессивные методы применяет государство для решения своих внутренних и внешних политических задач, тем выше вероятность столкнуться с негативно настроенными группами, готовыми на решительные, а иногда и радикальные действия. Так, сирийский конфликт был ознаменован появлением запрещённой на территории РФ группировки ИГИЛ, состоящей из радикально настроенных исламистов, требовавших смены власти и отставки режима Башара Асада. Несвоевременная реакция, отсутствие эффективных мер противодействия на том этапе развития государств, заинтересованность в экономических и политических ресурсах Сирии других стран дало прочное основание и плацдарм для развития международного терроризма, который отмечается как вызов всему мировому сообществу и реальная угроза его гармоничного существования [1, с. 6].

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, деструктивное поведение человека – это проявление конфликтного неприятия социальной и политической действительности, которая может проявляться как в мирных демонстрациях и митингах, так и более радикальной форме, такой как террористическая деятельность. Аспекты, порождающие деструктивное поведение, зачастую уходят корнями в политическую сферу, которая, в свою очередь, является детерминантой порядка / хаоса как среди государственных институтов, так и социальных групп.

Список источников

1. Васнецова Е. С. Основные черты современного международного терроризма и причины его эскалации на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-cherty-sovremennogo-mezhdunarodnogo-terrorizma-i-prichiny-ego-eskalatsii-na-rubezhe-xx-xxi-vv> (дата обращения: 10.11.2021).
2. Гуров В. А. Некоторый исторический анализ террористических актов на территории Российской Федерации в период с 1999 по 2008 годы // Вестник ВУиТ. 2011. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotoryy-istoricheskiy-analiz-terroristicheskikh-aktov-na-territorii-rossiyskoy-federatsii-v-period-s-1999-po-2008-gody> (дата обращения: 10.11.2021).
3. Лысак И. В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ, Изд-во ТРТУ, 2004. 160 с.
4. Преступления экстремистского и террористического характера // Информационно-аналитический центр СОБА. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2021/10/d45136/> (дата обращения: 11.11.2021).
5. Чудина-Шмидт Н. В., Шишулина А. П. Рост террористических угроз как свидетельство антигуманистического развития общества XXI века // Архонт. 2020. № 6 (21). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/rost-terroristicheskikh-ugroz-kak-svidetelstvo-antigumanisticheskogo-razvitiya-obschestva-hhi-veka> (дата обращения: 19.11.2021).

6. Эльман С. А., Салгириева Ж. А. Современный терроризм и факторы, влияющие на его развитие // Закон и право. 2019. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-terrorizm-i-factory-vliyayushchie-na-ego-razvitie> (дата обращения: 15.11.2021).

УДК 324

https://doi.org/10.34130/9785876617408_176

**Влияние экологических протестов в Коми 2018-2019 годов
на электоральную ситуацию в регионе и на результаты выборов
в Государственную думу Федерального собрания
Российской Федерации VIII созыва**

М. И. Ломакина, аспирант

*Научный руководитель: В.А. Ковалев, д-р полит. наук,
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье рассматривается экологический фактор в политике и его возможное влияние на итоги выборов в Государственную Думу восьмого созыва в Республике Коми.

Ключевые слова: экологический протест, парламентские выборы

В период с 17 по 19 сентября 2021 года в Российской Федерации прошли выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации восьмого созыва. Средняя явка избирателей в Республике Коми составила 39,47 %, всего принял участие в выборах 254 301 избиратель. [3]

По одномандатному избирательному округу, включающему всю территорию Республики Коми, большинством голосов был избран Михайлов Олег Алексеевич, депутат Государственного Совета Республики Коми VII созыва, выдвинутый Политической партией «Коммунистическая партия Российской Федерации». За него проголосовало 32,36 % избирателей. Его основной конкурент, Савастьянова Ольга Викторовна, выдвинутая Всероссийской политической партией «Единая Россия», получила 26,84 % голосов.

По сравнению с предыдущим электоральным циклом, по итогам которого депутатами Государственной думы от Республики Коми стали два кандидата от партии «Единая Россия», нынешний результат можно связать с изменением политической обстановки как в республике, так и в целом в стране. Исследователи отмечают, что федеральные выборы 2016 года прошли под воздействием так называемого крымского консенсуса и роста патриотизма, однако к 2021 году в обществе произошли существенные изменения политических настроений [2].

Изменения эти связаны с большим числом факторов, не будем подробно на них останавливаться. Заметим только, что спад патриотического настроения и снижение уровня доверия «партии власти» наблюдался по всей стране. ФОМ отмечал падение рейтинга партии летом 2021 года до минимального значения с 2008 года, ранее «Левада-центр» также сообщал о рекордном снижении рейтинга «Единой России» [4; 10].

Ситуация в Республике Коми перед выборами 2021 года складывалась в силу противостояния местной политической оппозиции и «варягов», как называют высших чиновников в руководстве региона, которые были назначены из федерального центра, что стало одним из факторов, формирующих электоральную ситуацию перед выборами. Ещё одним важным фактором мы считаем экологическую ситуацию в республике.

По мнению некоторых исследователей, влияние экологического фактора на государственную политику России не является ведущей. Как пишет Т. Г. Чачуа: «Экологическая повестка не является первостепенной как в обществе, так и на государственном уровне. Политические партии, которые представляют “зеленую повестку”, имеют низкие шансы, чтобы пройти в Государственную думу в 2021 г., но могут бороться за места в Законодательном собрании в тех регионах, где экологический фактор сильно влияет на экономические процессы» [8].

Прогнозы автора нашли подтверждение в том, что ни одна из партий с «зелёной» повесткой не получила представительство в Государственной думе восьмого созыва. Однако предположение автора о том, что экологическая повестка может иметь значение в регионах, мы считаем справедливым для Республики Коми.

Как считают исследователи, с 2018 года экологическая повестка заняла центральное место в политической и социальной формах протеста в России. Принятие решения об открытии мусорного полигона около станции Шиес в Архангельской области вызвало не только закономерное недовольство жителей политикой региональных элит, но и укрепило положение экологического протеста по всей России, прокладывая путь дискурсивному и фактическому политическому участию [9].

С начала выступлений против строительства мусорного полигона осенью 2018 года в Коми также прошёл ряд протестов против него. Примечательно, что одним из организаторов митингов было Коми республиканское отделение партии КПРФ и лично депутат Государственного Совета Республики Коми от партии Олег Михайлов. Митинг 2019 года против мусорного полигона стал самым массовым в Коми за последние годы [1]. Несомненно, что экологическая тема была поводом для выхода негатива против «Москвы», т.е. назначенцев из высшего руководства республики и компаний, которые прибыли из столицы для реализации различных интересов на территории Коми.

Также экологическая ситуация в Республике Коми усугубилась нефтеразливом на реке Колве, который произошёл в мае 2021 года [7]. Пусть этот инцидент не имел последствий в виде массовых протестов, но загрязнение федеральной компанией окружающей среды Республики Коми могло повлиять на электоральную обстановку.

Как отмечают исследователи, экологический дискурс характеризуется высокой фрагментацией, это означает, что в процесс принятия политического решения относительно экологических проблем вовлекаются разные группы, в том числе граждане. Отсюда следует, что экологический дискурс создает уникальную среду для принятия политических решений, а также новые пути его политизации на уровне конкурирующих дискурсов [9]. В связи с чем следует вывод, что принятие решения в области экологической политики в современной России может послужить триггером политизации дискурса и мобилизации населения, как и произошло в Архангельской области и в Республике Коми.

В сложившейся ситуации образ Олега Михайлова оказался построенным достаточно грамотно. Ядро политического образа Михайлова строилось на том, что он не только оппозиционер, который активно критикует действующую власть, но и эколог, кандидат биологических наук [5].

Политик, благодаря организации протестов против мусорного полигона и при помощи успешного политического PR, получил в независимом медиапространстве ассоциации «защитника Шиеса» и борца против некомпетентных управленцев из Москвы.

Некоторые эксперты называют результаты выборов в регионе «протестными», причём реальное противостояние было не между Олегом Михайловым и Ольгой Савастьяновой, а между «местными» и «прибывшими». Победа кандидата от КПРФ Олега Михайлова по одномандатному избирательному округу, но при этом проигрыш партии КПРФ по партийному списку в пользу «Единой России» указывает на то, что основная поддержка избирателей была оказана не коммунистической партии, а личности Олега Михайлова.

Таким образом, экологический фактор, хоть и не является первостепенным в масштабах страны, может быть одним из факторов, влияющих на политическую ситуацию в регионах. Как мы видим на примере кейса победы Олега Михайлова на выборах в Госдуму восьмого созыва, экологический фактор может быть успешно использован в политической борьбе.

Список источников

1. В Сыктывкаре около 7 тысяч человек протестовали против «Шиеса» // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/29977340.html> (дата обращения: 31.10.2021).
2. Ежов Д. А. Выборы депутатов Государственной Думы Российской Федерации восьмого созыва: тенденции и прогнозы // Власть. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/>

n/vybory-deputatov-gosudarstvennoy-dumy-rossiyskoy-federatsii-vosmogo-sozyva-tendentsii-i-prognozu (дата обращения: 31.10.2021).

3. Избирательная комиссия Республики Коми. URL: http://www.komi.izbirkom.ru/vybory-i-referendумы/2021-09-19-edg/_gosudarstvennaya-duma/index.php (дата обращения: 20.09.2021).

4. «Левада-центр»: рейтинг «Единой России» среди московских избирателей за два года упал на 10 % <https://polit.ru/news/2021/08/06/edinayarossiya/> (дата обращения: 31.10.2021).

5. Соловьёва Е. «Люди озлоблены». Как защитник Шиеса выиграл выборы // Север. Реалии. URL: <https://www.severreal.org/a/kak-zaschitnik-shiesa-vyigral-vybory/31469692.html> (дата обращения: 31.10.2021).

6. Третья волна накатилась // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4887516> (дата обращения: 31.10.2021).

7. «Узлов учёта нигде нет». Из нефтепровода в Коми вытекло сто тонн топлива // BBC NEWS Русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57151151> (дата обращения: 31.10.2021).

8. Чачуа Т. Г. Влияние экологического фактора на государственную политику России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-ekologicheskogo-faktora-na-gosudarstvennuyu-politiku-rossii> (дата обращения: 31.10.2021).

9. Чмель К. Ш., Климова А. М., Митрохина Е. М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // The Journal of Social Policy Studies. 2020. №18 (1). URL: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98> (дата обращения: 31.10.2021).

10. Электоральные рейтинги партий // «Левада-центр». URL: <https://www.levada.ru/2021/03/11/elektoralnye-rejtingi-partij-5/> (дата обращения: 31.10.2021).

УДК 324

https://doi.org/10.34130/9785876617408_179

Этнополитическая ситуация в восприятии жителей региона (на примере Республики Коми)

*Д. Р. Морохин, студент 3-го курса бакалавриата
Научный руководитель: Ю. С. Афанасьева, канд. ист. наук
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье рассматривается межнациональная ситуация в Республике Коми на современном этапе, а также факторы её обуславливающие. Приведены данные опроса, демонстрирующие некоторые аспекты восприятия межнациональных отношений жителями региона.

Ключевые слова: национальная политика, Республика Коми, регионы, этнополитическая ситуация

Россия, начиная с этапа формирования государства, складывалась как многонациональное, поликультурное и многоконфессиональное государство. Этим

обуславливается особая важность национального вопроса в РФ. Межнациональные отношения должны рассматриваться как серьезная составляющая политики России, чтобы не допустить политических кризисов, конфликтов, потрясений и иных угроз целостности и единству страны. Необходимость в межнациональном согласии подчеркивается на самом высшем уровне [6, с. 1] и отражается в Стратегии государственной национальной политики РФ [11, с. 1].

Рассматривая Россию как государство, исторически созданное русским народом (государствообразующий народ), важно помнить, что на ее территории проживают и другие народы, чьи этнические корни также связаны с этой землей, например, татары, башкиры, чуваша, мордва, чукчи, ненцы, нганасаны и т. д. [7, с. 3] Как отмечает Н. С. Сабирова: «российская политическая действительность подводит к выводу, что вопрос межнациональных конфликтов полностью не исчерпан» [7, с. 2].

В связи с этим особо важным для целостности государства является вопрос межнациональных отношений в регионах, где четко выражена доля представителей коренных народов этих субъектов. Проблем и поводов для конфликтов здесь может быть множество: от классического противостояния центр-регионы, когда, как справедливо отмечает Е. Э. Суворова, «оппозиционность центру... создает колорит региональной идентичности» [9, с. 7]. Примером может служить ситуация со строительством мусорного полигона Шиес, приведшая к экологическим протестам, переросшим в политические [5, с. 1] до конфликтов между представителями разных этнических общностей внутри регионов. Один из наиболее громких конфликтов – межэтническое противостояние в городе Кондопоге, республика Карелия [1, с. 1]

Рассмотрим факторы этнополитической ситуации на примере Коми.

На развитие и гармонизацию межнациональной обстановки в регионе влияет множество факторов. Для определения важности этих факторов, а также для оценки отношения населения к ним нами был проведен опрос⁶. Первым из факторов выделим отношение населения к национальной политике в целом. Результаты показали, что всего 37 % респондентов считают национальную политику важной для Республики Коми. Также большая часть респондентов (около 60 %) считают свою этническую принадлежность не важной или не особо важной. Оценки населением межнациональной напряженности более оптимистичны. 80 % респондентов считают, что уровень межнациональных отношений спокойный

⁶ Опрос, призванный отразить мнение жителей республики Коми о национальной политике, межнациональных отношениях, национальной культуре, мигрантах и миграциях, проводился методом онлайн-опроса в Google-форме, а также в форме анкетирования. Всего было опрошены 102 человека, из них 48 мужчин, 54 женщины. В исследовании участвовали респонденты в возрасте от 17 до 85 лет. Итоги исследования зафиксированы в таблице по ссылке: <https://clck.ru/amWPK>.

и никак не влияет на развитие региона, однако благополучными и способствующими развитию Республики Коми межнациональные отношения считают только 4,5 % респондентов. Что касается напряженности этнополитической обстановки, большинство отмечают либо отсутствие напряженности как таковой, либо ее незначительность. О высоком уровне напряженности сообщают лишь 4 % опрошенных. Таким образом, респонденты оценивают этнополитику как не самое значимое направление политики, а обстановку в регионе характеризуют как нейтральную.

Однако помимо этого существуют и другие факторы, влияющие на межнациональную ситуацию в регионе. Хотелось бы обратить внимание на экономический фактор. Серьезной проблемой является различие уровня жизни в регионах, что, в свою очередь, приводит к проблемам в межнациональных отношениях, социальной напряженности в субъектах РФ, а также делает необходимой разработку разных методов реализации национальной политики для разных регионов [8, с. 5]. Политика и законодательство России также развивается в сфере решения подобных проблем. Однако, несмотря на положительную динамику, многие регионы характеризуются медленным экономическим развитием. Так, например, Республика Коми по своему экономическому потенциалу относится к регионам со средними темпами роста, низкой долей топливного сектора и низким уровнем безработицы, а по уровню жизни населения к регионам с низким уровнем бедности, но и низким уровнем расходов и доходов населения. [2, с. 83] Тем не менее все респонденты считают Коми неразвитым (58 % опрошенных) или медленно развивающимся (36 %) регионом. Это может свидетельствовать о напряженности по отношению к представителям других регионов, для которых правительством осуществляется больше мер по гармонизации экономической сферы.

Важной остается и национальная самоидентификация граждан. По сути, этническая самоидентификация или, по-другому, самосознание, характеризуется как определенная совокупность представлений (идей) конкретного индивида о его принадлежности к какой-либо этнической группе, а также психолого-эмоциональное отношение к ней. Одной из наиболее серьезных проблем Республики Коми в рамках этнополитической обстановки является сокращение доли представителей коренных народов. Численность Коми всего за 8 лет, в период с 2002 по 2010 год, сократилась почти на 23 %. [4, с. 3]. Проведенное исследование показало, что большинство молодых людей (до 30 лет) идентифицируют себя как «русских» даже если один из их родителей или оба родителя «коми». Большая часть респондентов, идентифицирующих себя как «коми», являются представителями зрелой или пожилой возрастных групп. Это свидетельствует, на наш взгляд, о постепенном сокращении граждан, идентифицирующих себя с коренным народом. Необходимо обратить особое внимание на эту проблему, потому

как этническое самосознание влияет на такие социальные факторы, как консолидация, стремление к партнерству между разными этносами, доминирование одного этноса над другим.

Другим, достаточно важным фактором является вопрос мигрантов, а именно их социальной и культурной адаптации. Значительная часть мигрантов, прибывающих в нашу страну, не обладает хорошим образованием, знанием русского языка, вследствие чего появляется боязнь, неприязнь к мигрантам. Это провоцирует рост напряженности в межнациональных отношениях. Правительство пытается регулировать этот вопрос, в 2018 г. был принят указ «О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [10, с. 1], однако законодательство в этой сфере скорее ориентировано на привлечение временных трудовых ресурсов, а меры по интеграции мигрантов недостаточные [3, с. 12]. Среди опрошенных респондентов 82 % относятся к мигрантам нейтрально, однако проблемы в этой области существуют. Положительное отношение к мигрантам лишь у 5 % респондентов. В частности, многим мигрантам тяжело адаптироваться, так как они подвергаются насмешкам из-за цвета кожи, акцента, национальности. Очень часто это преследует их на протяжении всей жизни, даже если с детства они живут в Республике Коми, что не дает им адаптироваться, заставляя постоянно помнить и думать о том, что они не такие как большинство, «чужие».

Подводя итог, нельзя однозначно определить отношение жителей Республики Коми к этнополитической ситуации как позитивное или негативное. Его, как и этнополитическую ситуацию в целом можно охарактеризовать как «нейтральное». Проводится работа по различным направлениям этнополитики, которые хоть и далеки от идеала, но перспективы развития все же присутствуют. Однако стоит озаботиться и работой с населением, потому как многие не осознают важность этнополитики и развития межнациональных отношений в целом.

Список источников

1. Краткая история межнациональных конфликтов в России. 10 июля 2013 года. URL: <https://www.forbes.ru/novosti-photogallery/241916-kratkaya-istoriya-mezhnacionalnyh-konfliktov-v-rossii> (дата обращения: 04.12.2021).
2. Бутс Б., Дробышевский С., Кочеткова О., Мальгинов Г., Петров В., Федоров Г., Хехт А., Шеховцов А., Юдин А. Типология Российских регионов // СЕРРА. 2002. URL: <https://www.iep.ru/files/text/cepra/drob.pdf> (дата обращения: 04.12.2021).
3. Зорин В. Ю., Каменских М. С. Этнополитическая ситуация в России: современное развитие и основные мегатренды // Вестник МГОУ. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopoliticheskaya-situatsiya-v-rossii-sovremennoe-razvitie-i-osnovnye-megatrendy> (дата обращения: 04.12.2021).
4. Логинова Н. Н., Реброва Т. П. Динамика численности финно-угорских народов России // Финно-угорский мир. 2013. № 3 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-chislenosti-finno-ugorskih-narodov-rossii> (дата обращения: 04.12.2021).

5. Жертвы Шиеса. 3 апреля 2020 года. URL: <https://meduza.io/feature/2020/04/03/zherty-shiesa> (дата обращения: 04.12.2021).
6. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 04.12.2021).
7. Сабирова Н. С. Национальная политика современной России в контексте межэтнических взаимодействий внутри государства // Власть. 2020. № 3. С. 87–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43117416> (дата обращения: 05.12.2021)
8. Савинов Л. В. Национальная политика в современной России: концептуальная модель и ее реализация // Вестник российской нации. 2020. № 2(72). С. 9–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42956253&> (дата обращения: 04.12.2021)
9. Сурова Е. Э. К вопросу о региональной самоидентификации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2005. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-regionalnoy-samoidentifikatsii> (дата обращения: 05.12.2021)
10. Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 04.12.2021).
11. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 04.12.2021).

УДК 316.6

https://doi.org/10.34130/9785876617408_183

Факторы, влияющие на политическую активность и пассивность молодежи (на примере Республики Коми)

*В. Р. Тлишева, студент 4-го курса бакалавриата
Научный руководитель: М. Р. Ткаченко, канд. социол. наук
СГУ им. Питирима Сорокина
г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье выявлены основные мотивы включения молодежи в политическую жизнь региона – Республики Коми. Особое внимание уделено анализу факторов, влияющих на пассивное и активное политическое участие молодых людей, их сознание.

Ключевые слова: политическое участие, политическое поведение, молодежь

В каждом государстве молодые люди являются движущей силой во всех сферах общественной жизни общества. Они играют важную роль в развитии страны, определяют последующий политический курс общественного развития. Но несмотря на это, на сегодняшний день уровень политического участия среди моло-

дежи достаточно низок. Это явление связано с возникновением барьеров, недействительностью механизмов в государстве, которые ограничивают прямую интеграцию молодежи в политическом процессе.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что на современном этапе молодому поколению отводится важнейшая роль в продолжении реализации демократического курса с одной стороны, но также все больше укореняются механизмы и тенденции, пагубно влияющие на этот процесс, с другой.

Цель данного исследования – анализ факторов пассивного и активного политического поведения молодежи.

Для того чтобы понять, почему молодое поколение принимает или не принимает участие в политической жизни региона, необходимо установить причины (факторы), которые влияют на сознание и действия молодежи. Участие граждан в политическом процессе, выбора форм участия напрямую зависит от факторов субъективного / объективного характера. Исследователи выделяют общие черты факторов, которые содержат в себе следующие принципы: религия; образование; доход; положение в обществе; местожительство [6, с. 7].

Такой фактор, как религия, обуславливается приверженностью определенной традиционной траектории ведения политики, тем самым невозможно изменить политический дискурс из-за привязанности к прошлому.

Фактор образования показывает, что чем ниже у человека образование, тем ниже уровень политической культуры. Высшие учебные заведения проводят с молодежью работу гражданско-патриотического, правового, культурного характера. Уровень образования влияет и на толерантность и отказ от экстремистских идей.

Показатели денежного дохода характеризуют уровень жизни избирателей, который влияет на экономическую и политическую стабильность в обществе. Так, например, высокий уровень дохода приводит к демократическому курсу. Если мы обратимся к доходам молодых людей в России, то увидим, что самыми успешными годами были 2015 и 2019. В этих годах доходы населения значительно увеличивались. Однако в 2020 году доходы населения снизились на более чем 100 млрд рублей. Поэтому мы можем наблюдать снижение активности и увеличение протестных настроений с 2020 года [4].

Положение в обществе также оказывает важное влияние на активность. Население, которое относит себя к высшему слою, всегда принимает активное участие в политической жизни. Люди среднего социального статуса также принимают участие, чаще всего в выборах. А низшие слои в выборах совсем не участвуют.

Фактор местожительства также влияет на степень вовлеченности в политический процесс. Люди, которые живут в сельских местностях, более часто и активно проявляют интерес в политике, чем люди, живущие в центральных городах.

Еще одной типологией факторов является деление факторов на две группы. К первой, рациональной, относится «экономическое голосование», которое связано с оценкой экономического положения региона. Выявление социально-экономической ситуации в регионе избирателем ведет к предпочтениям наиболее выгодной партии, лидера. Ко второй группе, экспрессивной, относятся такие характеристики, как возраст, пол, уровень жизни, статус, профессиональная деятельность, уровень культуры и уровень образования, ценностные ориентиры. Эти факторы действуют на человека независимо от его сознания [8, с. 47].

К общим факторам политической активности молодежи РК относятся:

- гендер: женщины наиболее активны, чем мужчины;
- возраст: чаще проявляют политическую активность старшая молодежь в возрасте 25–35 лет;
- образование: молодые люди с высшим образованием становятся самыми активными;
- социальное положение: обеспеченные молодые люди чаще принимают активное политическое участие, чем молодые люди, не удовлетворенные своим социальным положением.

К факторам можно отнести и сосредоточение молодежи РК на учебе, создание семьи, поиски работы и жилья. Эти факторы не дают молодому поколению думать о судьбе региона и даже страны.

Что касается внешней среды региона Республики Коми, то к основным факторам определения политического участия молодежи, по нашему мнению, необходимо отнести:

– экономическую нестабильность региона. Несмотря на то что Северо-Западный федеральный округ вошел в тройку округов по наибольшему уровню доходов в 2019 г., Республика Коми занимала 42-е место (из 85) в рейтинге социально-экономического положения регионов. В 2020 г. Республика Коми с 42-го места спустилась до 43-го [2];

– низкий уровень доверия к власти. В 2019 г. проходило закрытое исследование уровня доверия регионов России к власти. По результатам данного исследования Республика Коми вошла в пятерку регионов с самым низким доверием к главе. Республика показала очень высокие результаты по недоверию к губернаторам и власти в целом [5];

– имидж политических лидеров региона. Если обратить внимание на выборы в Государственный Совет РК по одномандатным округам, выборы Главы РК и другие выборы региона, то чаще всего молодые люди обращают внимание на образ политика, его известность и совсем не обращают внимание на политические программы кандидатов. Также молодые избиратели обращают внимание на финансовую составляющую кандидата;

– низкое представительство молодых людей в органах власти. Так, например, в Государственном Совете РК на 2021 год из числа депутатов, входящих в группу молодежи, всего 2 человека в возрасте 30–35 лет (В. В. Бетехин, В. И. Завальнев). Такая ситуация практически не находит реальную реализацию интересов молодежи в регионе посредством их представителей в органах власти [1];

– кризис политического участия в регионе. В регионе среди молодежи преобладает абсентеизм. В выборах Главы РК в 2016 и 2020 гг. численность избирателей составила менее 50 %. Такая ситуация происходит из-за взаимного отчуждения власти и граждан. В Республике Коми в выборах на различных уровнях участие в выборах не принимают 50 % населения. Причины абсентеизма довольно очевидны. К ним относятся недоверие к институтам власти, коррумпированность чиновников, рост безработицы [3];

– недостаточность программ региональной молодежной политики. На сегодняшний день, несмотря на существование и работу Министерства образования, науки и молодежной политики, Республиканского центра поддержки молодежных инициатив и консультативного органа при ГС РК Молодежный Парламент, молодежных организаций, таких как МГЕР, политических партий, очень маленький процент молодежи знает о деятельности данных объединений. Не наблюдается эффективной работы по взаимодействию с молодежью. Несмотря на то что в современной Республике Коми численность молодежи составляет 215 тыс. человек [2], наблюдается низкая работа государственной молодежной политики. Не замечена и качественная работа региональных СМИ по освещению мероприятий и функционирований молодежных инициатив.

Все перечисленные факторы становятся возможными причинами протестного поведения среди молодых. Усиливающееся недовольство положением в регионе среди молодежи с каждым годом приобретает массовый характер.

Таким образом, существует большое количество факторов, как субъективных, так и объективных, которые непосредственно влияют на проявление активности и пассивности среди молодежи в РК. Так, выделяются некоторые общие характеристики, влияющие на активность: возраст, гендер, образование, социальный статус, идеология, место жительства и др. К отказу молодых людей от политической жизни приводят проблемы, связанные с возрастными изменениями (учеба, устройство на работу, создание семьи), правовой нигилизм, недоверие к властным структурам, отчуждение органов власти от молодежи, внешняя среда региона, которая проявляется в социально-экономической отсталости. Поэтому как российской системе, так и региональной активности необходима продуктивная молодежная политика. Для вовлечения молодых граждан в сферу политики должны быть задействованы студенческие, волонтерские и общественные организации на различных уровнях. Проблемы абсентеизма должны быть

преодолены через взаимодействие федеральной власти и органов местного самоуправления.

Список источников

1. Официальный сайт Государственного Совета Республики Коми. URL: <https://gsrk.ru/dictionaries/deputaty> (дата обращения: 14.11.2021).
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. URL: <https://komi.gks.ru/population> (дата обращения: 14.11.2021).
3. Избирательная комиссия Республики Коми. URL: <http://www.komi.izbirkom.ru/chislennost-izbirateley/index.php> (дата обращения: 14.11.2021).
4. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 14.11.2021).
5. База данных ФОМ. Рейтинг доверия/недоверия к институтам власти и общества в 2019 году. URL: https://bd.fom.ru/cat/pow_rei/ (дата обращения: 14.11.2021).
6. Гончаров Д. В. Теория политического участия. М: Юрист, 1997. 205,[1] с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001771586> (дата обращения: 14.11.2021).
7. Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика // Политические исследования. 1994. № 3. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=5020260> (дата обращения: 14.11.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асташов Владимир Николаевич, канд. филос. наук, доцент, Вологодский государственный университет, Вологда.

Афанасьева Татьяна Александровна, канд. филол. наук, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород.

Афанасьева Юлия Сергеевна, канд. ист. наук, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Баширова Яна Маликовна, бакалавр, бизнес-аналитик ООО «А2Софт», Казань.

Белых Руслана Николаевна, студ. 4-го к., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Дудар Татьяна Евгеньевна, канд. филос. наук.

Блынская Татьяна Анатольевна, канд. сельскохозяйств. наук, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лаверова Уральского отделения РАН, Архангельск.

Вишняков Алексей Васильевич, студ. 5-го к., Кировский государственный медицинский университет, Киров. Научный руководитель: Михайлов Андрей Евгеньевич, канд. филос. наук.

Вьюнов Павел Николаевич, магистр. 1-го к., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород. Научный руководитель: Некита Андрей Григорьевич, д-р филос. наук.

Гаврилова Людмила Сергеевна, студ. 4-го к. Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Афанасьева Юлия Сергеевна, канд. ист. наук.

Гольцова Евгения Викторовна, канд. филос. наук, доцент, Иркутский государственный университет, Иркутск.

Горбунов Артемий Владиславович, студ. 3-го к. Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Афанасьева Юлия Сергеевна, канд. ист. наук.

Гордиенко Денис Дмитриевич, студ. 2-го к. Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научные руководители: Завьялов Борис Михайлович, канд. филос. наук; Азаров Ян Эрнестович, д-р биол. наук.

Денисова Анастасия Владимировна, член Союза художников регионального отделения РФ; ст. преподаватель, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Ермилова Алла Александровна, научный сотрудник, МБУК Феодосийский литературно-мемориальный музей А.С. Грина, Феодосия.

Ершов Александр Александрович, канд. филос. наук, доцент, Ухтинский государственный технический университет, Ухта.

Завьялов Борис Михайлович, канд. филос. наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Зезегова Ольга Ивановна, канд. ист. наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Иванов Сергей Викторович, канд. мед. наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Ильин Владимир Иванович, докт. соц. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Кащей Николай Александрович, д-р филос. наук, профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород.

Кныш Полина Валерьевна, студ. 4-го к., Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск. Научный руководитель: Пилецкая Людмила Васильевна, канд. ист. наук.

Козловский Владимир Вячеславович, докт. филос. наук, профессор, директор Института комплексных социальных исследований (НИИКСИ), Санкт-Петербург.

Кокарева Юлия Владимировна, канд. филос. наук, доцент, Забайкальский государственный университет, Чита.

Коровина Наталья Евгеньевна, студ. 4-го к., Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск. Научный руководитель: Дутчак Елена Ерофеевна, д-р ист. наук.

Кочерган Людмила Ивановна. Национальная галерея Республики Коми, Сыктывкар.

Круткин Виктор Леонидович, д-р филос. наук, профессор, Удмуртский государственный университет, Ижевск.

Кувакина Арина Олеговна, магистр. 1-го к., Ухтинский государственный технический университет, Ухта. Научный руководитель: Ершов Александр Александрович, канд. филос. наук.

Кузнецов Владимир Алексеевич, магистр. 2-го к., Северный (Арктический) Федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск. Научный руководитель: Руссова Ольга Николаевна, канд. филос. наук.

Ломакина Маргарита Игоревна, асп. 3-го к., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (направление «Политические науки и регионоведение», направленность «Политические институты, процессы и технологии»). Научный руководитель: Ковалёв Виктор Антонович, д-р полит. наук.

Лянцевич Анелия Владимировна, канд. искусствоведения, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Максимова Наталья Леонидовна, ст. преподаватель, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Максимова Ольга Леонидовна, канд. филол. наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Маленко Сергей Анатольевич, д-р филос. наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.

Малинина Кристина Олеговна, канд. социол. наук, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаврова Уральского отделения РАН.

Мамедов Алихан Али оглы, магистр. 2-го к., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Ковалев Виктор Антонович, д-р полит. наук.

Мананникова Анна Геннадьевна, студ. 4-го к., Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск. Научный руководитель: Трубникова Наталья Валерьевна, д-р. ист. наук.

Мартысюк Павел Григорьевич, докт. филос. наук, докт. культурологии, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Михайлов Андрей Евгеньевич, канд. филос. наук, доцент, Кировский государственный медицинский университет, Киров.

Михайлова Марина Васильевна, канд. филос. наук, доцент, Кировский государственный медицинский университет, Киров.

Морохин Даниил Русланович, студ. 3-го к., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Афанасьева Юлия Сергеевна, канд. ист. наук.

Некита Андрей Григорьевич, д-р филос. наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.

Ненашева Марина Викторовна, канд. филос. наук, Северный Арктический Федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск.

Останина Елена Михайловна, асп. 3-го к., Институт философии Российской академии наук, Москва. Научный руководитель: Павлов Александр Владимирович, д-р филос. наук.

Рабкин Владимир Сергеевич, магистр. 2-го к., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Рабкин Сергей Владимирович, канд. экон. наук.

Свиренкова Олеся Васильевна, магистр. 2-го к., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Дудар Татьяна Евгеньевна, канд. филос. наук.

Сердитова Татьяна Николаевна, член Союза художников России, ст. преподаватель, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Стрельченко Алена Николаевна, магистр. 2-го к., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Лянцевич Анелия Владимировна, канд. искусствоведения.

Ткаченко Мария Рейсовна, канд. социол. наук, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Тлишева Вилена Руслановна, студ. 4-го к., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Ткаченко Мария Рейсовна, канд. социол. наук.

Тонкова Елена Германовна, канд. филос. наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

Уляшева Лариса Геннадиевна, магистр. 2-го к. Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Дудар Татьяна Евгеньевна, канд. филос. наук.

Фильштинская Александра Глебовна, асп. 3-го к., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. Научный руководитель: Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук.

Холопов Данила Александрович, студ. 2-го к., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Волокитина Надежда Александровна, канд. культурологии.

Худяев Андрей Сергеевич, младший научный сотрудник, Центр сравнительного религиоведения и этносемиотики Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск.

Шамаева Виолетта Вадимовна, студ. 4-го к., Воронежский государственный университет, Воронеж. Научный руководитель: Ищенко Елена Николаевна, д-р филос. наук.

Шестацкая Мария Дмитриевна, студ. 4-го к., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. Научный руководитель: Зезегова Ольга Ивановна, канд. ист. наук.

Шурыгина Мария Александровна, студ. 4-го к., Воронежский государственный университет, Воронеж. Научный руководитель: Костюк Алиса Анатольевна, канд. филос. наук.

Яковлева Лилиана Сергеевна, асп. 2-го к., Сибирский федеральный университет, Красноярск. Научный руководитель: Кудашов Вячеслав Иванович, д-р филос. наук.

Научное издание

**ЧЕЛОВЕК КАК ИДЕЯ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Всероссийская научно-практическая конференция

10–11 декабря 2021 года
г. Сыктывкар

Сборник научных статей

Ответственный редактор *Завьялов Борис Михайлович*

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium III; 256 Мб RAM; не менее 1,5 Гб на винчестере ;
Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2) ; видеокарта с памятью не менее 32 Мб,
экран с разрешением не менее 1024 × 768 точек ; 4-скоростной дисковод (CD-ROM)
и выше, мышь ; Adobe Acrobat Reader.

Редактор *Л. Н. Руденко*

Корректор *Е. М. Насирова*

Верстка и компьютерный макет *Н. Н. Шергина*

Выпускающий редактор *Л. В. Гудырева*

1,5 Мб. 1 компакт-диск, пластиковый бокс, вкладыш.

Подписано к использованию 25.06.2022 г.

Заказ № 53. Тираж 100 экз.

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина

167982. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 23Б

Тел. (8212)390-472, 390-473.

E-mail: ipo@syktsu.ru

<http://www.syktsu.ru/>